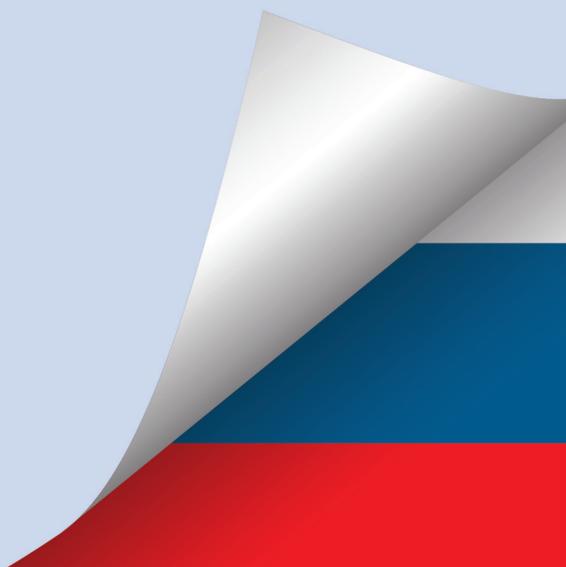

2021. Т. 13. № 4

ISSN 2219-6242

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
И ПРАВО**

ISSN 2219-6242

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2021. Т. 13. № 4

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО Т. 13. № 4 • 2021

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО — ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН — проректор по науке и цифровизации Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ — доктор социологических наук, профессор

М. В. РЫБКИНА — доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Г. А. о. АГАЕВ — профессор кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

В. БЕРГМАНН — член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор

В. М. БОЕР — декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

С. С. БРАЗЕВИЧ — профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

Н. В. БУГЕЛЬ — профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

И. И. ЕЛИСЕЕВА — руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

С. Ю. КОСАРЕВ — заведующий кафедрой криминалистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

Р. А. КОСТИН — заместитель директора по учебной работе Санкт-Петербургского техникума отраслевых технологий, финансов и права, доктор социологических наук, профессор

А. В. МАЛЬКО — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Я. А. МАРГУЛЯН — профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. А. МАРКОВ — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

С. М. ОГАНЕСЯН — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Е. В. СИЛИНА — профессор кафедры гражданского процессуального права Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент

С. А. ЦЫПЛЯЕВ — полномочный представитель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2021

SOCIOLOGY AND LAW 2021;13(4)

Chief Editor

O. G. SMESHKO — Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Chief Editor

G. A. KOSTIN — Vice Rector for Science and Digitalization St. Petersburg State University of Civil Aviation, Doctor of Engineering, Associate Professor

The Editorial Department

N. N. POKROVSKAIA — Doctor of Social Sciences, Professor

M. V. RYBKINA — Doctor of Law, Professor

Editorial Board

G. A. o. AGAEV — Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

B. BERGMANN — Member of the Academic Council of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education Working Group of the Petersburg Dialogue Forum from the part of Germany, Doctor of Law, Professor

V. M. BOER — Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation

S. S. BRAZEVICH — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor

N. V. BUGEL' — Professor of St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

E. V. VOSKRESENSKAYA — Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

I. I. ELISEEVA — Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation

N. N. ZHIL'SKIY — Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

S. Yu. KOSAREV — Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

R. A. KOSTIN — Deputy Director for Academic Affairs of the St. Petersburg Technical School of Industry Technologies, Finance and Law, Doctor of Sociology, Professor

A. V. MAL'KO — Professor of Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation

Ya. A. MARGULYAN — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor

A. A. MARKOV — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Sociology, Professor

Yu. V. MISHAL'CHENKO — Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

S. M. OGANESYAN — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

E. V. SILINA — Professor of Russian State University of Justice (St. Petersburg), Doctor of Law, Associate Professor

S. A. TSYPLYAEV — Authorized Representative of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Physical and Mathematical Sciences

Editorial Office:
44A Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, 190103, Russia
Phone: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Team of Authors, 2021
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Чечулин А. В., Малявин С. Н., Лёгостев А. В.</i> От философии корпоративной социальной ответственности к рыночным и политическим реалиям <i>ESG</i>	6
<i>Лапин Н. С., Покровская Н. Н., Перфильева М. Б.</i> Неформальные трудовые отношения как инструмент социализации и адаптации сотрудников государственных и муниципальных учреждений	12
<i>Юмашева И. А.</i> Массовые медиакоммуникации и их влияние на молодежь	24
<i>Кобелева Л. С., Черных А. Б.</i> Социально-структурное изменение российского общества: проблемы и перспективы	33
<i>Уханова Ю. В., Смолева Е. О.</i> Электронное голосование: отечественный опыт исследований	46
<i>Аведиков Д. В.</i> Наркомания как негативная социальная девиация	56
<i>Айрапетян Э. М.</i> Динамика социальных практик миграции в период пандемии на примере Республики Армения	63

Право в жизни государства и личности

<i>Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Колмогоров М. В.</i> Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации	73
<i>Гринько С. Д.</i> Правоохранительная деятельность по противодействию экстремистской и террористической преступности	79
<i>Бородин В. В., Фурман Т. Г.</i> Новые законодательные акценты в процедуре медиации и юридические принципы альтернативного урегулирования споров . .	85
<i>Борзунова Н. Ю., Узун О. Л.</i> Проблемы при расследовании пожаров автотранспортных средств	92
<i>Шаряпова Э. А., Шуваев А. В., Жаворонкова И. О.</i> Радиационное загрязнение как угроза экологической безопасности России	101
<i>Кузнецов А. В.</i> Правовые особенности реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации	109
<i>Чангли И. Д.</i> Судебная система Советского государства как важнейший элемент его государственно-правовой системы на этапе становления: деятельность революционных трибуналов	115

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Chechulin A. V., Malyavin S. N., Legostev A. V.</i> From the philosophy of corporate social responsibility to the market and political realities of ESG	6
<i>Lapin N. S., Pokrovskaia N. N., Perflyeva M. B.</i> Informal relations as a tool for socialization and adaptation of state and municipal employees.	12
<i>Yumasheva I. A.</i> Mass media communications and their impact on young people	24
<i>Kobeleva L. S., Chernykh A. B.</i> Social and structural changes in Russia: problems and prospects.	33
<i>Ukhanova Yu. V., Smoleva E. O.</i> Electronic voting: domestic research experience. . . .	46
<i>Avedikov D. V.</i> Drug addiction as a negative social deviation	56
<i>Hayrapetyan E. M.</i> Dynamics of social practices of migration during the pandemic of the example of Republic of Armenia.	63

The Law in a State and Person Life

<i>Voskresenskaya E. V., Zhil'skiy N. N., Kolmogorov M. V.</i> Problems of legal regulation of a marriage agreement in the Russian Federation.	73
<i>Grinko S. D.</i> Law enforcement activities to counter extremist and terrorist crime . . .	79
<i>Borodin V. V., Furman T. G.</i> New legislative accents in the mediation procedure and legal principles of alternative dispute resolution	85
<i>Borzunova N. Yu., Uzun O. L.</i> Problems in the investigation of fires of motor vehicles	92
<i>Sharyapova E. A., Shuvaev A. V., Zhavoronkova I. O.</i> Radiation pollution as a threat to the environmental security of the Russia.	101
<i>Kuznetsov A. V.</i> Legal features of the exercise of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation	109
<i>Changli I. D.</i> The judicial system at the stage of the formation of the Soviet state as the most important element of the state legal system: the activities of the revolutionary tribunals	115

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 005.35

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-6-11

От философии корпоративной социальной ответственности к рыночным и политическим реалиям *ESG*

Алексей Викторович Чечулин^{1, 2✉}, Сергей Николаевич Малявин³,
Андрей Викторович Лёгостев⁴

¹ Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

³ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Теория корпоративной социальной ответственности, идейно сформированная в США во второй половине XX в., существенно повлияла как на практику международного бизнеса, так и на воззрения ученых в области экономики и социологии. Моральная обязанность корпораций участвовать в решении социальных проблем, в благотворительности, просветительских и культурных проектах стала восприниматься как нечто обычное, как своеобразный добровольный социальный налог. Вместе с тем представители ряда классических экономических школ давно подвергали такой подход критике по разным причинам. Некоторые из них считали, что, во-первых, принципиальной целью крупного бизнеса является рост капитала акционеров, во-вторых, подобное социальное обязательство выглядит очень аморфным, предполагая лишь репутационные издержки для предпринимателя при его уклонении от реализации программ корпоративной социальной ответственности. На наш взгляд, ситуация в настоящее время кардинально изменяется, в том числе изменяются и концептуальные оценки. Данный подход радикально трансформируется под влиянием идей и практики *ESG*, стандарты которой становятся структурированными и обязательными для исполнения коммерческими компаниями в случае их доступа на премиальные рынки.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, предприниматели, *ESG*, устойчивое развитие, международные стандарты нефинансовой отчетности

Для цитирования: Чечулин А. В., Малявин С. Н., Лёгостев А. В. От философии корпоративной социальной ответственности к рыночным и политическим реалиям *ESG* // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 6–11. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-6-11>

From the philosophy of corporate social responsibility to the market and political realities of ESG

Aleksey V. Chechulin^{1, 2✉}, Sergey N. Malyavin³, Andrey V. Legostev⁴

¹ North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”, St. Petersburg, Russia

³ Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

⁴ Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The theory of corporate social responsibility, ideologically formed in the USA in the second half of the twentieth century, significantly influenced both the practice of international business and the views of scientists in the field of economics and sociology. The moral obligation of corporations to participate in solving social problems, in charity, educational and cultural projects began to be perceived as something ordinary, as a kind of voluntary social tax. At the same time, representatives of a number of economic schools have long criticized this approach, believing, firstly, that the principal goal of big business is the growth of shareholders' capital, and secondly, such a social obligation looks very amorphous, assuming only reputational costs for an entrepreneur in case of his evasion from the implementation of CSR programs. In our opinion, the situation is currently changing dramatically. This approach is being radically transformed under the influence of ESG ideas and practices, whose standards become structured and mandatory for companies in case of their access to premium markets.

Keywords: corporate social responsibility, entrepreneurs, ESG, sustainable development, international standards of non-financial reporting

For citation: Chechulin A. V., Malyavin S. N., Legostev A. V. From the philosophy of corporate social responsibility to the market and political realities of ESG. *Sociology and Law*. 2021;13(4):6-11. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-6-11>

Введение

В 1953 г. Говард Боуэн в книге «Социальная ответственность бизнесмена» определил корпоративную социальную ответственность как реализацию политики, принятие таких решений, которые были бы желательны для целей и ценностей общества [1]. В настоящей статье мы будем рассматривать это классическое определение как базовое для анализа.

В дальнейшем оформились три варианта данной концепции: теория корпоративного эгоизма, теория корпоративного альтруизма и компромиссные теории. Некоторые позиции при этом, на наш взгляд, стали противоречить первоначальным идеям. В частности, теория «корпоративного эгоизма» знаменита высказыванием М. Фридмана о том, что «единственная социальная ответственность бизнеса — это приносить прибыль» [2]. С учетом приведенной точки зрения становится очевидным, что главная задача любого бизнеса — способствовать получению максимально возможного дохода собственникам или акционерам компании. Тем не менее классическую версию концепции корпоративной социальной ответственности на протяжении длительного времени воспринимали как доминирующую, как ориентир для социально ответственного бизнеса, преподаватели рассказывали о ней в данном аспекте студентам в вузах.

Постановка проблемы и методология

Общество в целом и различные социальные группы сегодня активно отстаивают свои права, борются с социальной дискриминацией, требуют от государства и бизнеса уважать их интересы. Несправедливое распределение общественного богатства в большинстве стран мира вызывает социальное напряжение и конфликты.

Концепция корпоративной социальной ответственности стала реакцией на эти процессы, попыткой смягчить существующие противоречия между обществом и крупным бизнесом. Многочисленные примеры эффективных и полезных программ социальной ответственности общеизвестны. Их инициаторы — предприниматели — заслуженно пользуются уважением в обществе. Вместе с тем в целом такие кейсы, а с ними и доктрина социальной ответственности не устраняют фундаментальных причин общественного неравенства и несправедливости. Принципы корпоративной социальной ответственности не требуют их обязательного исполнения всеми субъектами бизнеса [3].

Кроме того, новые реалии, связанные с изменением климата, ухудшением экологической ситуации, сокращением стратегически важных для человечества природных ресурсов, существенно повлияли на отношение к бизнесу, понимание его роли в современном обществе. Массовым становится мнение о том, что лишь добровольное следование предпринимательским сообществом общим принципам корпоративной социальной ответственности не улучшает наш мир. В частности, программы корпоративной социальной ответственности, даже общественно полезные (поддержка культуры, детского спорта и т. д.) не мешают металлургическим и химическим комбинатам в мире загрязнять природу, не делают бизнес прозрачнее, не способствуют повышению уровня жизни и социального самочувствия рядовых сотрудников автоматически.

Поэтому появление новых идей и подходов, которые видоизменяют идеологию корпоративной социальной ответственности, расширяют ее, представляется неудивительным. При этом ряд доктрин смело можно признать принципиально новыми подходами, хотя и сохраняющими пафос и общий характер изложенных идей. Важнейшим в данном случае стала концепция устойчивого развития, предложенная ООН еще в 70-е гг. XX в. как принцип, основанный на идеях сбалансированного социального, экономического, экологического и культурного развития человечества.

Хотя идея устойчивого развития завоевывала умы постепенно, можно согласиться с выводом Е. Б. Завьяловой о том, что в настоящее время «...происходит поглощение концепции корпоративной социальной ответственности более масштабной концепцией устойчивого развития» [4]. Человечество сегодня сталкивается со множеством острых проблем, которые, безусловно, существовали так или иначе и раньше, но современная ситуация заставила их переосмыслить. Среди них — группы вызовов, связанных с климатической повесткой (повышением среднемировой температуры, таянием ледового пояса планеты, медленным повышением уровня океанов и затоплением приморских территорий); экологические проблемы, требующие значительного снижения использования «грязной» энергии, внедрение «зеленых» стандартов и технологий, минимизация чрезмерного социального неравенства, повышение качества корпоративного и публичного управления в глобальном масштабе.

Вследствие этого особое значение приобрели идеи *ESG*, которые можно рассматривать как часть идеологии устойчивого развития, но как часть самостоятельную и оказывающую существенное воздействие на современные рыночные

реалии и административную практику передовых государств. *Environmental, Social, Governance* — экологические и социальные факторы, а также факторы корпоративного управления. Эти идеи не просто завоевывают умы, но и приобретают черты конкретных регуляторных механизмов, которые правительства намерены использовать в регулировании ряда рыночных процессов, влияя на экологическую культуру предприятий, соблюдение социальных стандартов и высокого качества, а также прозрачности корпоративного управления.

Идеи *ESG* на данном этапе не слишком известны, и даже предприниматели, которые знают и понимают эти принципы, зачастую их не поддерживают в полной мере ввиду причин как ментального и культурного характера, так и причин, связанных с бюджетными ограничениями, отсутствием внятной регуляторной политики правительств и международных торговых союзов. В частности, *PwC* и Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) осенью 2021 г. всесторонне изучены отношения российских предпринимателей к новейшим трендам на мировых рынках.

При проведении исследования опрошен 1001 руководитель российских компаний, представляющих крупный, средний и малый бизнес. Выяснилось, что 58 % респондентов не имеют предметного представления об идеях *ESG*. Лишь 14 % знающих о *ESG*-принципах респондентов (6 % от числа опрошенных предпринимателей) заявили, что для успеха их бизнеса следует учитывать лучшие практики такого рода. 78 % руководителей, которые знают о принципах *ESG* (31 % в пересчете от всех опрошенных предпринимателей), утверждают, что в настоящее время их соблюдение не является важным фактором для продолжения сотрудничества с партнерами, инвесторами и кредиторами. По большей части в данном случае речь идет о предприятиях, работающих на локальном российском рынке. Почти каждый третий участник исследования (30 %), осведомленный о принципах *ESG* (или 12 % в пересчете от всех опрошенных предпринимателей), не соблюдает их в своей практике, но планирует это делать в будущем. 41 % осведомленных о принципах *ESG* (16 % от всех предпринимателей) соблюдают все или часть этих принципов [5].

Итак, концепция *ESG*, по нашему мнению, как составная часть философии устойчивого развития постепенно становится основой видения будущего экономического и социального прогресса. Но относительно низкий уровень известности этих идей и принципов в предпринимательской среде и обществе в целом мешает их реализации.

Решения

Ключевую роль в решении задач устойчивого развития играют ведущие международные организации, прежде всего ООН, специализированные саммиты и национальные правительства, задающие более жесткие экологические стандарты. Целью также служит стимулирование «зеленого перехода» экономики — бизнеса, общественного сектора и частных домохозяйств, что предполагает, в частности, плановое снижение (отказ) от использования угля и иных видов ископаемого топлива. Это связано и со значительными затратами, инвестициями, что предполагает ключевую роль в реализации подобных программ со стороны государства, которое неизбежно должно предложить способы субсидирования либо другой помощи в таком процессе.

Конференция ООН по изменению климата 2015 г. во Франции привела к выработке Парижского соглашения. Его цель состоит в том, чтобы способствовать снижению выбросов парниковых газов и адаптации компаний к изменениям

климата. В частности, Россия приняла обязательство сократить выбросы парниковых газов с 25 % до 20 % к 2030 г. по сравнению с 1990 г. Позднее наша страна объявила о готовности к 2060 г. достичь углеродной нейтральности. Развитые страны, в свою очередь, обязались основать фонд для финансирования «зеленых» программ стран со слабой экономикой.

Правительство России, как и власти других передовых стран, реализует амбициозные программы такого рода [6]. Несомненно, эта политика должна стать более активной и требовательной по отношению к экономическим субъектам. Подобные программы должны быть реализованы как обязательные для исполнения коммерческими компаниями и остальными экономическими субъектами.

В то же время корпорации добровольно принимают обязательства радикального изменения своей энергетической и экологической политики. Помимо причин, связанных с высокой социальной ответственностью собственников, это вызвано регуляторным давлением со стороны правительств, устанавливающих специальные пошлины для «грязной» продукции и, напротив, льготы для соответствующей требованиям продукции, а также банков, реализующих программы «зеленого кредитования». Не меньшее значение имеют и требования со стороны инвесторов, предельно чутко относящихся сегодня к данной тематике, обращающих внимание, в частности, на *ESG*-рейтинги и другие данные независимых операторов. Крупнейшие инвесторы, представляя прежде всего развитые западные рынки, транслируют данные стандарты в глобальном масштабе, что способствует их повсеместному распространению [7].

Таким образом, полагаем, что ключевую роль в популяризации и реализации идей *ESG* сегодня играют международное сообщество, национальные правительства, рыночные субъекты (предприятия и инвесторы), экспертное и научное сообщество. Мы уверены, что эта роль должна возрасти и быть более активной. Концепция *ESG* уже стала ключевой частью философии и стратегии устойчивого развития, но ее концептуальный статус не в полной мере определен. Необходимо способствовать интеграции данной концепции в учебные программы вузов и массовому просвещению.

Заключение

Можно констатировать, что сегодня мы находимся в начальной стадии общемирового «зеленого перехода» и в целом принятия новой стратегии устойчивого развития, предполагающей высокую социальную ответственность и качество корпоративного управления. *ESG* — действительно разумная стратегия, реализация которой позволит существенно повысить качество жизни человечества. При этом она не рассматривается как некий аморфный свод идей, но имеет большой шанс быть реализованной благодаря политической воле правительств, пониманию разумности и неизбежности трансформации со стороны корпораций, а также принятию этих идей рядовыми гражданами. Залогом этого служит взаимозависимость современного мира.

Список источников

1. Bowen H. R. Social Responsibilities of the Businessman. New York: Harper, 1953. 276 p.
2. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 236 с.
3. Чечулин А. В. Стратегические коммуникации в программах маркетинга территорий // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2016. № 2. С. 201–206.
4. Завьялова Е. Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Финансовый бизнес. 2018. № 2 (193). С. 26–31.

5. 1001 мнение российских бизнес-лидеров: вторая волна исследования PwC и НАФИ: исследование // Аналитический центр НАФИ. 2021. 25 ноября. URL: <https://nafi.ru/analytics/1001-mnenie-rossiyskikh-biznes-liderov-2-ya-volna-issledovaniya-pwc-i-nafi/> (дата обращения: 27.11.2021).
6. *Захаров Н. Л.* Организационное поведение государственных служащих: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2014. 237 с.
7. *Чечулин А. В., Решетников М. М.* Общественное признание. СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2001. 101 с.

Информация об авторах

А. В. Чечулин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций (СЗИУ РАНХиГС); 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; профессор кафедры связей с общественностью (СПБГЭТУ «ЛЭТИ»); 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5; chechulindom@yandex.ru✉; 0000-0001-7643-3679

С. Н. Малявин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; malyavins@mail.ru; 0000-0002-3682-1156

А. В. Лёгостев — кандидат социологических наук, директор института дополнительного профессионального образования; 620144, Екатеринбург, Куйбышева ул., д. 30; andrey.logostev@gmail.com

Information about the authors

A. V. Chechulin — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Journalism and Media Communications (NWIM RANEPА); 57/43 Sredniy Ave., V.O., St. Petersburg 199178, Russia; Professor of the Department of Public Relations (ETU “LETI”); 5 Professora Popova Str., St. Petersburg 197376, Russia; chechulindom@yandex.ru✉; 0000-0001-7643-3679

S. N. Malyavin — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology; 48 Moyka River Emb., St. Petersburg 191186, Russia; malyavins@mail.ru; 0000-0002-3682-1156

A. V. Legostev — PhD in Sociology, Director of the Institute of Continuing Professional Education; 30 Kuybysheva Str., Ekaterinburg 620144, Russia; andrey.logostev@gmail.com

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 331.103.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-12-23

Неформальные трудовые отношения как инструмент социализации и адаптации сотрудников государственных и муниципальных учреждений

Никита Сергеевич Лапин^{1✉}, Надежда Николаевна Покровская^{1, 2, 3},
Марина Борисовна Перфильева⁴

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

⁴ Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург,
Россия

Аннотация. В статье предлагается алгоритм оценки среды неформальных трудовых отношений сотрудников государственных и муниципальных учреждений. Цель исследования состоит в совершенствовании процессов управления путем оценки неформальных отношений как инструмента социализации и адаптации сотрудников указанных учреждений. При проведении обзора литературы поставлены задачи по развитию управления такими отношениями посредством анализа сущностных характеристик неформальных трудовых отношений, их типов и их разнонаправленного влияния на продуктивность деятельности. Выявлены основные свойства среды неформальных отношений, для оценки которых могут быть применены методы и методики отечественных и зарубежных авторов, систематизированные по решаемым ими задачам. В статье даны рекомендации по применению методов и методик для изучения среды неформальных отношений среди сотрудников государственных и муниципальных учреждений. При подготовке статьи использованы методы анализа источников, сравнения, нормативного анализа. Новизна материала заключается в обосновании применения методов и методик оценки психологического климата, уровня удовлетворенности работой, конфликтности, неформального лидерства для изучения среды неформальных отношений в коллективах исследуемых учреждений. Практическая значимость достижения желаемого уровня среды состоит в возможности повысить уровень удержания сотрудников, обеспечить гибкость в принятии управленческих решений и их исполнение.

Ключевые слова: неформальные отношения, социализация персонала, адаптация персонала, государственные и муниципальные учреждения, психологический климат, оценка конфликтности

Для цитирования: Лапин Н. С., Покровская Н. Н., Перфильева М. Б. Неформальные трудовые отношения как инструмент социализации и адаптации сотрудников государственных и муниципальных учреждений // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 12–23. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-12-23>

Informal relations as a tool for socialization and adaptation of state and municipal employees

Nikita S. Lapin¹✉, Nadezhda N. Pokrovskaja^{1, 2, 3}, Marina B. Perflyeva⁴

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

³ St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”, St. Petersburg, Russia

⁴ St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article proposes an algorithm for assessing the environment of informal relations between employees of state and municipal institutions. The purpose of the study is to improve management processes by assessing informal relations as a tool for socialization and adaptation of employees of state and municipal institutions. Based on a literature review, objectives for managing informal relationships were set. Further, the characteristics of the environment of informal relations are revealed, for the assessment of which the methods and techniques of domestic and foreign authors can be applied. The paper offers recommendations on the application of methods and techniques for studying the environment of informal relations between staff of state and municipal institutions. Applied methods: analysis of sources, comparison, legal method. The novelty of the work lies in the substantiation of the application of methods and techniques for assessing the psychological climate in the team, the level of job satisfaction, conflict, informal leadership to study the environment of informal relations. The practical significance of achieving the desired level of the environment lies in the ability to increase the level of retention of employees, to provide flexibility in making managerial decisions and their implementation.

Keywords: informal relations, socialization of personnel, adaptation of personnel, state and municipal institutions, psychological climate, assessment of conflict

For citation: Lapin N. S., Pokrovskaja N. N., Perflyeva M. B. Informal relations as a tool for socialization and adaptation of state and municipal employees. *Sociology and Law. 2021;13(4):12-23*. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-12-23>

Введение

Неформальные отношения выступают актуальным инструментом социализации и адаптации сотрудников государственных и муниципальных учреждений (далее — ГМУ) в условиях высокой личной заинтересованности персонала в решении задач ГМУ и ограниченности его материального стимулирования. Однако для того, чтобы эффективно использовать данный инструмент для целей управления персоналом, необходимо проводить оценку неформальных отношений, поскольку последняя позволяет установить текущее состояние неформальных трудовых отношений и понять разницу между текущим и желаемым их состоянием, включая потенциальную пользу или вред, положительное и отрицательное влияние на результативность выполнения задач сотрудниками органов ГМУ. В связи с этим актуальным видится алгоритм оценки среды неформальных отношений сотрудников ГМУ, описываемый в настоящем исследовании.

Обзор литературы

Государственные и муниципальные учреждения являются унитарными некоммерческими организациями (далее — НКО), которые создаются Российской

Федерацией (далее — РФ), ее субъектом или муниципальным образованием [1] — органами публичной власти федеральной территории РФ или от имени федеральной территории [2]. ГМУ могут быть автономными, бюджетными или казенными учреждениями в зависимости от сферы деятельности и выполняемых государственных функций, особенностей управления и возможностей по распоряжению доходом [2; 3; 4]. Одна из ключевых особенностей ГМУ заключается в том, что целью их создания служит выполнение определенных управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера, определяемых учредителем в соответствии с законом. Для реализации этих функций учредителем осуществляется финансирование их деятельности [1].

Сотрудники ГМУ осуществляют трудовую деятельность в рамках трудовых правоотношений, в частности на основе положений Трудового кодекса РФ. Персонал ГМУ может быть охарактеризован как персонал НКО. В связи с этим выделяются такие характеристики сотрудников, как личная заинтересованность в решении социальных проблем, стремление своим трудом содействовать развитию общества [5], поскольку деятельность в НКО может быть организована в качестве волонтерства [6, с. 40]; работать в коллективе единомышленников. В вопросе мотивации персонала ГМУ как НКО особое значение приобретает нематериальная мотивация, поскольку возможности по материальному стимулированию чаще всего ограничены, в особенности это относится к социально ориентированным НКО [7].

Так или иначе перед персоналом ГМУ ставятся цели и задачи, решение которых должно способствовать реализации функций, закрепленных за ГМУ. Условиями эффективной деятельности персонала ГМУ являются успешная социализация и адаптация персонала как в сфере деятельности [8], так и в определенной организации и конкретном коллективе [9; 10].

Социализация персонала в ГМУ связана с освоением персоналом норм, ценностей и принципов, принятых в ГМУ. В результате социализации формируются взаимовыгодные отношения между личностью и учреждением, что достигается путем сочетания их целей и исключением девиантного поведения. В конечном итоге социализация обеспечивает высокую мотивацию и ответственность персонала [11, с. 414], что может найти отражение в таких показателях, как удовлетворенность персонала и текучесть кадров [12; 13]. Снижение текучести кадров означает снижение затрат на привлечение новых кадров.

Адаптация персонала в ГМУ, в свою очередь, подразумевает взаимный процесс приспособления сотрудника и ГМУ. Адаптация, как производственная, так и непроизводственная, направлена на то, чтобы сотрудник вошел в должность и стал в обычном режиме выполнять свои обязанности. Успешная адаптация способствует формированию лояльности сотрудника к работе в ГМУ [10] и может быть оценена таким показателем, как коэффициент прохождения испытательного срока [11, с. 125]. Чем выше коэффициент прохождения испытательного срока, тем меньше простоев в рабочих процессах, вызванных наличием открытых вакансий и отсутствием сотрудников на соответствующих рабочих местах [12].

Итак, социализация персонала затрагивает социальные отношения «личность — организация», а адаптация персонала — «сотрудник — организация». В комплексе учитываются и социальные аспекты, и управленческие [13; 14; 15]. Одним из инструментов управления социализацией и адаптацией персонала в условиях высокой ограниченности мер материального характера служат неформальные отношения. Неформальные отношения позволяют персоналу проявлять на работе личную заинтересованность, а это — одна из основных характеристик персонала ГМУ.

Неформальные отношения в рамках исследования нами рассмотрены как социальные отношения, возникающие между сотрудниками ГМУ при выполнении ими возложенных на них трудовых функций. Данное определение является общим и применяется как операциональное в пределах теоретического анализа; для эмпирического исследования его предметом выступают легальные и легитимные (не вызывающие сомнений ни с точки зрения законодательства, ни этики) неформальные трудовые отношения, которые находятся в пределах социально-управленческих вертикальных и горизонтальных взаимосвязей между работниками и отражают содержательный и инструментальный аспекты, а именно: вовлеченность сотрудников в содержание деятельности и ускорение принятия решений на основе построения отношений межличностного доверия как инструмента снижения транзакционных издержек в ходе движения информационных потоков по внутриорганизационным коммуникационным каналам.

На основе исследования Н. И. Тюриной [14] можно выделить ряд значимых характеристик неформальных отношений. Среди этих характеристик — отсутствие закрепления в официальных документах, произвольное возникновение и спонтанный характер, неопределенный срок реализации или действия, регулярность воспроизведения.

Таким образом, неформальные отношения в рамках профессиональной деятельности отличаются по ряду признаков от формальных организационных трудовых отношений. На этой основе нами проведено сравнение особенностей формальных и неформальных отношений в деятельности организаций ГМУ, отраженное в таблице 1.

Таблица 1

Оценка особенностей формальных и неформальных отношений в ГМУ

№	Признак	Формальные отношения	Неформальные отношения
1	Возможность урегулирования через официальные документы ГМУ	+	–
2	Постоянный характер	+	–
3	Спонтанный характер	–	+
4	Неопределенный срок реализации в рамках ГМУ	–	+
5	Регулярность	+	+

Источник: составлено авторами на основе [14].

В частности, построение организационно-структурных отношений в формальной плоскости закреплено в официальных документах. В связи с этим возникающие вопросы могут быть урегулированы с помощью документов ГМУ, внутренних локальных и ведомственных нормативных актов. В отличие от формального нормативного регулирования, неформальные отношения отражены в неявных, незафиксированных нормах поведения. Следовательно, урегулирование сомнений и противоречий возможно лишь в рамках этических критериев оценки поведенческих моделей и социального контроля в пределах построения межличностных отношений [16; 17; 18]. Для неформальных отношений характерно спонтанное проявление. Они произвольно возникают и проявляются в условиях, если оцениваются участниками как более эффективные [19; 20]. Поэтому постоянство проявления поведенческих моделей, типичное для формальных отношений, не свойственно неформальным взаимоотношениям. В то же время обоим типам при-

сущее их регулярное воспроизведение в рамках трудовой деятельности, что заложено в определении отношений, будь то формальные или неформальные социально-трудовые отношения.

В начале XX в. неформальные отношения рассматривались как барьер на пути к нормальному рабочему процессу [21; 22]. Однако сегодня указанные отношения используются для удержания сотрудников, обеспечения гибкости в принятии управленческих решений и эффективности при их исполнении [23; 24; 25]. Задачи развития социальных технологий управления неформальными отношениями показаны на рисунке 1.

Рис. 1. Задачи управления неформальными отношениями

В исследовании [26] доказано, что неформальные отношения оказывают влияние на удержание сотрудников, но это влияние определяется не целостной развитостью неформальных отношений, а в большей степени речь идет о дружеских отношениях, возникающих внутри коллектива. В свою очередь, негативные отношения (вражда) отрицательно сказываются на удержании сотрудников. Еще одна форма неформальных отношений — романтические отношения — имеет противоречивое влияние на удержание сотрудников, и данную форму еще предстоит изучить [26].

Итак, положительные неформальные отношения, имеющие «позитивный» эмоциональный окрас, способствуют снижению текучести кадров и лояльности персонала. Следовательно, преобладание дружеской атмосферы в коллективе будет оказывать благоприятное воздействие на процессы социализации и адаптации персонала в ГМУ. Для нового персонала станет проще установить социальные контакты на новом рабочем месте, что должно способствовать вхождению в должность.

В литературе обсуждается и вопрос о значении неформальных отношений при принятии управленческих решений. Личные контакты оказывают влияние на принятие решений, хотя это не отражено в формальных документах [27, с. 78]. Так, неформальные отношения позволяют управлению быть гибким. Если решить задачу, в особенности неформальную, с помощью системы формальных связей невозможно, то она может быть решена посредством неформальных отношений. Однако к условиям такого эффективного использования последних относится наличие авторитета у лица, принимающего решения [28, с. 26].

Обсуждается и вопрос о значении исследования неформальных отношений в организациях, потому что таким образом могут быть определены проблемы в управлении персоналом, направления развития человеческого капитала [29; 30; 31] и социального капитала организации [32; 33]. В еще одном исследовании [34] неформальные отношения охарактеризованы с позиции того, что приоритет в стимулировании и обучении должен быть у неформальных лидеров. С помощью исследования неформальных отношений руководство стремится определить, кто

из сотрудников способен обеспечить больший уровень отдачи от вложений, не только с позиции индивидуальных качеств, но и с позиции формального и неформального взаимодействия с коллективом, что особенно важно в условиях экономики знаний и новых требований к обучению в цифровых форматах [35; 36]. В. Ю. Палаевым [37] изучено влияние неформального лидера на достижение целей организации. При этом в своей статье он предлагает два способа влияния — положительное и отрицательное. В зависимости от этого выделены неформальные лидеры, конструктивные и деструктивные. Полагаем, что для новых сотрудников ГМУ положительное влияние будет оказывать неформальное взаимодействие с конструктивным лидером.

С учетом значения, которое имеют неформальные отношения для социализации и адаптации персонала в ГМУ, возникает потребность в определении методов и методик оценки неформальных отношений в трудовом коллективе. Перед оценкой неформальных отношений в рамках настоящего исследования нами поставлена задача оценки среды неформальных отношений с позиции благоприятного или неблагоприятного воздействия на социализацию и адаптацию персонала в ГМУ. Под средой неформальных отношений будем понимать условия, в которых они осуществляются. При выявлении неблагоприятных условий с позиции решения возложенных на них задач попытаемся откорректировать текущие условия осуществления неформальных отношений в ГМУ.

Алгоритм оценки среды неформальных отношений сотрудников ГМУ

В литературе обсуждаются методы и методики исследования неформальных отношений, хотя выявленные подходы имеют ограничения, и вследствие этого они не могут быть применены для решения поставленной задачи.

В исследовании О. О. Кушу, Ю. В. Пупкова [38] раскрыт вопрос о роли неформальных отношений в государственных учреждениях на примере МУП «ЖКХ» города Майкопа. Но анкетирование направлено в большей степени на изучение мнения сотрудников МУП «ЖКХ» о неформальных отношениях, а не на неформальные отношения как таковые в коллективе; на оценку эффективности неформальных отношений и их влияние на исполнение основных функций муниципального унитарного предприятия, формирование продуктивных коммуникационных каналов в пределах локального сообщества и организационного коллектива [39; 40].

Оценка неформальных отношений с помощью анкетирования и теории графов для обработки результатов проведена в другом исследовании [41], где анализируется социальная сеть, которая отображается в виде социального графа. При этом охарактеризованы такие критерии, как интенсивность общения, степень доверия сотрудников, частота обращений за советом. В меньшей степени учитываются качественные характеристики неформального общения: положительный или негативный характер отношений, что, в свою очередь, важно для понимания сущности неформальных отношений. Подходящие методы и методики могут быть рассмотрены через составляющие, которые характеризуют неформальные отношения: неформальное лидерство, психологический климат, конфликтность, удовлетворенность работой.

Из еще одного исследования [34] становится понятным, что благоприятное воздействие на успешную социализацию и адаптацию персонала может оказать наличие дружеских отношений и отсутствие конфликтов. Дружеские отношения позволяют человеку чувствовать себя комфортно и уверенно на рабочем месте, получать удовлетворенность от работы. Дружба — это межличностные отношения в группе, а значит, она отражает психологический климат в коллективе. Несмотря

на потенциальные достоинства конфликта как способа устранения противоречия, в статье В. Ю. Палаева [37] на примере образовательной организации эмпирически доказано, что дружба на работе способствует повышению уровня удовлетворенности трудовой деятельностью. Конфликт, в свою очередь, — это одна из форм проявлений враждебных неформальных отношений, которая демонстрирует наличие противоречий между сотрудниками. Разрешение конфликтов так или иначе может отнимать время у сотрудников, снижать их производительность труда. В итоге наличие конфликтов может способствовать принятию решения покинуть работы в организации. Исследования И. А. Галезник, Н. Р. Кельчевской, И. С. Пельмской, а также В. Ю. Палаева [34; 37] подтверждают значимость изучения неформального лидерства в коллективе, поскольку неформальный лидер оказывает влияние на участников неформальных групп, формируя тем самым и неформальные, и формальные отношения, что находит отражение в исполнении управленческих решений.

Таким образом, исследовательский интерес для нас в данном случае представляют методы и методики оценки психологического климата в коллективе, оценки уровня удовлетворенности работой, оценки конфликтности, оценки неформального лидерства. Они позволят оценить характеристики среды неформальных отношений, показанные на рисунке 2.

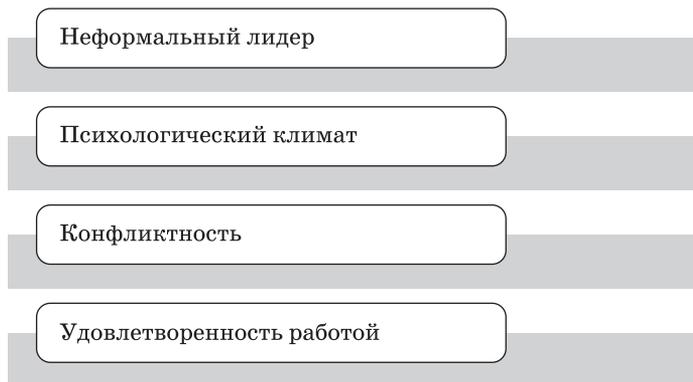

Рис. 2. Характеристики среды неформальных отношений, требующие изучения для оценки влияния неформальных отношений на социализацию и адаптацию персонала ГМУ

Каждая из характеристик может быть оценена с помощью различных методов и методик. Для настоящего исследования выбраны методы и методики, отраженные в таблице 2.

В результате применения данных методик можно будет определить текущее состояние среды неформальных отношений, как видно из таблицы 3.

Отметим, что, согласно классификации Н. И. Тюриной [14], неформальные отношения можно классифицировать в зависимости от влияния, оказываемого на достижение целей организации. На основе данной классификации можно выделить характеристики управленческой проблемы, которую требуется решить путем использования неформальных отношений как инструмента социализации и адаптации сотрудников ГМУ, что отражено в таблице 4.

Итак, если неформальные отношения не совпадают с целью ГМУ и не способствуют ее достижению (или выявлен один из указанных двух признаков), можно констатировать наличие управленческой проблемы [45; 46], требующей разрешения. Именно в таком случае создаются препятствия при использовании формальных отношений для достижения целей ГМУ.

Таблица 2

Методы и методики оценки характеристик среды неформальных отношений

№	Задача	Методика	Результат в контексте оценки неформальных отношений в ГМУ
1	Определение неформального лидера	16-факторный личностный опросник Кеттелла (тест 16 PF, форма А) [42]	Выявление неформальных лидеров как сотрудников, обладающих развитыми коммуникативными и интеллектуальными свойствами
2	Оценка психологического климата	Методика выявления степени интеграции «СПСК» — социально-психологическая самооценка коллектива (методика О. Немова) [43]	Определение преобладающих видов отношений согласно социально-психологической самоаттестации персонала ГМУ
3	Оценка уровня конфликтности	Поведение в конфликтной ситуации, ТКІ (Томас-Килманн) [44]	Установление стилей поведения в конфликтах сотрудников ГМУ
4	Оценка удовлетворенности работой	Методика «Тест “удовлетворенность работой” В. А. Розановой» [45]	Определение степени удовлетворенности работой группой сотрудников ГМУ

Таблица 3

Алгоритм оценки среды неформальных отношений

№	Методика	Среда неформальных отношений	
		Текущее состояние	Желаемое состояние
1	16-факторный личностный опросник Кеттелла (тест 16 PF, форма А) [42]	Деструктивный неформальный лидер	Конструктивный неформальный лидер
2	Методика выявления степени интеграции «СПСК» — социально-психологическая самооценка коллектива (методика О. Немова) [43]	Недостаточно благоприятный психологический климат	Благоприятный психологический климат
3	Поведение в конфликтной ситуации, ТКІ (Томас-Килманн) [44]	Ориентация на уклонение	Ориентация на сотрудничество, конфронтацию или приспособление
4	Методика «Тест “удовлетворенность работой” В. А. Розановой» [45]	Неудовлетворенность работой	Удовлетворенность работой

Таблица 4

Характеристики управленческой проблемы

№	Ситуация	Фактическое состояние	Желаемое состояние
1	Неформальные отношения совпадают с целью ГМУ	–	+
2	Неформальные отношения способствуют достижению целей ГМУ	–	+

Обсуждение

При достижении желаемого состояния среды неформальных отношений будут сформированы условия, с учетом которых повышается уровень удержания сотрудников, обеспечивается гибкость в принятии управленческих решений и их исполнение. Желаемое состояние может быть достигнуто через создание среды для неформального общения, развитие и обучение неформального лидера, развитие условий труда [47; 48; 49]. Для оценки результатов влияния неформальных отношений рекомендуем использовать такие показатели, как уровень текучести кадров, коэффициент прохождения испытательного срока. Перспективы исследования могут заключаться в изменении текущего перечня методик, выбранных для оценки среды неформальных отношений персонала ГМУ. Кроме того, могут быть исследованы иные характеристики среды неформальных отношений, например, стиль руководства, уровень мотивации. Перспективным является и применение методики оценки специфики формальных и неформальных отношений в структурах государственного аппарата, разработанной в рамках исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Заключение

Таким образом, в статье обоснован и охарактеризован алгоритм оценки среды неформальных отношений сотрудников ГМУ. Алгоритм дает возможность оценить составляющие, которые характеризуют неформальные отношения: неформальное лидерство, психологический климат, конфликтность, удовлетворенность работой. Каждый из признаков может быть оценен с помощью подобранных методов и методик, что позволяет оценить текущее состояние среды неформальных отношений, сравнить его с желаемым состоянием с позиции решения задач управления. В итоге предложенный алгоритм поможет определить, какие управленческие решения должны быть приняты в аспекте текущей среды неформальных отношений, чтобы были созданы условия, при которых в ГМУ успешно будут проходить социализация и адаптация персонала.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 09.10.2021).
2. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 09.10.2021).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 09.10.2021).
4. Об автономных учреждениях: федер. закон от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/ (дата обращения: 09.10.2021).
5. Дорошенко Н. Н., Капица С. И., Покровская Н. Н. Модернизация социальной политики государства и реформирование социально-управленческих технологий // Социология и право. 2013. № 4 (21). С. 20–35.
6. Бруевич М. Ю., Данилова Т. В., Зелинская И. А. Специфика подбора и набора персонала в некоммерческой организации // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018. № 4 (41). С. 39–41.
7. Осипова О. С., Капитанов В. А., Иванова В. М. Актуальные вопросы мотивации и стимулирования труда персонала социально ориентированных некоммерческих организаций // Тренды и управление. 2018. № 3. С. 22–41. DOI: 10.7256/240.2018.3.27485074-39

8. *Burova N. V., D'Ascenzo F., Cappelli L., Pokrovskaja N. N., Ruggieri R.* Performance management and competitive strategies of international companies. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2015. 129 p.
9. *Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н., Смирнов П. Д.* Системные нормативные регуляторы поведения рыночных агентов в условиях экономики знаний // Социология и право. 2014. № 4 (26). С. 12–23.
10. *Захаров Н. Л., Пономаренко Б. Т., Перфильева М. Б.* Управление настроем персонала в организации: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2018. 288 с.
11. *Дорофеева Л. И.* Проблемы социализации личности в новой модели организационного поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 413–419. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-4-413-419
12. *Покровская Н. Н.* Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
13. *Волкова Н. В.* Социально-психологические особенности персонала как фактор организационной социализации и первичной адаптации // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 1. С. 125–128.
14. *Тюрин Н. И.* Неформальные отношения в современных деловых организациях // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 124–132.
15. *Покровская Н. Н.* Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Серия: Экономика. 2014. № 2 (69). С. 100–108.
16. *Захаров Н. Л.* Социологический анализ советской партийной кадровой политики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. № 6 (33). С. 14–18.
17. *Перфильева М. Б., Савин И. В., Тумалеев В. В., Чечулин А. В.* Социальные регуляторы развития малого бизнеса российских регионов в контексте социологии управления (историко-социологический анализ). СПб.: Изд-во Института бизнеса и права, 2008. 93 с.
18. *Захаров Н. Л.* Организационное поведение государственных служащих: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2014. 235 с.
19. *Покровская Н. Н.* Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. Т. 9. № 46. С. 128–137.
20. *Захаров Н. Л.* Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. 2004. № 3 (239). С. 113–120.
21. *Gridneva M. A., Petrov M. A., Pokrovskaja N. N.* Diagnostics of professional competencies and motivation of the engineer in the knowledge economy // Proceedings of the 3rd International Conference Ergo-2018: Human Factors in Complex Technical Systems and Environments. St. Petersburg: St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI”, 2018. P. 28–31. DOI: 10.1109/ERGO.2018.8443851
22. *Чечулин А. В.* Россия: факторы и регуляторы социального действия (очерки по социологии управления). СПб.: Изд-во Института бизнеса и права, 2008. 90 с.
23. *Кузнецов А. Л., Захаров Н. Л.* Мотивация труда работников промышленных предприятий // Проблемы региональной экономики. 1999. № 1-4. С. 439–450.
24. *Авакова Э. Б., Покровская Н. Н.* Коммуникативная эффективность как фактор доверия: анализ эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций сотрудников организации // Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сборник науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 5–13.
25. *Покровская Н. Н.* Ресурс времени в трудовых отношениях (график работы и нормативная культура работников) // Труд и социальные отношения. 2008. № 1. С. 31–37.
26. *Malith Priyasad K. P., Weerasinghe T. D.* The Nexus between Informal Relationships at Work and Employee Retention: A Review // Kelaniya Journal of Human Resource Management. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 48–71. DOI: 10.4038/kjhrm.v12i1.41

27. Кельчевская Н. Р., Пелымская И. С., Галезник И. А., Черненко И. М. Стратегии управления знаниями и интеллектуальным капиталом под влиянием неформальной организации: монография. М.: Креативная экономика, 2018. 326 с.
28. Данакин Н. С., Конев И. В., Федина К. В. Интеграция формальных и неформальных отношений в организации как направление управленческой деятельности // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6 (160). С. 25–29. DOI: 10.24158/tipor.2021.6.3
29. Бойко С. В., Покровская Н. Н., Тамбиев С. Г. Труд и человеческий капитал // Научная мысль. 2019. Т. 8. № 2 (32). С. 65–71.
30. Бразевич С. С., Бойко С. В. Анализ факторов развития человеческого капитала в экономике знаний // Научная мысль. 2020. Т. 13. № 3-1 (37). С. 22–28.
31. Брусакова И. А., Фомин В. И. Процессы и проблемы формирования человеческого потенциала // Дискурс. 2018. № 1. С. 53–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2018-4-1-53-56
32. Pokrovskaja N. N., Snisarenko S. O. Social engineering and digital technologies for the security of the social capital' development // Proceedings of the 2017 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies", IT and QM and IS 2017. N. Y., US: IEEE Explore, 2017. P. 16–18.
33. Олимпиева И. Б., Кондаков А. А., Ежова Л. В., Слободской А. Л. Социальный капитал организации: аналитические подходы и возможности измерения я на уровне организации // Петербургская социология сегодня. 2014. Т. 1. № 1-1 (5). С. 10–41.
34. Галезник И. А., Кельчевская Н. Р., Пелымская И. С. Идентификация интеллектуального капитала в сетях неформальных отношений в организации: случай российской сервисной компании // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 6. С. 1185–1204.
35. Капица С. И., Гарин А. К., Покровская Н. Н. Игровые регулятивные механизмы в геймификации цифрового образования и передачи знаний // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021. С. 167–175.
36. Слободской А. Л., Тербкова Т. А., Гарин А. К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2020. С. 287–289.
37. Палаев В. Ю. Формальные и неформальные группы на предприятии // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2016. № 31. С. 88–93.
38. Кушу О. О., Пупкова Ю. В. Роль неформальных отношений в государственных учреждениях (на примере МУП ЖКХ Г. Майкопа) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета: электр. сетевой политематический журнал. 2017. № 3. С. 190–202. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0040/1554.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).
39. D'Ascenzo F., Pokrovskaja N. N., Golohvastov D. V. Market agents' industrial regulation and cultural inertia in smart community: social engineering or collective wisdom // Technological perspective within the Eurasian space: new markets and points of economic growth: materials of the 4th International Scientific Conference. St. Petersburg: Asterion, 2018. P. 87–91.
40. Чечулин А. В. Стратегические коммуникации в программах маркетинга территорий // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. № 2. С. 201–206.
41. Yavuzkurt T., Kiral E. The Relationship between Workplace Friendship and Job Satisfaction in Educational Organizations // International Journal of Progressive Education. 2020. Vol. 16. No. 5. P. 404–425. DOI: 10.29329/ijpe.2020.277.25
42. Cattell R. B. Handbook for the sixteen personality factor questionnaire, "The 16 P.F. Test" forms A, B, and C. Savoy, IL: Institute for Personality and Ability Testing, 1962.
43. Немов Р. С. Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математики: учебник. М.: Владос, 2008. 631 с.
44. Thomas K. W., Kilmann R. H. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. Profile and interpretive report. Report prepared for Jane Sample. 2008. URL: https://www.psychometrics.com/wp-content/uploads/2015/02/tki_pir.pdf (дата обращения: 09.10.2021).

45. Розанова В. А. Психология управления: учеб. пособие. М.: Альфа-Пресс, 2007. 384 с.
46. Слободской А. Л. Экономическая психология: нормативная культура // *Личность и Культура*. 2002. № 1-2. С. 33–36.
47. Перфильева М. Б. Гуманизация труда как условие эффективной деятельности организации // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2011. Т. 11. № 1. С. 16–23.
48. Львин Ю. М., Покровская Н. Н. Этика и психология экономических отношений: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. 98 с.
49. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л. Управление социальным развитием организации: учебник. М.: Инфра-М, 2019. 208 с.

Информация об авторах

Н. С. Лапин — аспирант кафедры экономики и управления социально-экономических систем; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; nikita_lapin_95@mail.ru✉

Н. Н. Покровская — кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления социально-экономическими системами (СПБУТУиЭ); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью (СПбПУ); 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; профессор кафедры инновационного менеджмента (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»); 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5; nnp@spbstu.ru

М. Б. Перфильева — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью; 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15; pmb05@list.ru

Information about the authors

N. S. Lapin — Postgraduate Student of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; nikita_lapin_95@mail.ru✉

N. N. Pokrovskaja — PhD in Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; Professor of the Graduate School of Media Communications and Public Relations (SPbPU); 29 Politekhnikeskaya Str., St. Petersburg 195251, Russia; Professor of the Innovation Management Department (ETU “LETI”); 5 Professora Popova Str., St. Petersburg 197376, Russia; nnp@spbstu.ru

M. B. Perfilyeva — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising and Public Relations; 15 Fuchika Str., St. Petersburg 192238, Russia; pmb05@list.ru

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-24-32

Массовые медиакоммуникации и их влияние на молодежь

Ирина Александровна Юмашева

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические подходы к определению понятия «медиакоммуникации», представлена характеристика обобщенной классификации теорий массовой коммуникации. Установлено, что в ходе исторического развития сформировались специфические признаки медиакоммуникаций в определенных социально-экономических и политических условиях. По результатам исследования, проведенного в 2021 г. с целью обнаружения влияния социальных сетей на молодежь, выявлены положительные и негативные эффекты социальных сетей как наиболее востребованного современного массового медиа. Автором обоснована эффективность гейткипинга как основного метода снижения влияния соцсетей на молодежь, заключающегося в развитии системы фильтрации сообщений в медиакоммуникациях.

Ключевые слова: массовые медиакоммуникации, теории медиа, влияние массмедиа на молодежь, гейткипинг

Для цитирования: Юмашева И. А. Массовые медиакоммуникации и их влияние на молодежь // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 24–32. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-24-32>

Original article

Mass media communications and their impact on young people

Irina A. Yumasheva

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia

Abstract. The article discusses theoretical approaches to the definition of the concept of “media communication”, presents the characteristics of the generalized classification of theories of mass communication. It is established that in the course of historical development, specific signs of media communications were formed in certain socio-economic and political conditions. According to the results of a study conducted in 2021, in order to influence social networks on young people, positive and negative effects of social networks as the most popular modern mass media have been established. The author substantiates the effectiveness of gatekeeping as the main method of reducing the influence of social networks on young people, which consists in the development of a message filtering system in media communications.

Keywords: mass media communications, media theories, the influence of mass media on young people, gatekeeping

For citation: Yumasheva I. A. Mass media communications and their impact on young people. *Sociology and Law*. 2021;13(4):24-32. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-24-32>

© Юмашева И. А., 2021

Возможно ли представить современное общество без медиакommunikаций? Медиакommunikации прочно «вжились» в структуру общества, стали неотъемлемой частью личной и социальной жизнедеятельности каждого человека.

Современная наука постоянно обращается к вопросу о сути и содержании массовых медиа, подвергая анализу различные аспекты влияния на общество современных медиакommunikаций с разных позиций. С целью более точного определения «эффектов» влияния массовых медиакommunikаций на современное общество необходимо четко сформулировать понимание этапов становления и структуру современных медиа.

Слово «медиа» происходит от латинского *medium* и означает середину, посредничество. Изначально термин «медиа» использовался в XX в. для обозначения массовой культуры. Медиа, согласно Т. Ф. Ефремовой, — это пресса, радио, телевидение как средства массовой информации [1]. Наука о медиакommunikациях (*media studies*) формировалась в междисциплинарном взаимодействии, что привело к многоаспектности теоретической базы. Исследования теорий и практики медиа опираются на социологические, психологические, гуманитарно-философские теории, объясняющие предпосылки и содержание массовой коммуникации. На современном этапе развития медиа наука о массовых коммуникациях имеет прочную эмпирическую базу для уточнения их сущности, структуры, специфики [2].

Массмедиа представляют собой форму коммуникаций, ориентированных на распространение сообщений, предназначенных для массовой и не определенной заранее аудитории. В российской исследовательской традиции чаще используется понятие «средства массовой информации» (СМИ), которым обозначена структура, распространяющая информацию для широкого круга лиц (публичный оборот) с определенной периодичностью. Данный подход позволил исключить из понятия компоненты, присущие массовым коммуникациям, но относящиеся в большей степени к сфере культуры (кино, книгоизданию, например). Безусловно, это дало возможность искусственно определить поле такой науки, как журналистика, и при этом отстроить ее от других (по сути смежных) процессов и наук, как видно из таблицы 1 [2].

Таблица 1

Содержание понятий «медиа», «теория», «массмедиа» [2]

Понятие	Содержание понятий
Теория как научное явление	Средство обобщения, набор взаимосвязанных концепций, определений и гипотез, создающих упорядоченную картину явлений через уточнение отношений между ними
Медиа	Пресса, радио, телевидение как средства массовой информации
Массмедиа	Форма коммуникации, ориентированная на распространение сообщений, предназначенных для массовой и не определенной заранее аудитории

В зарубежной научной традиции массмедиа обозначают определенную форму коммуникации для массы людей, которая ориентирована на передачу определенной информации. К ним относят телевидение, радио, прессу, кино и др. Со временем в данную структуру массмедиа включили неинституционализированные формы общения: блоги, социальные сети, интернет-коммуникации [3].

Обобщенная классификация теорий массовой коммуникации включает в себя:

- 1) нормативные теории, объясняющие процессы поведения медиа в целях соблюдения конкретных общественных ценностей [1];

- 2) общественно-научные теории, рассматривающие функционирование массовых коммуникаций на основе наблюдения с использованием данных средствах массовых сообщений [1];
- 3) функциональные теории, объединяющие знания, созданные и поддерживаемые практиками массмедиа, в единую систему [2];
- 4) теории здравого смысла, представляющие систему знаний и идей, формирующиеся у каждого индивида на основе его собственного опыта как одного из членов аудитории и включающие в себя его персональные ассоциации [4];

Теория массовой коммуникации находится в систематическом развитии, имеет высокий уровень динамичности. Основами формирования и развития теорий массовой коммуникации являются вопросы о достоинствах и недостатках медиатехнологий, формах их контроля или регулирования, позволяющих наилучшим образом реализовать их достоинства и свести к минимуму недостатки [4]. В практике массовых медиакоммуникаций сформировались такие теории прессы, как авторитарная, либертарианская, теория социальной ответственности и советская тоталитарная теория [1].

Авторитарная теория медиа имеет такие специфические характеристики, как финансирование государством либо с его помощью, отсутствие свободы слова, запрет «клеветы и непристойности». В условиях реализации авторитарной теории СМИ ведут за собой целевую аудиторию, в качестве которой выступает все общество [5].

В оппозиции авторитарной находится либертарианская теория, имеющая следующие характеристики:

- финансирование за счет рынка: создание рекламы и ее реализация;
- полная свобода слова медиа;
- СМИ идут за интересами аудитории;
- разрешены продающие темы (деньги, секс) и др.

Теория социальной ответственности сформирована в 1940-х гг. Комиссией по свободе прессы США, в состав которой входили ученые, политики и лидеры общественных организаций [1]. Толчком послужило растущее осознание того, что свободному рынку не удалось в полной мере выполнить обещание свободы прессы и обеспечить общество ожидаемыми благами [1].

Специфика теории социальной ответственности состоит в следующем:

- деятельность СМИ контролируется мнением общества;
- использовать «трибуну» СМИ может каждый человек, если у него есть что сказать;
- запрет вмешательства в частную жизнь;
- непрерывная доступность и надежность информации, имеющей отношение к текущим событиям и проблемам общества;
- СМИ берут на себя обязательство социальной ответственности.

Подобно тому, как либертарианство возникло в качестве альтернативы авторитарным идеям, теория социальной ответственности стала ответом на тоталитарные идеи. Для обеспечения «жизнеспособности» теории социальной ответственности необходимо постоянно активизировать усилия по ее реализации [1]. Теория социальной ответственности направлена в пользу соблюдения интересов именно общества. На этом основании она наиболее приемлема в демократических государствах.

Советская тоталитарная теория прессы обозначала СМИ как инструмент управления обществом: газеты — «коллективный пропагандист», пропаганда официальной идеологии. После революции 1917 г. российская пресса и остальные

средства массовой медиакommunikации реорганизованы. Их деятельность получила теоретическое обоснование, исходя из ключевых положений марксизма-ленинизма. Постепенно теория была подкреплена институционными средствами, которые формировали основное поле для деятельности медиа, подготовки специалистов и проведения исследований. Указанная теория стала моделью для большинства медиа в пределах социалистического лагеря [6].

В рамках советской тоталитарной теории медиа должны осуществлять саморегулирование, брать на себя определенную степень ответственности, развивать и следовать нормам профессионального поведения и реагировать на потребности и желания своей аудитории. Отчетность перед публикой в контексте этой теории реализуется с помощью социологических исследований, институционных форм соучастия аудитории, ответов на письма и анализа запросов общественности. В отличие от теорий свободной прессы и социальной ответственности, модель советских средств массовой медиакommunikации оправдывает цензуру и «наказания» медиа [1].

Для советской тоталитарной теории характерны следующие положения:

- отсутствие частной собственности на медиа;
- ориентированность на рабочий класс;
- в медиа должен обеспечиваться полный взгляд на мир в соответствии с ленинско-марксистскими принципами;
- цели и идеалы журналистов должны совпадать с интересами власти;
- наличие цензуры и иных средств наказания антисоциальных медиа.

Можно отметить, что в авторитарной и советской теориях наблюдается сходство в виде цензуры или поддержки общественного строя в виде пропаганды или агитаторства. Однако разница заключается в том, что в советской теории медиа реагируют на запросы аудитории, а также работают в пределах добровольно установленных рамок.

Рассмотрев специфику теорий массовых медиакommunikаций, можем констатировать, что система медиа служит неотъемлемой частью общественной жизни, которая развивается с поразительной скоростью, что позволяет ей быть актуальной и интересной для всех сфер человеческой жизнедеятельности. Влияние медиа во всем многообразии ее форм на человека в частности и социум в целом неоспоримо. Следовательно, на данном этапе общественного развития важно обращать «научное внимание» на вопрос о том, как взаимосвязаны между собой теории классификации медиа и какой отпечаток средства массовой информации оставляют на нашей обыденной жизни.

В современных условиях развития практики медиакommunikаций не требует доказательства тот факт, что социальные сети являются видом массовых коммуникаций, поскольку изначально создавались с целью обеспечения происходящих массовых коммуникационных процессов. По данным исследований, проведенных компанией-лидером мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа, более 85 % населения и российских организаций всех видов экономической деятельности пользуются социальными сетями не только в целях расширения круга личного общения, но и для продвижения бизнеса, расширения партнерских связей, получения новых клиентов [4]. При этом результаты проведенных исследований показывают, что главной целевой аудиторией являются молодые люди от 14 до 35 лет [4], а значит, в настоящее время социальные сети — одна из наиболее востребованных массовых медиакommunikационных технологий.

С целью понимания воздействия медиакommunikаций на общество автором проведено исследование относительно вопроса влияния социальных сетей как наиболее востребованного массового медиа на молодежь. Исследование осуществ-

влялось на основе принципа репрезентативности путем применения метода случайной выборки. Социологическое исследование проводилось с применением современных инфокоммуникационных технологий на базе использования *Google-форм*, позволяющих произвести широкий масштабный охват всех имеющихся коммуникационных интернет-платформ. Валидность выборки обеспечена широтой охвата целевой аудитории и ее соответствием генеральной совокупности проведенного исследования по половозрастным характеристикам, социальному статусу, иным характеристикам рассматриваемых параметров участвующих респондентов.

В рамках исследования путем социологического опроса привлечены люди разных поколений с целью выявления ситуации значимости социальных сетей и целей их использования. К целям социологического исследования относятся:

- выявление значимости социальных сетей в жизни молодого поколения;
- уточнение промежутка времени, затрачиваемого молодежью в социальных сетях;
- выявление целей использования социальных сетей молодежи разного возраста.

Социологическое исследование проводилось на основе метода блиц-опроса с применением *Google-форм*.

В опросе приняли участие 150 человек 14–35 лет. Соотношение респондентов по полу представлено на рисунке 1.

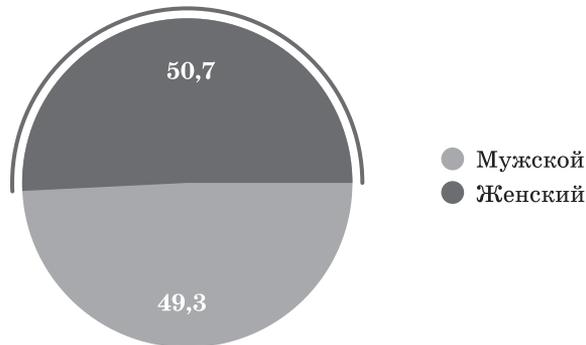

Рис. 1. Соотношение респондентов опроса по полу, %

С целью понимания занятости и уровня доходов респондентам задан вопрос об уровне дохода в месяц (в руб.). Результаты ответа показали, что 45,1 % опрошенных не работают и не имеют стабильного ежемесячного дохода; 16,9 % респондентов работают и имеют уровень дохода от 5 до 15 тыс. руб. и столько же опрошенных работают, получая ежемесячно от 15 до 30 тыс. руб.; 15,5 % — работают и получают ежемесячно от 30 до 70 тыс. руб.; 5,6 % — ведут собственный бизнес, получая доход от 70 тыс. руб. и выше, как показано на рисунке 2.

Кроме того, респондентам задан вопрос о целях использования интернета и соцсетей. Наиболее актуальны следующие цели: «заходить в интернет ради соцсетей» — 47,9 % респондентов; 19,7 % респондентов используют интернет и соцсети в образовательных целях; 19,7 % респондентов в качестве основной цели указали получение актуальных новостей, как видно на рисунке 3.

На вопрос о времени, затрачиваемом на посещение соцсетей, ответы, представленные на рисунке 4, распределились следующим образом: 72,9 % респондентов тратят на соцсети от трех и более часов в день, 25,7 % — от одного до трех часов в день, 1,4 % — от 30 минут до часа.

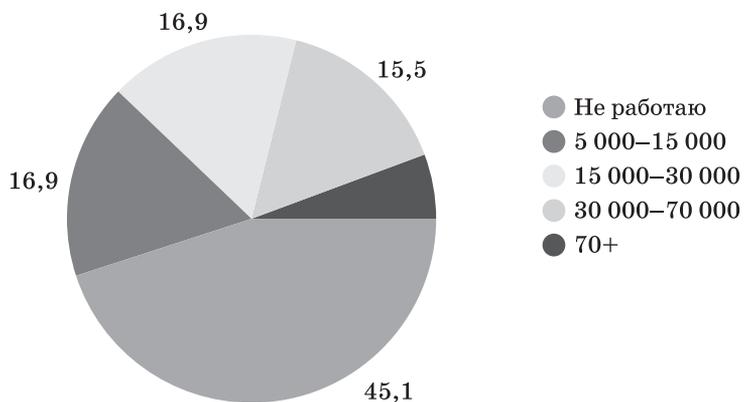

Рис. 2. Распределение ответов респондентов о занятости и уровне дохода, %

Рис. 3. Распределение ответов респондентов о целях использования социальных сетей, %

Рис. 4. Распределение ответов респондентов о времени, затрачиваемом на посещение соцсетей, %

Респондентам был задан вопрос и о цели использования социальных сетей. Установлено в итоге, что 27,7 % опрошенных используют их для общения, 28 % — для получения информации, 39,5 % — для развлечения. 4,8 % респондентов ответили, что либо не используют соцсети, либо изредка обращаются к ним для получения дополнительной информации по работе/профессии, как показано на рисунке 5.

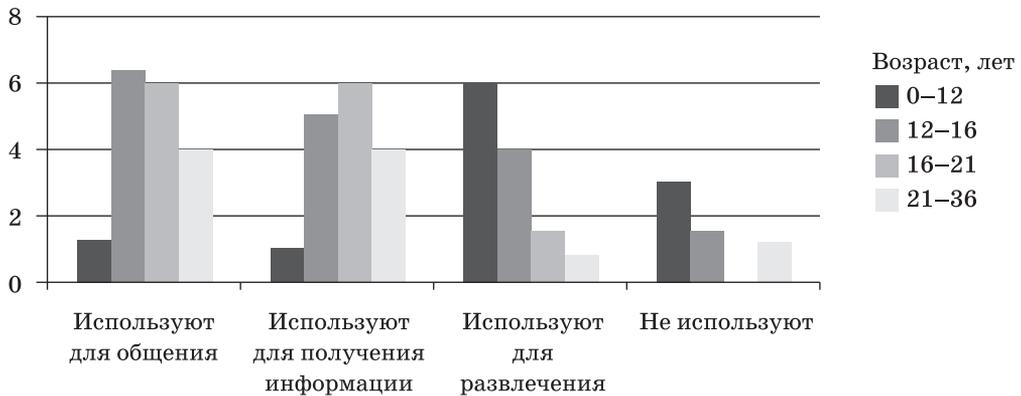

Рис. 5. Цели использования социальных сетей в зависимости от возраста респондентов

В ходе исследования свыше 90 % опрошенных указали, что проводят в социальных сетях более пяти часов в день и рассматривают их как главный авторитетный источник получения информации.

Результаты проведенного опроса позволяют нам сделать ряд выводов.

1. Современную молодежь как основную целевую аудиторию пользователей социальных сетей привлекает возможность обмена мультимедийной информацией, общения с друзьями, поскольку соцсети способствуют не только быстрому обмену информацией, но и дают возможность общаться одновременно с большим количеством друзей на расстоянии. К тому же этот способ связи экономит средства и время.

2. Молодежь 14–16 лет обращаются к социальным сетям для удовлетворения собственного досуга (игры) и виртуального общения.

3. Молодые люди 21–35 лет ежедневно посещают социальные сети (уделяют этому от трех часов и более) в целях получения информации, новостей, самопродвижения, продвижения собственного бизнеса, интенсивного общения с коллегами, родственниками, друзьями.

Важно отметить, что социальные сети имеют как положительные эффекты влияния на молодежь, так и отрицательные. К положительным относятся такие эффекты, как:

- самореализация в глазах друзей, знакомых и общества в целом;
- расширение круга знакомых, единомышленников, коллег;
- обмен накопленным опытом, личными взглядами на жизнь, изучение мнений общества по ключевым жизненным и профессиональным ситуациям;
- получение базы данных видеофайлов, музыкальных файлов, среди которых можно найти редкие или нужные экземпляры;
- расширение «цифровой библиотеки знаний»;
- получение актуальной информации;

- самообразование, помощь в освоении учебных дисциплин и материалов;
- получение дополнительного дохода.

Среди отрицательных эффектов можно выделить следующие:

- зависимость от виртуального мира, отрицание «реальной» картины окружающего мира;
- психические расстройства;
- общаясь в социальных сетях, молодежь присоединяется к различным группам, субкультурам, знакомится с сомнительными людьми, что зачастую приводит не только к нарушению психики и социальной адаптации, но и к преступлениям, суициду и т. д.;
- ограничение коммуникативных возможностей в реальном мире;
- нарушение социальной адаптации молодежи;
- формирование системы «ложных» ценностей и др.

Зависимость молодежи от социальных сетей — глобальная проблема, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные данной проблеме. Кроме того, установление в медицинской практике понятия «интернет-зависимость», частью которого выступает зависимость от социальных сетей, также говорит в пользу утверждения автора о глобальности исследуемой проблемы [7]. В современной практике обсуждалась возможность отключения и закрытия социальных сайтов как один из методов борьбы с данной зависимостью. Но применение такого метода невозможно, поскольку это нарушает права человека и законодательные нормы, регулирующие массовые медиакоммуникации. В качестве одного из методов обсуждается вопрос об установлении платы за использование соцсетей. Данный метод также видится маловероятным на практике, поскольку утвердить взимание платы за использование социальных сетей на законодательном уровне затруднительно с точки зрения правовой обоснованности. Социальные сети, как известно, являются платформами, находящимися в собственности бизнес-организаций или предпринимателей. Для них установление платы за «вход в сеть» — крайне невыгодный шаг, который приведет к значительной потере целевой аудитории.

На наш взгляд, одним из эффективных методов снижения влияния соцсетей на молодежь является гейткипинг, представляющий собой систему фильтрации сообщений в массовой коммуникации. Эффективность усиления гейткипинга обусловлена тем, что в интернете социальные медиа демократизировали коммуникации, то есть все стали «авторами», все могут рассказывать об окружающем мире. Но в этой демократизации эксперт и обычный школьник стали равны в своих высказываниях, так что зачастую без специальной подготовки сложно понять, чье мнение аргументированно и ценно в действительности. В сложившейся ситуации роль гейткиперов в разы возрастает, поскольку основной их задачей является проверка объективности, достоверности, правомочности и законности поступающей информации до момента ее размещения в массовом доступе. Более того, на современном этапе развития медиакоммуникаций авторитетные медиабренды, работающие по понятным и открытым стандартам, вносят систему «ценностных констант» и формируют среду для размещения «системы координат» в хаотичном потоке сообщений. Изложенный подход, обеспечивающий изначальную фильтрацию информационного потока, направленного на соцсети, снизит уровень негативного влияния на современную молодежь, поскольку уже на предварительном этапе размещения информации в массовый доступ «отсекается» подозрительный контент с точки зрения законности, достоверности и объективности.

Список источников

1. Бакулев Г. П. Массовые коммуникации. Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2010. 192 с.
2. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2020. 424 с.
3. Бабосов Е. М., Трусь А. А. Особенности коммуникации в организационных моделях различных типов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 3. С. 95–114.
4. Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. М.: РУДН, 2017. 330 с.
5. Доронина Е. Б. Повышение эффективности создания и функционирования сложных систем на основе анализа коммуникативных процессов // Science Time. 2016. № 4. С. 244–254.
6. Кравец М. А. Алгоритм и методология стратегической диагностики организационных коммуникаций // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. № 4. С. 55–65.
7. Николаева Т. А., Павлова Т. С. Зависимость молодежи от социальных сетей // Общественные ресурсы и технологии. 2019. № 4. С. 7–12.

Информация об авторе

И. А. Юмашева — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; i.yumasheva@spbacu.ru

Information about the author

I. A. Yumasheva — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; i.yumasheva@spbacu.ru

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 12.11.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 12.11.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Обзорная статья

УДК 316.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-33-45

Социально-структурное изменение российского общества: проблемы и перспективы

Лидия Сергеевна Кобелева¹, Антонина Борисовна Черных²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена обзору и общему анализу основных социальных тенденций в современном российском обществе. В частности, авторами исследованы статистические данные о наиболее актуальных проблемах социума. Рассмотрена проблема оценки социальных тенденций относительно ряда наиболее значимых вопросов: профессионального образования и занятости населения, стратификации общества, трудовой миграции, демографического состава общества, демографической динамики, социального согласия и гражданской активности населения.

Ключевые слова: социальные процессы, структурные изменения общества, новый тип поведения, смена социальных и политических ориентиров, сотрудничество, глобальная конкуренция

Для цитирования: Кобелева Л. С., Черных А. Б. Социально-структурное изменение российского общества: проблемы и перспективы // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 33–45. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-33-45>

Review article

Social and structural changes in Russia: problems and prospects

Lidiya S. Kobeleva¹, Antonina Borisovna Chernykh²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

Abstract. This article is devoted to a review and general analysis of the main social trends in modern Russian society. In particular, the authors analyze statistical data on the most pressing problems of modern society, in parallel, attention is paid to assessing social trends in a number of the most painful issues, such as: vocational education and employment of the population, stratification of society, labor migration, demographic composition of society, demographic dynamics, processes, social consent and civic engagement of the population.

Keywords: social processes, structural changes in society, a new type of behavior, change the social and political orientation, cooperation, global competition

For citation: Kobeleva L. S., Chernykh A. B. Social and structural changes in Russia: problems and prospects. *Sociology and Law. 2021;13(4):33-45.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-33-45>

В 2021 г. Россия переживает значительные социально-культурные изменения. Можно утверждать, что рождается новый тип обывательского мышления. На наш взгляд, это происходит вследствие изменения внешнеполитических и внешне-

экономических условий, обретения, закрепления парламентского большинства, реструктуризации политической элиты страны и укрепления правового базиса государственной власти. В обществе наметились тенденции обретения нового типа гражданской активности — объединения вокруг патриотических ценностей, обретения культурно-политического, экономического, исторического единства.

Социальный слой предпринимателей, который послужил своеобразной платформой для формирования политической элиты, вынужден сегодня доказывать свою эффективность, действуя в новых для России социально-политических условиях. Отечественный бизнес испытывает на себе воздействие высококонкурентного мирового рынка, последствия глобальных экономических процессов: предприниматели вынуждены развивать бизнес в условиях экономических санкций и ограничений со стороны банковского капитала.

Вместе с тем санкционный режим обнажил проблемы, на которые ранее ввиду политической толерантности было принято не обращать внимания. Обнаружены многолетние недоработки в некоторых сферах бизнеса (народного хозяйства страны): сегодня ряд отечественных предприятий не получают должного развития и инвестиций, поскольку и в общественном сознании, и на законодательном уровне существуют экономические преференции иностранному бизнесу и бизнесу, зарегистрированному в офшорных зонах. Нельзя утверждать, что эта проблема окончательно решена. С рядом иностранных компаний российский бизнес не мог и не может конкурировать, поскольку не обладал и по-прежнему не обладает достаточным ресурсным потенциалом. Обнажившиеся социально-экономические проблемы глобального характера, в том числе связанные с международным разделением труда и проблемами межстрановой конкуренции, диктуют современному слою предпринимателей, а вслед за ними и представителям политической элиты, значительная часть которой остается частью бизнес элиты страны, иной тип финансового, социального и законодательного поведения. Тем не менее нельзя отрицать в данном процессе значимости ряда законов и подзаконных актов, принятых в последние годы и направленных на укрепление и поддержку отечественного предпринимателя. С позиции законодательства в рассматриваемой сфере еще широк круг нерешенных и требующих основательной доработки вопросов. К тому же наблюдается тенденция смены политических, экономических и социальных ориентиров.

Далее предлагаем общий обзор основных социальных тенденций, выявленных в современном российском обществе.

I. Нехватка специалистов в промышленности

Глобальные конкурентные процессы повлияли не только на поведение и расстановку приоритетов национальных элит, но и, как следствие, на структурные характеристики и потребности бизнеса. В условиях внешних санкций и финансовых ограничений бизнес перестраивается (особенно это относится к стратегически важным для страны областям), вынужденно ориентируясь на внутреннего поставщика.

Это, в свою очередь, повлекло структурное изменение современного гражданского общества в России. В последние 20 лет нельзя не заметить перекося престижности одних профессий и недооценивание других, который нивелируется, корректируется необходимостью выполнения производственных процессов и работ, ранее не развиваемых либо развиваемых недостаточно. Происходит существенное изменение социально-профессиональной структуры общества. Так, в связи со сменой в конце XX в. общественно-экономической формации и рыночными

реформами на рынке образовательных услуг произошло перепроизводство выпускников предпринимательских, правовых, финансово-банковских и управленческих профессий. Количество предприятий реального сектора экономики в эти годы последовательно сокращалось. Небольшие объемы промышленных производств, которые сохранены, вполне могли быть обеспечены специалистами, подготовленными еще образовательной системой Советского Союза. В дальнейшем из-за естественных социальных процессов и убыли населения таких специалистов стало катастрофически не хватать. К сожалению, одновременно с этим рядом вузов страны частично утрачена научная и научно-производственная база, потеряны специалисты высшей квалификации по большей части и вследствие их трудовой иммиграции за рубеж, где последовательно осуществлялась политика предоставления наилучших условий труда для научной деятельности. Приходится констатировать существенную потерю в научной и научно-педагогической квалификации кадров не только в академической науке, но и, что особенно важно в контексте настоящей статьи, в сфере профессионального образования. Особенно остро стоит данная проблема на территории России. Вырисовывается актуальнейшая проблема современного общества — воспроизводство утерянного интеллектуального потенциала.

Процесс общего сокращения промышленных производств, происходивший в нашей стране на протяжении последних двух десятилетий, выступил главным фактором перераспределения рабочей силы из производственной области в область негосударственного сектора экономики, который по большей части наполняется организациями сферы обслуживания. Бывшие рабочие неизбежно потеряли квалификацию и навыки, знания устарели вследствие научно-технического процесса и перевооружения производств. В промышленном секторе, несмотря на иллюзии, очевиден дефицит высококвалифицированных рабочих кадров.

Казалось бы, что в реальном секторе спад прекратился, наметился небольшой промышленный рост. В первом полугодии 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. индекс промышленного производства составил 104,4 %, в июне 2021 г. по сравнению с июнем 2020 г. — 110,4 %, а по сравнению с маем 2021 г. — 101,3 %. По словам премьер-министра России М. Мишустина, показатели рынка труда в нашем государстве вернулись на доковидный уровень. К прежним показателям приближается потребительский спрос, поддержку ему оказывает восстановление рынка труда. В частности, М. Мишустин отмечает: «По итогам этого года ожидаем рост валового внутреннего продукта на уровне 4,2 %. Его показатели вернулись на тот же уровень, что и до пандемии. Только, если вспомнить, до пандемии все эти показатели шли на спад. Индекс промышленного производства в 2020 г. составил 93,5 % от уровня 2019 г. (РФ — 97,4 %, СЗФО — 97,0 % от уровня 2019 г.). 90,9 % пришлось на добычу полезных ископаемых (РФ — 93,1 %, СЗФО — 91,4 % от уровня 2019 г.); 93,8 % — на обрабатывающие производства (РФ — 100,6 %, СЗФО — 99,3 % от уровня 2019 г.); 92,3 % — на обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (РФ — 97,6 %, СЗФО — 94,3 % от уровня 2019 г.), 99,0 % — на водоснабжение; водоотведение, организацию сбора и утилизацию отходов, а также на деятельность по ликвидации загрязнений (РФ — 96,2 %, СЗФО — 95,9 % от уровня 2019 г.). Максимальный уровень падения российской промышленности зафиксирован в мае 2020 г. — минус 7,9 %. После этого наблюдалось некоторое восстановление, но с началом второй волны пандемии оно прекратилось» [1].

Несмотря на оживление развития промышленности и вслед за этим рынка труда, в реальном секторе экономики отмечается значительный кадровый голод. Описанная современная особенность рынка труда объясняется исторически:

процессы реформирования системы профессионального образования по западным образцам начала 90-х гг. XX в. логично привели не только к общему сокращению числа колледжей, техникумов, училищ, но и, как следствие, к дефициту высококвалифицированных рабочих рук, представителей востребованных профессий.

У данного процесса наблюдается еще одно последствие: согласно результатам социологических опросов, в обывательском сознании понятие «среднее профессиональное образование» и понятие «бакалавриат» сливаются, становится менее явной граница между высшим и средним профессиональным образованием. Кроме того, вследствие массовой переподготовки экономических, юридических, иных профессий гуманитарной и социальной направленности элитарность и субъективная стоимость высшего образования девальвируется. Гуманитарная область становится все более высоко конкурентной. Многие выпускники вузов (особенно эта тенденция характерна для регионов РФ) по окончании обучения не могут получить работу по специальности и вынуждены переучиваться и осваивать рабочую профессию. При этом работодатели ужесточают требования первичного отбора, и высшее юридическое либо экономическое образование становится «само собой разумеющимся условием» приема на рабочую должность. Анализ тенденций развития системы профессионального образования в целом дает весомые основания выдвигать предположение о том, что современная система подготовки рабочих кадров все еще развита не в полной мере, не отвечает потребностям отечественной промышленности и рынка рабочей силы.

В то же время еще в июле 2013 г. коллегией Минобрнауки РФ утверждена стратегия подготовки рабочих кадров, развития системы и формирования прикладных квалификаций на период до 2020 г. Начали формироваться новые направления развития среднего профессионального образования к 2030 г. В настоящее время в стране функционируют свыше 3,6 тыс. колледжей, в которых обучаются более трех миллионов человек. В более чем 12 тыс. учебно-лабораторных зданий задействованы около 360 тыс. педагогов и мастеров производственного обучения.

Сегодня в 85 субъектах РФ совместно с Агентством стратегических инициатив и Союзом «Молодые профессионалы (*WorldSkills Russia*)» реализуется проект регионального стандарта кадрового обеспечения роста промышленности с целью развития инвестиционных проектов и внедрения оценки готовности выпускников среднего профессионального образования к выходу на рынок труда. Кроме того, проведен пилотный эксперимент с участием десяти регионов РФ по синхронизации системы подготовки кадров в образовательных учреждениях среднего профессионального образования и кадровых потребностей экономики субъектов страны, в том числе в сфере малого и среднего бизнеса, где сформирован перечень перспективных приоритетных профессий и специальностей для малого и среднего предпринимательства, а также изменен подход к формированию контрольных цифр приема в аспекте учета потребностей в подготовке кадров для предприятий совместно с Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства. В настоящее время Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) обновлены среди 87 из 485 профессий и специальностей, еще 19 находятся на утверждении, в том числе по трем новым профессиям [3].

Следует отметить, что, несмотря на все пандемийные и объективные сложности 2020 г., лишь около 1 % выпускников колледжей испытывают проблемы, связанные с поиском работы. Основная цель системы среднего профессионального образования на современном этапе — обеспечение экономики страны квалифицированными кадрами, а прикладная задача — решить главные вопросы о том, каких специалистов готовить, в каком объеме и к какому времени.

II. Имущественное расслоение и динамика безработицы

Существовавшая ранее социальная тенденция расслоения российского общества на богатых и бедных не исчезает. Социологические исследования показывают, что материальное положение двух третей населения России ухудшается. Например, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников в субъектах РФ снизилась на 10,2 %. В октябре 2016 г., согласно выборочному исследованию рабочей силы, 4,1 млн человек классифицированы как безработные (в соответствии с критериями Международной организации труда, МОТ). В государственных учреждениях службы занятости населения зарегистрировано 0,8 млн человек в качестве безработных, из них 0,7 млн человек получали пособие по безработице. В октябре 2016 г. общий уровень безработицы составил 5,4 % (без исключения сезонного фактора) [4].

Как видно на рисунке 1, в 2020 г. значительно возросло число официально зарегистрированных безработных. Уже по итогам января 2021 г. их численность составила 2,5 млн человек, что в 3,6 раза выше, чем годом ранее. В сентябре прошлого года этот показатель равен почти 3,7 млн человек, после чего их количество стало постепенно снижаться. По данным выборочного исследования, проведенного Росстатом в январе 2021 г., 34,7 % безработных обратились в органы службы занятости в поиске работы [5].

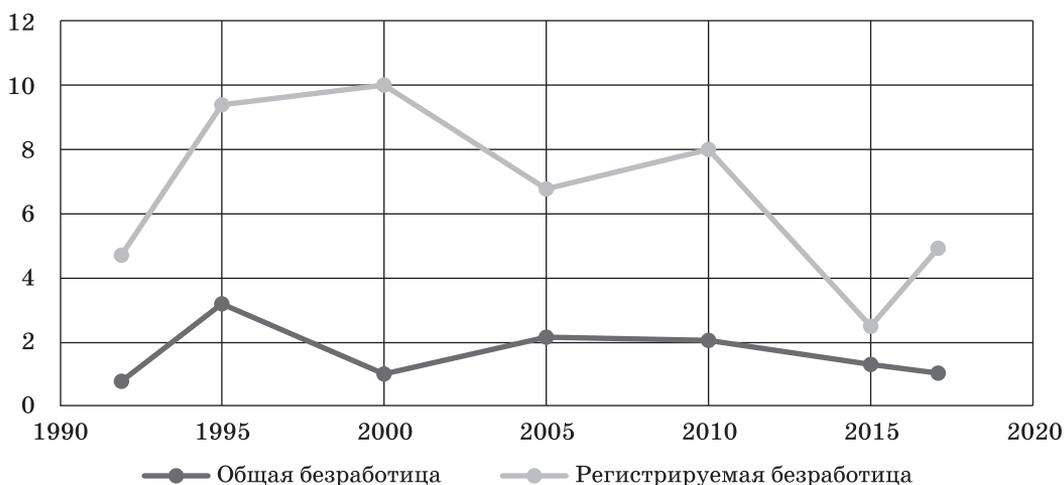

Рис. 1. Уровни регистрируемой и общей безработицы в 1990, 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2020 гг., % [5]

В январе (согласно методологии МОТ) из 4,3 млн безработных 18,9 % составляет молодежь до 25 лет (810 тыс. человек), то есть в сравнении с августом прошлого года, когда безработица в России почти достигла пиковых значений (в этой категории было более миллиона молодых людей), число представителей этой возрастной категории уменьшилось. Однако доля безработных в возрасте старше 50 лет возросла: по итогам января в общей структуре она составила 20,1 %, то есть более 860 тыс. человек (против 760 тыс. в августе 2020 г.). Средний возраст безработного — 37 лет [6].

По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень безработицы в большинстве регионов РФ по итогам ноября 2020 г. — января 2021 г. возрос и составил в целом по стране 5,9 %, что на 1,3 % выше, чем годом ранее. Самые высокие показатели зафиксированы в Ингушетии, Чечне и Туве, о чем свидетельствует исследование, о котором сообщает РИА «Новости» [6].

Мировой кризис, вызванный пандемией коронавируса, существенно повлиял на рынок труда в России. Постепенно складывается впечатление, что по мере снятия ограничений и возвращения в рабочий режим большинства предприятий ситуация стала улучшаться. Но с ноября 2020 г. по январь 2021 г., согласно данным Росстата, численность безработных (по методологии МОТ) составила 4,46 млн человек, что соответствует уровню безработицы в 5,9 %. Это на 1,3 % выше аналогичного периода прошлого года. Во время пандемии максимальное значение зафиксировано в августе 2020 г.: 4,8 млн человек (6,4 %). Для сравнения: в январе этого же года численность безработных была 4,3 млн (5,8 %) [6].

В связи с пандемией в России сегодня 13 % населения (то есть пять миллионов человек) имеют доход ниже прожиточного минимума (до кризиса было 10 %). Для восстановления доходов населения до прежнего, докризисного уровня понадобится не один год. Еще в мае 2021 г. Минэкономразвития РФ спрогнозирован рост числа бедных: с 13,1 % в 2015 г. до 13,7 % в конце 2017 г.; пикового значения — 13,9 % — уровень бедности достигнет в 2018 г., а на уровень 2015 г. реальные доходы населения выйдут только в 2019 г. [7].

В начале августа *HeadHunter* проведен опрос соискателей вакансий, в результате которого зафиксированы пессимистичные ожидания во всех федеральных округах, за исключением Дальневосточного. По мнению опрошенных, ситуацию усугубляет факт закредитованности населения. Лишиться регулярного заработка, имея долги перед банками, особенно страшно. В период выборов в Государственную думу проблема социальных страхов и ожиданий становится политической. Одним из страхов называют уменьшение окладов сотрудников (4 %), фонда оплаты труда (8 %), бюджетов на подбор персонала (16 %). Больше всего пессимистов в крупных компаниях (более 500 работников), а также в регионах. Цифры Минтруда России говорят о том, что работодатели заявили в службы занятости 1,7 млн вакансий. Но людей, находящихся в поиске работы, они мало впечатляют [8].

III. Трудовая миграция: внешняя и внутренняя

Несмотря на пессимистические ожидания соискателей с высшим образованием и гуманитарными специальностями, дефицит кадров в реальном секторе экономики и кадровый голод в сегменте рабочих профессий объективно нарастает. С начала 2021 г. на рынке труда говорят о тенденции дефицита кадров, в частности молодых сотрудников. Одна из причин такой ситуации — демографическая. На начало года конкуренция за кадры достигла максимальных значений, что и отметили недавно аналитики российской онлайн-платформы по поиску работы *HeadHunter*. В апреле количество открытых вакансий возросло на 12 % по сравнению с предыдущим месяцем. Прирост числа вакансий, если сравнивать с 2020 г., составил 86 %. Это объясняется тем, что во время пандемии произошел спад активности среди работодателей. По сравнению с прошлым годом подобная тенденция прослеживается и в регионах, где количество вакансий увеличилось на 76 % [8].

Нехватка рабочих кадров и образовавшийся своеобразный «вакуум» в производственной сфере страны стимулирует процессы трудовой миграции из стран ближнего зарубежья. В Россию массово приезжают низкоквалифицированные рабочие и занимают невостребованные коренным населением территорий рабочие места. Сегодня существует не только добровольная трудовая миграция в Россию, но и вынужденная (переезд в поисках работы граждан из ряда стран бывшего Советского Союза), а также принудительная (миграция из охваченных войной областей соседних государств). Статистические данные свидетельствуют о насто-

раживающих тенденциях обеспечения трудовыми мигрантами целых отраслей народного хозяйства страны. На территории России число иностранных граждан, имеющих действующие разрешения на работу, в 2011 г. составило 1 028 тыс. человек, а к 2012 г. — уже 1 149 тыс. человек. К 2013 г. оно несколько сократилось (к концу года составило 1 112 тыс. человек (–3,2 %)). Снижение продолжилось и в 2014 г. — до 1 044 тыс. человек (–6,7 %). К 2015 г. с учетом сокращения квот, изменения правил получения разрешительных документов на работу и ухудшения возможностей заработка в России из-за экономического спада и снижения курса рубля, число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, сократилось в разы. К концу 2015 г. оно составило 182,4 тыс. человек (в 5,7 раза меньше, чем в 2014 г.), год спустя — 143,9 тыс. человек (–21 %), к концу 2017 г. — 114,9 тыс. человек (–20 %), к концу 2018 г. — 93,2 тыс. человек (–19 %), а к концу 2019 г. — до 83,2 тыс. человек (–11 %) [9; 10].

Количество иностранных граждан, которые имели действующее разрешение на работу, в первом полугодии 2020 г. существенно сократилось. По данным МВД России, на конец июня — 67,8 тыс. человек (годом ранее — 96,9 тыс. человек). Во втором квартале 2020 г. разрешение на работу получили 6,5 тыс. иностранных граждан (24,9 тыс. человек за аналогичный период 2019 г.), из них большинство (90,8 %) на срок от 9 до 12 месяцев [11].

Впервые введено ограничение по численности иностранных работников правительством РФ в таких сферах, как обработка древесины, торговля лесоматериалами и оказание услуг в сфере ЖКХ. Лимиты предусмотрены постановлением «Об установлении на 2021 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» от 12 ноября 2020 г. № 1823 [12]. Сегодня допустимая доля иностранцев в сфере для организаций, занятых управлением недвижимым имуществом и обслуживанием зданий, не может превышать 70 % и не может превышать 50 %. В 2020 г. таких ограничений по численности иностранных работников еще не было. Кроме того, в сфере, связанной с автомобильным грузовым транспортом, а также с перевозками пассажиров на сухопутном транспорте, предельная доля иностранных работников становится не 28 %, как ранее, а 26 % от общей численности сотрудников. Итак, в строительной отрасли квоты составляют не более 80 % от общей численности работников, а в Республике Дагестан — 50 %. Данное ограничение не будет действовать в Москве, Республике Бурятия и Амурской области. Квоты в розничной торговле алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах — не более 15 % от общей численности работников; в розничной торговле табачными изделиями в специализированных магазинах — не более 15 % от общей численности работников; относительно деятельности в области спорта — не более 25 % от общей численности. По-прежнему нельзя использовать труд иностранных работников в таких сферах, как розничная торговля лекарственными средствами в специализированных магазинах (аптеках); розничная торговля в нестационарных торговых объектах и на рынках; розничная торговля прочая, вне магазинов, палаток, рынков. Работодателям, у которых численность работников-иностранцев превышает установленные лимиты, нужно до 1 января 2021 г. «привести» численность работников в соответствие с комментируемым постановлением: либо уволить «лишних» иностранцев, либо уменьшить их долю за счет найма граждан РФ [10; 12].

Трудовая миграция актуализирует некоторые социальные тенденции, ранее не воспринимавшиеся обществом настолько болезненно, как в настоящее время. Например, острой является проблема ассимиляции трудовых мигрантов,

принятия ими норм и правил социального взаимодействия, предусмотренных на территории принимающей страны, межнациональной и межконфессиональной терпимости и согласия. Из-за существующего неравенства в оплате труда, обеспечении трудовых прав и социальных гарантий между мигрантами и гражданами РФ, эксплуатации труда мигрантов недобросовестными работодателями, а также вследствие проникновения нелегальных мигрантов на территорию РФ в среде трудовых мигрантов выделяется слой маргинального населения, несущего в себе угрозу общественному порядку и спокойствию [13].

Количество мигрантов в России с каждым годом возрастает. Одновременно наблюдается и такая социальная тенденция, как отток молодых людей из числа коренного населения с восточных и северных территорий в центральные и западные области страны. Причина этого — все та же трудовая миграция. Люди переезжают в промышленно и социально развитые районы, где сохранились производственные мощности, существует возможность получить работу, где выше оплата труда и лучше социальные условия. Причем в последнее время заметной становится тенденция усиления процессов трудовой миграции. В частности, миграционный поток внутри страны в январе — сентябре 2016 г. практически равен уровню миграции в течение 2015 г., как видно из таблицы 1. Причем миграционный прирост в Северо-Западном федеральном округе обеспечивают в основном г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Значимой причиной оттока населения является переезд молодых людей по окончании средних общеобразовательных учреждений в районы России, где существует возможность получить наиболее качественное профессиональное образование, поступить в вузы страны, научная, кадровая и производственная база которых потерпела меньшие потери за время общего упадка.

Таблица 1

Общий миграционный прирост / убыль по федеральным округам

Федеральный округ	Январь — сентябрь 2016 г.	Январь — декабрь 2015 г.
Центральный	+123 368	+152 724
Уральский	+12 948	+2 447
Южный	+66 090	+65 938
Северо-Западный	+28 211	-193
Северо-Кавказский	-12 528	-13 336
Приволжский	-3 612	-12 510
Сибирский	-7 915	-8 028
Дальневосточный	-10 109	-17 971

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики, чел. [13].

Сохраняется тенденция оттока населения с территории РФ. Предпочтением для внутрироссийских мигрантов становятся Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. В 2019 г. в остальных федеральных округах РФ появилась тенденция миграционной убыли населения, что отражено в таблице 2. Наибольшие миграционные «потери» наблюдаются в Сибирском и Приволжском федеральных округах. Значительный отток населения наиболее характерен для Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов. Географическая картина внутрироссийской миграции связана с пространственной социально-экономической поляризацией России [9; 11].

Миграционный прирост / убыль федеральных округов РФ во внутрироссийских потоках, 2019 г. [11]

Федеральный округ	Кол-во чел., тыс.
Центральный	+ 90,5
Северо-Западный	+ 39,3
Южный	+ 16,2
Северо-Кавказский	-15,7
Уральский	-20,5
Дальневосточный	-26,1
Сибирский	-40,3
Приволжский	-43,5

IV. Демографические тенденции

В доковидный период, в январе — сентябре 2016 г., существовала обнадеживающая тенденция роста коэффициента рождаемости. В частности, в 2015 г. +6,9, а в 2016 г. уже +18,2. Основная доля прироста обеспечена за счет Северо-Кавказского (+60 943 и +58 982 человек в 2015 и 2016 гг. соответственно), Уральского (+20 512 и +19 094 человек в 2015 и 2016 гг. соответственно), Сибирского (+14555 +13945 человек в 2015 и 2016 гг. соответственно), Дальневосточного (+5647 +4555 человек в 2015 и 2016 гг. соответственно) федеральных округов [14]. В 2013 г. в России наблюдался рост общего коэффициента рождаемости (1,7), что выше, чем в большинстве европейских стран: на 1,2 выше, чем в Португалии, на 1,3 выше, чем в Испании и Греции, на 1,4 выше, чем в Австрии, Германии, Италии, на 1,5 выше, чем в Чешской Республике. В 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,78 [15].

Вместе с тем общий миграционный прирост населения РФ в исследуемый период уменьшился на 31,2 тыс. человек (12,7 %), что произошло в результате возросшего числа выбывших из России (на 43,2 тыс. человек, то есть на 15,3 %) Наряду с этим происходит увеличение числа прибывших из-за пределов РФ на 12,0 тыс. человек (2,3 %), в том числе из государств — участников СНГ (на 11,3 тыс. человек, то есть на 2,4 %). Таким образом, общее число граждан РФ, по предварительной оценке Федеральной службы государственной статистики, на 1 декабря 2015 г. составило 146,5 млн человек и с начала года возросло на 239,4 тыс. человек (0,16 %). Увеличение численности населения в январе — ноябре 2015 г. наблюдается за счет естественного и миграционного приростов. При этом миграционный прирост составил 89,8 % от общего прироста населения [16].

По данным Федеральной службы государственной статистики, общая демографическая ситуация в России в целом в 2021 г. (по данным на 1 марта 2021 г.) следующая: общее число инфицированных с начала пандемии достигло 4 257 650, умерли за все время 86 455 человек, выздоровели 3 823 074. По данным Росстата, в период пандемии с инфекцией лично столкнулись 2,91 % населения России, погибли — 86,5 тыс. человек (0,06 % населения) [17].

Резкое ускорение естественной убыли населения в России, как видно из таблицы 3, зафиксировано в январе 2021 г., когда число смертей в стране увеличилось на 33,9 %, по информации Росстата. За месяц в РФ скончались 217,8 тыс. человек, что на 55,7 тыс. больше, чем в январе 2020 г. За месяц зафиксировано

Таблица 3

**Оперативные данные о естественном движении населения Российской Федерации¹
(по дате регистрации в органах ЗАГС)**

	Тыс.			На 1 000 чел. населения		
	Январь — июль		Прирост, снижение (–)	Январь — июль		2021 г., % к 2020 г.
	2021 г.	2020 г.		2021 г.	2020 г.	
Родившиеся	802,8	811,7	–8,9	9,5	9,5	100,0
Умершие	1 315,3	1 128,0	187,3	15,5	13,2	117,4
из них дети						
в возрасте до 1 года	3,7	3,8	–0,1	4,4 ²	4,4 ²	100,0
Естественный прирост, убыль (–)	–512,5	–316,3		–6,0	–3,7	
Браки	493,5	368,4	125,1	5,8	4,3	134,9
Разводы	370,5	278,8	91,7	4,4	3,3	133,3

¹ Информация о естественном движении населения формируется на основе данных из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС)

² Рассчитывается на 1 000 родившихся живыми

2,6 млн смертей, согласно данным Росстата, что соответствует годовой смертности (рекорд с учетом статистики, прослеживаемой с конца Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Предыдущий максимум Росстат зафиксировал в 2003 г. (2,3 млн человек или в среднем 191,6 тыс. в месяц). Фактическое число смертей за последние 12 месяцев составило 2,18 млн (максимум с 2005 г.). С 1947 г. темпы роста смертности беспрецедентны, судя по статистическим данным, фактам из истории, информации различных СМИ, открытых источников. Из-за засухи и вывоза продовольствия за рубеж и создания резервов зерна на случай новой войны умерло на 37,2 % больше людей, чем в 1946 г. В декабре 2020 г. рост смертности еще выше, показатель достиг 63,1 %. Без учета военного времени это — рекорд, начиная с 1933 г., когда в СССР бушевали голод, коллективизация и репрессии, а число смертей взлетело на 70 % (согласно оценке демографов Е. Андреева, Л. Дарского и Т. Харьковской), о чем идет речь в книге «Демографическая история России: 1927–1959») [18].

Такой двузначный рост смертности в послевоенной истории зафиксирован лишь трижды: голодный 1947 год, 1993 год, когда на фоне гиперинфляции и развала экономики число смертей подскочило на 17,8 % [19], и период пандемии 2020–2021 гг. Примерно половину избыточной смертности января 2021 г., согласно Росстату, принес COVID-19. За месяц с этим диагнозом скончались 26 292 человека. Еще 10 815 летальных исходов сопровождалось заболеванием коронавирусом, но медики назвали другую причину смерти.

С ростом смертности продолжает падать рождаемость: в первый месяц 2021 г. в РФ, согласно данным Росстата, родились 106 603 ребенка, что на 10,3 % меньше, чем годом ранее. Естественная убыль населения ускорилась в 2,5 раза и достигла 113 166 человек. Это — рекорд с периода военного времени, если январскую цифру рассмотреть в качестве годового показателя, то есть 1,3 млн человек потеряет Россия в год, если убыль продолжится, как и в январе, в течение года. Предыдущий рекорд естественной убыли Росстат зафиксировал в 2000 г.: 958,5 тыс. человек, то есть в среднем 79,9 тыс. в месяц. По итогам прошлого года Россия потеряла в результате естественной убыли 688,7 тыс. граждан (рекорд

с 2015 г.). Численность постоянного населения сократилась до 146,24 млн человек: Россия по показателям количества населения вернулась в 2014 г. Таким образом, COVID-19 в третий раз за послевоенный период (то есть уже почти за сто лет) стал тем редким явлением, когда смертность рекордно превысила рождаемость.

V. Протестная активность населения

Исследования гражданской и политической активности, а также протестных трендов в современном обществе для социологов имеют первоочередное значение вследствие огромного влияния на процессы обретения социальной и политической стабильности государства. При проведении выборочных опросов в 2015–2016 гг. на территории Сибирского федерального округа исследователями обнаружено, например, что большинство граждан мотивируют свою слабую гражданскую активность нехваткой свободного времени и сил. Данные опросов, согласно информации Института социологии РАН, говорят о том, что в последние десять лет количество россиян, которые постоянно интересуются общественно-политической жизнью страны, уменьшилось с 26 % до 18 %, а число потерявших к ней интерес, напротив, увеличилось с 21 % до 33 %. В настоящее время доля граждан, участвующих в общественно-политической жизни России, составляет около 20 % взрослого населения [20].

К 2021 г., согласно данным опросов, проведенных Фондом общественного мнения и «Левада-Центром», протестная активность населения также невысока. Это становится очевидным, судя по числу опрошенных, которые отвечали, что не планируют выходить на митинги в ближайшие два-три месяца (весной 2020 г. таких граждан было около 70 %, сегодня — почти 80 %). По мнению социологов, в первую очередь это связано с окончанием второй волны пандемии, выходом из карантина и возвращением к более или менее нормальной жизни. Кроме того, по словам экспертов, основные сторонники Навального — молодые люди 25–35 лет, которые немного деморализованы: «Мы проводили фокус-группы последние месяцы. Видна их растерянность, непонимание, что теперь делать. В том числе потому, что после зимних акций был жесткий ответ власти, поддержанный старшим поколением» [21].

Социологи из иных, в том числе региональных исследовательских центров и организаций России, также отмечают низкий уровень протестной активности населения, но объясняют ее общей озабоченностью проблемами самообеспечения материальными и социальными благами. Работающее, экономически и политически активное население нашей страны сегодня вынуждено максимально эксплуатировать свой физиологический и интеллектуальный ресурс с целью обеспечения минимально приемлемого уровня существования своим семьям. Иными словами, проблема слабости институтов гражданского общества актуальна не только для отдельных регионов, но и характерна для общероссийского уровня. Социальная сегрегация городского населения по профессиональным, конфессиональным, национальным и иным параметрам также объясняет причины локализации активности людей в своих микросоциумах [21].

Заключение

Итак, необходимо стабилизировать социальную базу, укреплять и расширять страту «экономического среднего класса», то есть населения с устойчивыми, традиционными моральными ценностями. Средний класс всегда выступал гарантом стабильности социальной системы и устойчивости государства. Уровень

удовлетворенности членов этой страты условиями жизни (в гражданском, правовом, финансовом и социальном аспектах) по большей части формирует общественное отношение к власти и гражданскую активность, которая может быть направлена как в созидательное, так и в маргинальное русло. Сегодня численность населения, относящая себя к данному слою, достигает лишь одной пятой части российского общества, что далеко от понятия «критической массы», способной создать тенденцию устойчивого развития. В целом в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, современная социальная структура нашего общества носит трансформационный характер. Основные ее параметры только наметились и находятся в процессе формирования.

Полученные статистические данные можно экстраполировать в будущее и выделить возможные точки социального напряжения. Именно поэтому важно с помощью социальных, гражданских и законодательных рычагов корректировать и формировать тенденции развития современного общества.

Список источников

1. Промышленное производство // Правительство Калининградской области: офиц. сайт. URL: <https://gov39.ru/working/ekonomy/situation/promyshlennoe-proizvodstvo/> (дата обращения: 01.10.2021).
2. *Крецул Р.* В России будут реформировать систему среднего профобразования // Iz.ru. 2018. 14 февраля. URL: <https://iz.ru/708484/roman-kretcul/v-rossii-budut-reformirovat-sistemu-srednegoprofobrazovaniia> (дата обращения: 01.10.2021).
3. Из 2020 в 2030: новая стратегия развития СПО // Аккредитация в образовании. 2020. 30 октября. URL: <https://akvobr.ru/new/publications/158> (дата обращения: 01.10.2021).
4. *Клименко А.* Приближаемся к 90-м: «новых бедных людей» в России стало больше на 5 миллионов // Деловой квартал — Екатеринбург. 2016. 25 мая. URL: <https://www.dk.ru/news/priblizhaemysya-k-90-m-novyh-bednyh-lyudey-v-rossii-stalo-bolshe-na-5-millionov-237025096> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Уровень безработицы по данным Росстат // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bezrobotitsy/> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Исследование выявило рост уровня безработицы в России // РИА Новости. 2021. 15 марта. URL: <https://ria.ru/20210315/bezrobotitsa1601183794.html> (дата обращения: 01.10.2021).
7. *Капелюшников Р. И.* Общая и регистрируемая безработица: в чем причины разрыва? // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0149/analit02.php> (дата обращения: 01.10.2021).
8. *Кузнецов Д.* Исследование HeadHunter: Россия на пороге безработицы невиданного масштаба // Омутнинские вести. 2019. 22 октября. URL: <https://omvesti.ru/2019/10/22/issledovanie-headhunter-rossiya-na-porogebzroboticy-nevidannogo-masshtaba/> (дата обращения: 01.10.2021).
9. Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1> (дата обращения: 01.10.2021).
10. *Басович М.* Определена допустимая доля работников-иностранцев на 2021 год // Бухонлайн. 2020. 19 ноября. URL: <https://www.buhonline.ru/pub/news/2020/11/16142> (дата обращения: 01.10.2021).
11. *Щербакова Е.* Миграция в России, итоги первого полугодия 2020 года // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/barom03.php> (дата обращения: 01.10.2021).
12. Об установлении на 2021 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности: постановление Правительства РФ от 12 ноября 2020 г. № 1823 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74806978/> (дата обращения: 01.10.2021).

13. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год. М.: Федеральная миграционная служба, 2016. 98 с.
14. Рождаемость по данным Росстат // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdaemost/> (дата обращения: 01.10.2021).
15. Послание Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. 6/н // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (дата обращения: 01.10.2021).
16. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 263 с.
17. *Питалев И.* Хроника распространения COVID-19 в России // РИА Новости. 2021. 5 марта. URL: <https://ria.ru/20210305/koronavirus-1599707836.html> (дата обращения: 01.10.2021).
18. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. 187 с.
19. Смертность в России установила рекорд со времен Великой Отечественной // Seldon. news. 2021. 9 марта. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/246935028> (дата обращения: 01.10.2021).
20. Материалы по теме «Гражданская активность (инициатива) и общественный контроль на местном уровне» // Всероссийский совет местного самоуправления (ВСМС). URL: <https://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/3506-materialy-po-temegrazhdanskaya-aktivnost-initsiativa-i-obshchestvennyj-kontrol-na-mestnom-urovne> (дата обращения: 01.10.2021).
21. 5 фактов о протестных настроениях в России в 2021 году // Deutsche Welle. 2021. 31 марта. URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1377458/5-faktov-o-protestnykh-nastroeniakh-v-rossii-v-2021-godu> (дата обращения: 01.10.2021).

Информация об авторах

Л. С. Кобелева — кандидат философских наук, доцент кафедры трудового права и социального обеспечения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

А. Б. Черных — кандидат социологических наук, доцент кафедры трудового права и социального обеспечения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; antonina_komar@mail.ru✉

Information about the authors

L. S. Kobeleva — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

A. B. Chernykh — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; antonina_komar@mail.ru✉

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Обзорная статья

УДК 316.653

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-46-55

Электронное голосование: отечественный опыт исследований

Юлия Викторовна Уханова¹, Елена Олеговна Смолева²✉

^{1, 2} Вологодский научный центр Российской академии наук (ВолНЦ РАН), Вологда, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественного опыта изучения электронного голосования. Сформулирован вывод о том, что все многообразие точек зрения относительно понятия электронного голосования правомерно объединить в два основных подхода. Согласно узкому подходу, акцент сделан на процессе подачи голосов в электронном виде. В широком подходе в понятие «электронное голосование» включены процесс регистрации избирателей, обработка бюллетеней и подсчет голосов с помощью электронных средств, даже если оно осуществлялось традиционным способом. Авторами статьи приведены основные достоинства электронного голосования, выявлены технические, ценностные, социальные проблемы.

Ключевые слова: электронное голосование, стационарное электронное голосование, дистанционное электронное голосование, интернет-выборы, электронная демократия, электоральное поведение

Для цитирования: Уханова Ю. В., Смолева Е. О. Электронное голосование: отечественный опыт исследований // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 46–55. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-46-55>

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31702 «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно-полезной деятельности».

Review article

Electronic voting: domestic research experience

Yuliya V. Ukhanova¹, Elena O. Smoleva²✉

^{1, 2} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS), Vologda, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the domestic experience of studying electronic voting. The authors combine all points of view on the concept of electronic voting into two main approaches. The narrow approach focuses on the process of submitting votes electronically. In a broad approach, the concept of “electronic voting” includes the process of voter registration, processing of ballots and counting of votes by electronic means, even if the voting itself was carried out in the traditional way). The article presents the main advantages of electronic voting, a number of problems are noted: technical; value; social.

Keywords: electronic voting, stationary electronic voting, remote electronic voting, internet elections, electronic democracy, electoral behavior

© Уханова Ю. В., Смолева Е. О., 2021

For citation: Ukhanova Yu. V., Smoleva E. O. Electronic voting: domestic research experience. *Sociology and Law. 2021;13(4):46-55.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-46-55>

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31702 “Digitalization of civic participation: progress in achieving social effects vs public benefit activities imitation”.

Введение

Формы взаимодействия гражданского общества и государства можно разделить на два класса. Традиционные формы основаны на задействовании исторически апробированных фундаментальных механизмов (в их числе — выборы, референдумы, участие в партиях, митинги и т. д.), современные — базируются на использовании инновационных интернет- и цифровых технологий (среди них — коллективное обсуждение проблем в интернете, участие в обсуждении и реализации проектов, проведение общественного онлайн-управления, а также электронное голосование) [1].

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, распространение электронного голосования вписывается в логику научно-технического прогресса. Стремительное распространение новых технологий во всех сферах человеческой деятельности делает неизбежным переход к электронной демократии. Неотъемлемым ее элементом является электронное голосование. Во-вторых, дополнительный импульс развитию онлайн-практик придала начавшаяся в 2020 г. пандемия. Наконец, в-третьих, в мире наблюдается кризис доверия к институту выборов. В 2020 г. в ряде стран прошли акции протеста против результатов выборов, причем не только в странах с нестабильной политической системой, для которых протесты, перевороты и революции — рядовое событие, но и в странах развитой демократии (например, США). Следовательно, для обеспечения устойчивого политического развития, предотвращения массовых протестов необходимо повышать доверие общества к выборам. Для этого целесообразно совершенствовать избирательный процесс. Одним из механизмов, вероятно, может стать внедрение электронного голосования.

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состоит в изучении отечественного опыта изучения электронного голосования.

Соотношение понятий и классификации

Понятие «электронное голосование» содержится в международных источниках. В рекомендациях Комитета министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования закреплено, что электронное голосование — это электронные выборы или электронный референдум, включающие в себя использование электронных средств как минимум при подаче голосов [2].

В российском законодательстве присутствуют понятия «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование», но они четко не разграничены. Под электронным голосованием понимается «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства», под дистанционным — «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением специального программного обеспечения» [3].

В отечественной науке понятийный аппарат до конца не сформирован. Приведены различные трактовки понятия «электронное голосование». Под ним может подразумеваться:

1. Процесс *подсчета* голосов электронными средствами (например, комплексы обработки избирательных бюллетеней, КОИБ);

2. Процесс *подачи* голосов с применением телекоммуникационных средств (удаленное голосование посредством мобильной связи или интернет; голосование на избирательном участке с помощью электронных устройств, например, комплексов электронного голосования (КЭГ) [4].

3. Процесс регистрации избирателей и т. д.

Все многообразие точек зрения относительно понятия электронного голосования, абстрагируясь от нюансов, правомерно объединить в два основных подхода: узкий и широкий. Представители узкого подхода [5; 6; 7], а также ряд других исследователей рассматривают электронное голосование в первую очередь как процесс подачи голосов в электронном виде и, соответственно, выделяют две его разновидности, в зависимости от взаимодействия избирателей со специальными техническими средствами:

- дистанционное электронное голосование — не предполагает личного присутствия граждан в определенном месте использования новых технологий;
- стационарное электронное голосование («электронная урна», КЭГ) — связано с необходимостью посещать оборудованные необходимыми электронными устройствами места. Избиратель совершает практически такие же действия, что и при обычном способе волеизъявления, но вместо бумажных носителей он сталкивается с электронными терминалами [5].

Радикальным вариантом узкого подхода служит рассмотрение электронного голосования исключительно как волеизъявления посредством интернета [8]. По справедливому замечанию Н. В. Киселёвой, этот вариант трактовки не соответствует ни законодательству, ни практике его реализации [9].

Более распространенным и (имеющим больше вариаций) является широкий подход. В соответствии с ним понятие «электронное голосование» может вбирать в себя не только непосредственно процесс голосования в электронном виде, но и процесс идентификации, регистрации избирателей, обработки бюллетеней и подсчета голосов с помощью электронных средств (даже если голосование осуществляется традиционным способом, то есть с помощью бумажного бюллетеня), применения электронных систем сбора, хранения и управления данными, связанными с выборами [9].

К. Ю. Матрёнина предлагает изменить законодательное определение категории электронного голосования следующим образом: «Электронное голосование — это голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы», а также голосование с использованием бумажного бюллетеня, но с применением автоматизированного приема, обработки бюллетеней и подсчета голосов» [2, с. 121].

Поскольку широкий подход к пониманию электронного голосования размывает его границы, препятствует установлению точного содержания данного понятия [9], в контексте социологического исследования более подходящим и обоснованным видится применение узкого подхода. Это означает, что под электронным голосованием следует понимать процесс осуществления гражданами активного избирательного права с помощью: а) электронных средств (в том числе, интернет-технологий) на избирательном участке (стационарное электронное голосование); б) с помощью интернет-технологий, мобильной связи вне

избирательного участка (дистанционное электронное голосование) и последующую электронную обработку результатов голосования. Однако процесс подсчета голосов с помощью электронных средств в случае, если голосование осуществлялось традиционным способом, целесообразно включать в более широкое понятие, например, «информационные технологии, обеспечивающие организацию избирательного процесса». К данному понятию можно отнести и удаленное наблюдение за выборами, электронную регистрацию избирателей и т. д.

Преимущества электронного голосования

Отечественные авторы выделяют следующие плюсы электронного голосования:

1. Вовлечение в процесс голосования людей с ограниченными возможностями, а также избирателей, которые по другим объективным причинам не могут прибыть на избирательный участок. К примеру, в Австралии на уровне нескольких штатов с 2000 г. проводились тестовые испытания системы “EVACS”. Наиболее позитивный результат тестовая система электронного голосования “EVASS” принесла людям с ограниченными возможностями [10].

Реализация этого пункта способствует расширению возможностей участия граждан в выборах и обеспечению всеобщего избирательного права. Однако указанные преимущества предоставляет лишь дистанционный формат электронного голосования. Очевидно, что технология «электронной урны» не вбирает в себя такие плюсы электронного голосования, как возможность голосовать, находясь за пределами страны, голосовать вне избирательного участка [5]. Более того, по мнению Г. Б. Ващенко, при стационарном электронном голосовании происходит ущемление прав избирателей-инвалидов, поскольку большинство используемого оборудования абсолютно не адаптировано для различных категорий лиц с ограниченными возможностями здоровья (людей с нарушением слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата и др. [11].

2. Рост политического участия, избирательной явки.

Многие исследователи резюмируют, что применение новейших технологий электронного голосования приводит к повышению электоральной активности, вызывая у избирателей, прежде всего молодежи, значительный интерес [12; 13, с. 363; 14; 15]. С. Ю. Белоконов и И. И. Чистов пишут о том, что в качестве наиболее очевидной целевой аудитории процесса внедрения механизма электронного голосования выступает потенциальный средний класс [12]. Перспективы внедрения инструментов электронной демократии имеют крайне благоприятный потенциал среди жителей небольших муниципалитетов и сельской местности, а также — труднодоступных территорий (за счет голосования посредством мобильного интернета, получившего на этих территориях широкое распространение). Кроме того, по мнению указанных авторов, можно говорить о высоком потенциале участия в электронном голосовании и старшего поколения [12, с. 75].

Повышение избирательной активности может быть достигнуто и за счет большего вовлечения в голосование маломобильных категорий граждан (в том числе тех, которые не в состоянии выйти из дома), граждан, находящихся за рубежом и т. д. Однако не все разделяют подобную точку зрения. Например, В. И. Фёдоров (в контексте выборов в Эстонии) делает вывод о том, что электронное голосование не повышает явку, а лишь предупреждает ее снижение за счет появления дополнительного способа реализации активного избирательного права, следовательно — расширения круга потенциальных избирателей, которые оторваны от политической жизни ввиду своего возраста, физического или географического положения [16, с. 42].

Согласно некоторым актуальным зарубежным исследованиям, к настоящему времени не удалось решить важнейшие задачи внедрения электронной демократии, в том числе по повышению уровня участия граждан в политической жизни и доверия государственным институтам [17]. Таким образом, вопрос о возможности электронного голосования способствовать решению проблем абсентеизма, кризиса доверия институту выборов остается открытым.

3. Большая степень вовлеченности граждан в управление государством, поскольку, во-первых, появляется возможность чаще проводить выборы [2], во-вторых, расширяются возможности для влияния общества на политику в межвыборный период (например, с помощью внедрения практики электронного голосования по законопроектам).

4. Снижение затрат на проведение голосования.

Несмотря на то, что разработать схему и произвести электронные устройства — дорогостоящий вид деятельности, в действительности электронные выборы дешевле, поскольку затраты на них — одноразовые [2]. В. Сергеев отмечает, что электронное голосование с применением мобильных телефонов способно резко снизить транзакционные издержки на организацию избирательного процесса (работу комиссий, аренду помещений, обеспечение порядка и т. д.) [18], проведение голосования в труднодоступных районах [12] и т. д. Это замечание справедливо и для иных видов дистанционного электронного голосования (в частности интернет-выборов).

5. Ускорение процесса подсчета голосов за счет автоматизации: получить результаты голосования можно и в день выборов, практически в момент завершения голосования [19, с. 34; 20, с. 101].

6. При правильной технико-организационной подготовке электронных систем голосования снижается уровень фальсификаций и ошибок [19; 20].

Риски электронного голосования

В литературе освещено множество проблем, связанных с электронным голосованием. Некоторые авторы предлагают свою классификацию этих проблем [19; 21]. Все определенные исследователями риски можно сгруппировать следующим образом:

1. Технологические риски — связаны, во-первых, с возможными неисправностями, сбоями в системе электронного голосования, некорректностью работы данных систем, выходом из строя серверов (возможное последствие — потеря голоса избирателя) [21]. Данная проблема усугубляется ограниченным временем, отведенным для голосования. Кроме того, при дистанционном электронном голосовании персональные компьютеры и мобильные приложения граждан могут быть заражены вредоносными программами [4; 11; 19; 20, с. 97].

В-вторых, технологические барьеры связаны с намеренным неправомерным взломом системы электронного голосования злоумышленниками, кибератаками, что чревато подменой голоса избирателя [6, с. 9; 19; 21; 22; 23]. В-третьих, несмотря на то, что ряд таких рисков, как «карусели», «вбросы» и другие, при использовании системы электронного голосования будут устранены, появляются более существенные риски по манипуляции цифровыми данными результатов голосования, технологически фальсификация становится более легко осуществимой [24, с. 84; 25]. Определить масштабы и результаты подобных манипуляций оказывается невозможным [20]. Технологические препятствия чреваты искажением результатов голосования.

2. Ценностные риски — вероятность нарушения принципов демократических выборов:

2.1. Риски нарушения принципа личного голосования: сложно отследить, что голосует именно тот человек, который зарегистрировался. Любой, имеющий доступ к паролю избирателя, обладает возможностью проголосовать за него [21; 22]. С. Ю. Белоконов выделяет два основных метода обеспечения прозрачности интернет-голосования, позволяющих решить проблему с идентификацией голосующих и обеспечить безопасность системы: предоставление доступа интересующихся граждан к исходному коду системы голосования в обмен на подписание соглашения о неразглашении и обеспечение деятельности специализированных наблюдательных органов [12, с. 76].

2.2. Риски нарушения принципа свободного волеизъявления. Не исключено, что на голосующего в момент голосования оказывается административное давление и что за его спиной стоит «проверяющий» [19; 21; 23, с. 34].

2.3. Риски нарушения принципа равенства. Нарушение этого принципа связано с цифровым неравенством. Если электронное голосование станет единственным способом волеизъявления, произойдет фактическое исключение части электората из избирательного пула [23]. Принципы свободных и равных выборов, по мнению Д. М. Худолея, нарушаются в связи с тем, что, в отличие от обычного «бумажного» способа голосования, избиратель не может испортить бюллетень и тем самым выразить свой протест [26].

2.4. Риски, связанные с нарушением принципа гласности избирательного процесса, сложностью обеспечения наблюдения и контроля за процедурой дистанционного электронного голосования как со стороны непосредственных участников избирательных кампаний, так и общественности [27, с. 7].

2.5. Риски, связанные с нарушением тайны голосования [6; 22]. По свидетельству технических экспертов, существует вероятность деанонимизации поданного голоса, возможности идентификации избирателя [21; 22, с. 22].

По мнению М. Н. Грачёва, интернет-голосование фактически превращается в поименное: процедура электронной аутентификации избирателя посредством применения цифровой подписи, отпечатков пальцев или смарт-карты с индивидуальным кодом-паролем позволяет легко идентифицировать личность гражданина, проголосовавшего тем или иным образом за какого-либо кандидата или по вопросу, вынесенному на референдум [13, с. 361].

Проблема анонимности приводит к возможности давления на избирателя, его подкупа [19, с. 36]. Решением этой проблемы может стать отсутствие именных списков, отделение данных о пользователе от результатов его голосования при просмотре результатов, «перемешивание» электронной урны (результаты выдаются не в порядке поступления, а случайным образом) при стационарном электронном голосовании [19] или «перемешивание» поступающих данных при дистанционном электронном голосовании с тем, чтобы было невозможно отследить, с какого именно компьютера или через личный кабинет какого гражданина на портале подан голос [22, с. 22].

3. Социальные риски включают в себя ряд рисков.

В частности, репутационные риски связаны с высоким уровнем недоверия населения к государственным институтам, к избирательной системе в целом [6; 28]. И это может отразиться на недоверии к электронной системе, если все непонятное будет заведомо восприниматься как мошенничество [12].

При этом риск делегитимизации результатов выборов при онлайн-голосовании намного выше, чем при использовании бумажных бюллетеней. Во-первых, это связано с психологическим восприятием: граждане с большей вероятностью поверят в фальсификацию и мошенничество на онлайн-выборах, чем на обычных избирательных участках. Во-вторых, не существует инструментов для эффектив-

ного пересчета, которые могли бы подтвердить или опровергнуть потенциальные претензии и жалобы [29]. В-третьих, часть избирателей (в первую очередь представители старшего поколения) воспринимают цифровые решения как пространство неформальной коммуникации [30, с. 18]. Результаты исследований, проведенных российскими учеными, свидетельствуют о наличии взаимосвязи между доверием к институтам власти и активностью населения на выборах [31, с. 12]. Следовательно, рост недоверия к избирательной системе после внедрения механизмов электронного голосования может привести не к росту явки, а дать противоположный эффект. Способ преодоления репутационных барьеров некоторые исследователи усматривают в повышении качества и масштабов пропагандистского воздействия на электоральные массы [25].

Существует риск дискриминации отдельных социально-демографических категорий населения в связи с наличием цифрового неравенства, то есть неравномерностью доступа к современным технологиям передачи и хранения информации, а также недостаточным уровнем персональной компьютерной грамотности определенной части населения РФ [6, с. 9]. В частности, неравные возможности для осуществления электронного голосования обуславливает слабая интернетизация сельских территорий, малых городов. Наличие цифрового неравенства в России по линии «урбанизированные — аграрные» регионы демонстрируют результаты вологодских исследователей [32, с. 14].

Дискриминация может также затронуть малоимущих граждан, не имеющих доступа к интернету дома или на рабочем месте [13, с. 361]. Неравенство проявляется и в возрастных группах ввиду того, что старшее поколение, составляющее значительный процент российских избирателей, обладает меньшей компьютерной грамотностью, технологически не готово к переходу на новую систему голосования [16]. Однако существует и иная точка зрения, согласно которой пожилые люди обладают высоким потенциалом участия в электронном голосовании [12].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. В российской гуманитарной науке проблематика электронного голосования находится на стадии становления и пока не получила комплексного раскрытия. В результате проведенного анализа научной литературы по соответствующей тематике представляется правомерным объединить все многообразие точек зрения на понятие электронного голосования в два основных подхода: узкий и широкий.

Представители узкого подхода рассматривают электронное голосование как процесс подачи голосов в электронном виде и выделяют две его разновидности: стационарное электронное голосование (на избирательном участке) и удаленное электронное голосование (вне избирательного участка). В соответствии с широким подходом понятие «электронное голосование» вбирает в себя не только процесс голосования как таковой в электронном виде, но и процесс регистрации избирателей, обработки бюллетеней и подсчета голосов с помощью электронных средств (даже если голосование осуществляется традиционным способом — с помощью бумажного бюллетеня). Мы являемся сторонниками широкого подхода, поскольку рассмотрение в качестве электронного голосования традиционных выборов с их последующей обработкой техническими средствами размывает предмет исследования. Однако в перспективе требуется более четкое разграничение понятий, поиск научного консенсуса относительно понятия и видов электронного голосования.

В литературе обозначены как преимущества, так и недостатки (риски, барьеры, проблемы) электронного голосования. Основные его достоинства — это вовлечение в процесс голосования людей с ограниченными возможностями, а также избирателей, которые по другим объективным причинам не могут прибыть на избирательный участок; рост политического участия, избирательной явки; большая степень вовлеченности граждан в управление государством; снижение затрат на проведение голосования; ускорение процесса подсчета голосов и при этом за счет автоматизации снижение уровня фальсификаций и ошибок.

В то же время исследователи отмечают и ряд проблем, присущих электронному голосованию, которые нами сгруппированы следующим образом:

- технические: связаны, во-первых, с возможными неисправностями, сбоями в системе электронного голосования; во-вторых, с намеренным неправомерным взломом системы электронного голосования злоумышленниками, кибератаками; в-третьих, с рисками манипуляции цифровыми данными результатов голосования;
- ценностные: риски нарушения принципов демократических выборов (личного голосования и свободы волеизъявления в процессе дистанционного голосования; равенства; гласности избирательного процесса; тайны голосования);
- социальные: риск дискриминации отдельных социальных групп в связи с наличием цифрового неравенства, а также репутационные барьеры. Последние связаны, во-первых, с высоким уровнем недоверия населения к государственным институтам, к избирательной системе в целом, что может быть спроецировано и на электронные выборы. Во-вторых, существует риск скептического отношения части избирателей (в первую очередь пожилых людей) к электронной демократии, восприятия онлайн-голосования как неформального.

Таким образом, с учетом множества существующих рисков вопрос о необходимости внедрения электронного голосования (в узкой трактовке) на территории России до сих пор остается дискуссионным [11, с. 27]. Как отмечает М. С. Саликов, задача состоит в том, чтобы сначала на уровне научных изысканий, а позднее на уровне нормативного регулирования установить такую модель, которая бы в данный исторический период в наибольшей мере соответствовала степени развития политической системы и ожиданиям избирателей [33]. Поэтому в дальнейшем необходимым представляется исследование отношения граждан к электронному голосованию, глубинный анализ рисков и возможностей их преодоления.

Список источников

1. Богомолова Т. П., Шулуз А. А. Механизмы влияния гражданского общества на государство в современном мире // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 53–58.
2. Матрёнина К. Ю. Электронное голосование: понятие и виды // Государство и право. 2015. № 2. С. 120–123.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Президент России: офиц. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173> (дата обращения: 16.11.2021).
4. Титовская А. В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 106–108.
5. Давыдов Д. А. Интернет-голосование как электоральная политическая технология // Вестник Пермского университета. 2010. № 1. С. 59–63.

6. *Ерохина О. В.* Технологии электронного голосования в России // Вестник университета. 2019. № 11. С. 5–11. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-11-5-11
7. *Худoley Д. М.* Электронное голосование — необходимость для цифровизации избирательного процесса Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 163–170.
8. *Курячая М. М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31–35.
9. *Киселёва Н. В.* Электронное голосование в России: понятие и виды // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2020. № 19. С. 36–43.
10. *Holmes B.* E-voting: the promise and the practice. Canberra: Parliament of Australia, Department of Parliamentary Services, 2012. 33 p.
11. *Ващенко Г. Б.* Противодействие нарушениям избирательных прав граждан при использовании электронного голосования в России: оценка перспектив // Трансформация права в информационном обществе: материалы I Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 27–33.
12. *Белоконев С. Ю., Чистов И. И.* Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «цифровой политики» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5. С. 69–77.
13. *Грачёв М. Н.* Электронное голосование: «за» и «против» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 360–366.
14. *Alvarez M. R., Hall T. E.* Point, click and vote: the future of internet voting. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004. 204 p.
15. *Gimpel J. G., Morris I. L. et al.* Turnout and the local age distribution: examining political participation across space and time // Political Geography. 2004. Vol. 23. No. 1. P. 71–95.
16. *Фёдоров В. И.* Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 37–44.
17. European E-democracy in practice, studies in digital politics and governance / eds. L. Hennen, I. V. Keulen et al. SpringerOpen, 2020. 359 p.
18. *Сергеев В. М.* Неравномерность глобализации // Мир через 100 лет. М.: Весь мир, 2016. С. 37–41.
19. *Богдан Ю. И., Весёлая О. О.* Анализ существующих систем голосования // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. 2011. № 1-2. С. 33–37.
20. *Ярыгин Г. О.* Электронное и интернет-голосование в избирательном процессе США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 9. С. 90–104.
21. *Гриценко Е. В.* Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 41–49.
22. *Головина А. А.* Электронное голосование и трансформация права в современную цифровую эпоху // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 20–23.
23. *Иванова К. А.* Онлайн-голосование как элемент кибербезопасности мегаполисов // Правоприменение. 2019. № 3 (2). С. 31–37. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).31-37
24. *Иванов И. В.* Цифровая демократия и выборы в Московскую городскую думу седьмого созыва 2019 г. (конституционно-правовые аспекты) // Аграрное и земельное право. 2019. № 9. С. 82–84.
25. *Фёдоров В. И.* Электронное голосование в России: шаг вперед, два шага назад // Про пипс. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 71–83.
26. *Худoley К. М.* Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 463–473.
27. *Павлушкин А. В., Постников А. Е.* Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.

28. Липчанская М. А., Заметина Т. В. Перспективы внедрения цифровых технологий в избирательный процесс России // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 11–14.
29. Алексеев Р. А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологии BIG DATA и блокчейн // Журнал политических исследований. 2019. № 3 (1). С. 40–52.
30. Чижов Д. В. Векторы развития электронной электоральной демократии // Информационное общество. 2019. № 3. С. 11–22.
31. Шабунова А. А., Гужавина Т. А., Кожина Т. П. Доверие и общественное развитие России // Проблемы развития территории. 2015. № 2. С. 7–19.
32. Шабунова А. А., Груздева М. А., Калачикова О. Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4. С. 1–14. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
33. Саликов М. С. Об установлении и устранении барьеров в российском избирательном процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 49–56.

Информация об авторах

Ю. В. Уханова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения; 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; ukhanova4@rambler.ru; 0000-0001-7307-95201

Е. О. Смолева — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения; 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; riolenas@rambler.ru[✉]; 0000-0002-6452-14412

Information about the authors

Yu. V. Ukhanova — PhD in History, Senior Researcher of the Population's Standard of Living Research Department; 56A Gorkiy Str., Vologda 160014, Russia; ukhanova4@rambler.ru; 0000-0001-7307-95201

E. O. Smoleva — Researcher of the Population's Standard of Living Research Department; 56A Gorkiy Str., Vologda 160014, Russia; riolenas@rambler.ru[✉]; 0000-0002-6452-14412

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-56-62

Наркомания как негативная социальная девиация

Дмитрий Владимирович Аведиков

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены причины и условия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также меры профилактики преступлений данной категории.

Ключевые слова: наркотические средства, девиация, причины, условия, детерминанты, зависимость

Для цитирования: Аведиков Д. В. Наркомания как негативная социальная девиация // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 56–62. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-56-62>

Original article

Drug addiction as a negative social deviation

Dmitriy V. Avedikov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the causes and conditions of crimes in the sphere of illegal drug trafficking, as well as measures to prevent crimes of this group.

Keywords: narcotic drugs, deviation, causes, conditions, determinants, dependence

For citation: Avedikov D. V. Drug addiction as a negative social deviation. *Sociology and Law*. 2021;13(4):56-62. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-56-62>

Проблема девиации и девиантного поведения является центральной в современном обществе. Под девиацией принято понимать социальное явление, при котором действия человека или группы лиц не соответствуют устоявшимся в данном обществе нормам, стереотипам, правилам поведения, ценностям. Трудно квалифицировать поведение как девиантное ввиду субъективных и условных границ нормативного поведения. Рамки социально одобряемых и социально осуждаемых действий весьма динамичны.

Первым теорию девиации в своих трудах отразил французский социолог Э. Дюркгейм, который считал, что нравственность всецело зависит от условий жизни общества в отдельно взятый период. С изменением этих условий меняются и нормы морали.

Важно отметить, что девиации носят двойственный характер: они могут быть как позитивными (способствующими прогрессивному развитию общества), так и негативными (способствующими дезорганизации общества).

Однако существуют девиации, признающиеся негативными в любом обществе. К их числу относится наркомания.

© Аведиков Д. В., 2021

Под термином «наркомания» в юриспруденции, медицине, социологии принято понимать заболевание, характеризующееся патологическим пристрастием к употреблению наркотических средств.

Согласно Всемирному докладу о наркотиках, на 2018 г. количество людей, употребляющих наркотики минимум один раз, составило 259 млн человек. Для сравнения, по аналогичным данным за 2013 г., количество людей, употребляющих наркотики, составляло 246 млн человек. Прослеживается явная негативная тенденция к увеличению числа наркозависимых людей.

Связь наркомании с преступностью может проявляться в нескольких аспектах.

Во-первых, ввиду длительного употребления наркотических средств у лица формируется зависимость, которая неизбежно приводит к деформации сознания и здоровья. Со временем утрачивается способность отдавать себе отчет в действиях, поведение становится абсолютно неконтролируемым. Деформируются имеющиеся социально-ценностные ориентации. Результатом становятся преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения. Иллюстрацией тому может стать смертельное ДТП с участием Михаила Ефремова. Согласно акту медицинского освидетельствования на состояние опьянения, в его организме были обнаружены каннабиноиды и кокаин. Помимо этого, Михаил Ефремов находился в состоянии алкогольного опьянения. Указанные факторы в совокупности привели к непоправимым последствиям — гибели человека.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает субквалифицированный состав преступления, сформулированный в ч. 2 ст. 264 УК РФ. Он связан с состоянием опьянения водителя в момент совершения преступления и с оставлением места совершения последнего. Находящимся в состоянии опьянения признается лицо, управляющее автомобилем, если был установлен факт употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ или других одурманивающих веществ. При этом лицо, действующее по неосторожности, причиняет другим участникам дорожного движения тяжкий вред здоровью.

Позитивным примером с точки зрения криминализации ответственности за управление транспортом в нетрезвом виде является п. 316 уголовного закона ФРГ. Санкция соответствующей нормы устанавливает лишение свободы сроком до года либо штраф в случае, если применительно к содеянному не предусматривается наказание, установленное п. 315с УК ФРГ. В отечественном законодательстве подобное деяние рассматривается в качестве административного правонарушения.

Лишением свободы сроком до пяти лет либо денежным штрафом, согласно п. 315с УК ФРГ, наказывается тот, кто осуществляет ведение средства транспорта, но не в состоянии его вести, поскольку употребил одурманивающее вещество, в том числе спиртное, или обладает недостатками физического либо психического характера [1, с. 23].

Помимо этого, последствиями немедицинского потребления наркотических средств могут стать имущественные преступления, совершенные наркопотребителями с целью приобретения «дозы» в дальнейшем.

Во-вторых, наркотическая зависимость — неотъемлемый спутник наркобизнеса. Участие же в коммерческом обороте наркотиков представляет собой серьезное преступление. При этом преступления данного вида отличаются высокой

степенью латентности, что осложняет ведение политики противодействия незаконному обороту наркотических средств.

Согласно статистическим данным ФКУ ГИАЦ МВД России, в 2019 г. подразделениями по контролю за оборотом наркотиков МВД России выявлено 75 060 преступлений, что на 10,3 % больше, чем в 2017 г. (67 273), из них предварительно расследовано 50 476, направлено в суд 49 097 [2, с. 4].

Чтобы обозначить пути решения проблем, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует выявить и изучить причины и условия, способствующие росту преступности данного вида. Наркомания и незаконный оборот наркотиков не становятся следствием какой-либо монопричины. Как правило, в истоке этих проблем лежит совокупность криминогенных факторов, имеющих объективный характер [3].

Одним из ключевых факторов можно назвать несовершенство законодательной базы, регламентирующей деятельность по противодействию незаконному обороту наркотических средств. Так, например, следует обратить внимание на постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, где указано, что к наркотическим средствам относятся не только наркотические средства в чистом виде, но и «все смеси, в состав которых входит хотя бы одно наркотическое средство или психотропное вещество, перечисленное в списке I, независимо от их содержания в смеси» [4]. Данное положение не влечет за собой эффективную борьбу с рассматриваемой группой преступлений, поскольку изъятая у потенциального преступника смесь может содержать лишь следовое количество. При этом изъятое вещество можно разбавлять в любых пропорциях — оно неизменно останется наркотическим средством. Безусловно, такое положение способствует увеличению числа уголовных дел, но относительно борьбы с незаконным оборотом наркотических средств создает лишь иллюзорную эффективность.

Следующий не менее значимый фактор — экономическая нестабильность в государстве и, как следствие, рост безработицы, большая поляризация населения по уровню благосостояния. Противоречия между возрастающими потребностями и имеющимися возможностями предопределяют желание граждан удовлетворить свои имущественные потребности антиобщественным путем.

Еще одним важным фактором является отсутствие социально-восстановительных мер для осужденных. Было бы целесообразно развивать элементы лечения и реабилитации. В этом ключе следует обеспечить систему лечебных и воспитательных мероприятий как в местах лишения свободы, так и после освобождения, принимая во внимание особенности личности наркомана. В результате воспитательно-профилактических работ у индивида должна сформироваться способность критически оценивать собственное поведение и действия окружающих.

Культурологический фактор сегодня не менее значим. Активная пропаганда наркотиков в СМИ и отсутствие разъяснительной программы по антинаркотической деятельности среди молодежи также оказывают значительное влияние на количество совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Большую роль играет и механизм социально-психологического заражения и подражания. Нередко трагическая цепь событий начинается с невинного любопытства, стремления попробовать то, что пробуют другие [5, с. 5].

Стоит учитывать и миграционный фактор. Миграционные потоки достигли масштабов, не позволяющих правительствам разных государств игнорировать данный факт и не замечать изменений в обществе.

Как мы можем наблюдать из современной истории, преступность в сфере незаконного оборота наркотиков, субъектами которой становятся иностранные гражд-

дане, проникает во все государства, тем самым доказывая, что границы государств не могут остановить неконтролируемую миграцию и потоки беженцев [6, с. 60].

К группе психологических факторов следует отнести неустойчивые психические состояния, чувство беспокойства, тревожность, депрессии и склонность к ним. Пытаясь сбежать от проблем внутреннего мира, человек становится зависимым от наркотических средств, поскольку временно возникает состояние эйфории и отвлечение от реального мира с его проблемами.

Семейно-педагогические факторы. Становление лица на путь девиантного поведения, как правило, начинается с подросткового возраста. Именно в это время роль семьи и школы является особенно важной. Нравственные ценности, умение критически оценивать ситуацию и думать о последствиях являются базовыми ориентирами в жизни любого человека, формирующегося благодаря совместным усилиям как родителей, так и школы. Эти люди становятся примерами для подражания. Их толерантность к девиантному поведению неизбежно влечет такую же девиантность со стороны формирующейся личности ребенка.

К числу основных проблем, характерных для профилактических мероприятий, направленных на противодействие распространению наркозависимости в молодежной среде, относятся следующие:

- участие в профилактике принимают большинство социальных служб, в том числе образовательные и медицинские учреждения, органы соцзащиты и полиция; однако предпринимаемые ими действия имеют разобщенный характер, ввиду чего нередко дублируют друг друга, снижая общий положительный эффект;
- налицо отсутствие структурированного подхода, мешающее качественному и систематическому проведению профилактических мероприятий; наблюдается подмена понятий, несоответствие выбранной тематики возрастной категории, для которой проводится занятие, недостаточность индивидуальных занятий, отсутствие грамотных методичек;
- использование устаревших наработок в рамках профилактических встреч не обеспечивает должного противодействия современным методикам, используемым для привлечения к употреблению наркотических препаратов;
- отсутствие механизмов, обеспечивающих эффективный контроль за основными источниками распространения информации о видах и способах употребления наркотиков — интернетом и мессенджерами — обуславливает невозможность качественной борьбы правоохранительных органов с пропагандой наркомании в данном сегменте;
- недостаточность финансового обеспечения комплексных мероприятий, направленных на профилактику наркомании, является существенным барьером для их полноценной реализации.

На основании рассмотренных факторов можно сделать следующий вывод: в основе незаконного оборота наркотических средств лежит комплекс причин и условий (детерминант). В их числе — социально-экономические, семейно-педагогические, психологические, правоприменительные, культурологические причины, каждая из которых оказывает непосредственное влияние на преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Таким образом, в рамках деятельности по противодействию незаконному обороту наркотических средств следует уделить внимание каждому из указанных аспектов в отдельности.

Одной из главных задач государства стала борьба с производством и распространением наркотиков и препаратов психотропного типа. В связи с этим была сформирована правовая база, уполномочившая органы внутренних дел предпри-

нимать меры по предупреждению, выявлению фактов, расследованию и пресечению любой деятельности, имеющей отношение к наркобизнесу. Сегодня данная деятельность реализуется в рамках нескольких направлений:

- установление и пресечение любых производственных источников и возможных транспортировочных каналов, используемых для нелегального распространения запрещенных препаратов;
- предотвращение, расследование и раскрытие преступных деяний с последующим привлечением к правовой уголовной или административной ответственности лиц, так или иначе сопряженных с нелегальной деятельностью, целью которых является распространение наркотиков и препаратов психотропного типа;
- оптимизация нормативно-правовой базы, закрепляющей регламент оборота наркотиков и препаратов психотропного типа;
- обнаружение и постановка на учет граждан, употребляющих запрещенные вещества без соответствующего медицинского предписания, в том числе применение в их адрес комплекса предусмотренных законодательством административных мер;
- контроль и содействие процессам, связанным с прохождением реабилитационных процедур и повторной адаптацией в обществе граждан, отбывших наказание за преступления в данной сфере;
- выявление фактов незаконной культивации и сбора растительных культур, в составе которых содержатся наркотические средства;
- установление и применение соответствующих законодательных мер в отношении граждан, склоняющих посторонних к незаконному употреблению наркотиков и препаратов психотропного типа;
- определение и ликвидация факторов, стимулирующих рост нелегального оборота запрещенных веществ;
- организация профилактических мероприятий, нацеленных на снижение общего числа граждан, страдающих от наркозависимости, в том числе предупреждающих появление новых жертв наркомании;
- обеспечение эффективной коммуникации между ответственными структурами и подразделениями органов внутренних дел, иными государственными и муниципальными структурами;
- контроль законности деятельности организаций и частных предпринимателей, вовлеченных в легальный оборот наркотических средств, препаратов психотропного типа и прекурсоров, используемых для их изготовления;
- выдача допусков и разрешительных документов, установленных правовыми положениями РФ, касающихся оборота наркотических средств, препаратов психотропного типа и прекурсоров, используемых для их изготовления.

Представляется необходимым одобрить установление уголовной ответственности в законодательстве ряда государств за управление средствами транспорта в состоянии опьянения (токсического, наркотического, алкогольного). Необходимо выделить следующее обстоятельство: наступление уголовной ответственности предусмотрено в связи с фактом управления средством транспорта лицом, находившимся в состоянии опьянения (при этом не является значимым, привлекалось ли ранее лицо к иным видам ответственности).

В качестве положительного примера следует привести п. 316 УК Федеративной Республики Германия, в котором регламентирована ответственность за управ-

ление транспортом в состоянии алкогольного опьянения (без предварительного привлечения к какому-то иному виду ответственности). Санкция последней нормы устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или денежный штраф. Мы полагаем, что данная норма головного закона выполняет важную профилактическую функцию.

Анализ судебной практики показывает, что большинство приговоров вынесено относительно наркопотребителей, занимающих в преступной иерархии низшие места. В этом ключе правоохранительным органам следует уделять большее внимание производителям наркотиков и их преступным группировкам, поскольку именно от этого зависит общая картина наркобизнеса в нашей стране.

Важно уделить внимание мерам реабилитации и лечения. Представляется целесообразным применять их относительно всех осужденных, не оставляя этот вопрос на усмотрение суда.

Стоит учитывать значительное влияние средств массовой информации на сознание граждан, поскольку использовать такое влияние можно и в положительном направлении. Так, посредством средств массовой информации следует информировать широкую общественность об опасных последствиях немедицинской связи с наркотическими средствами. Это позволит сформировать осознанный и рациональный подход к проблемам наркотической зависимости.

Сегодня наркомания — проблема транснационального масштаба. Комплекс указанных мер позволит сократить число совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Анализ проблемы наркомании с точки зрения социальных девиаций позволяет выстроить грамотную стратегию ее профилактики.

Список источников

1. *Зокина А. М.* Автотранспортные преступления. Зарубежный опыт правовой регламентации и пути совершенствования российского законодательства. М.: Юнити-Дана, 2021. 159 с.
2. *Кашкаров А. А., Доборез И. А.* Наркомания как детерминанта насильственных преступлений сексуального характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 119–123.
3. *Дульцев М. В., Бульбачева А. А., Котлязов А. В.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: организационные и правовые основы: учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 156 с.
4. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 (в посл. ред. постановления Правительства РФ от 29.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 41. Ст. 5624.
5. *Алиев Г. А., Борисов Д. М.* Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Вестник БелЮИ МВД России. 2010. № 1. С. 57–60.
6. *Далинин А. В., Аристов С. В.* О привлечении иностранных граждан и лиц без гражданства к ответственности // Социология и право. 2019. № 3. С. 59–69.

Информация об авторе

Д. В. Аведиков — адъютант, подполковник полиции; 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Information about the author

D. V. Avedikov — adjunct; police lieutenant colonel; 1 Letchika Pilyutova Str., St. Petersburg 198206, Russia

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 314.15(479.25)

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-63-72

Динамика социальных практик миграции в период пандемии на примере Республики Армения

Эдгар Мурадович Айрапетян

Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, Ереван,
Республика Армения

Аннотация. Речь идет о том, что исторически богатая история миграции армян в 2020–2021 гг. дополнилась и новыми социальными практиками (например, возвращение мигрантов на родину с учетом ограничений в связи с пандемией COVID-19 в первой половине 2020 г.), и новыми практиками оперативного принятия решения об эмиграции осенью и зимой 2020–2021 гг. В настоящей статье рассмотрена проблема влияния пандемии и выработки адаптационных стратегий: реактивных (вынужденных), активных (совершение выбора из имеющихся вариантов) и проактивных (планирование перспектив самореализации, карьерного и профессионального роста и развития). Указанные практики охарактеризованы на основе анализа статистических данных и собственного эмпирического исследования методом фокусированного интервью среди армянских семей.

Ключевые слова: миграция, социальные практики, адаптационные сценарии, стратегии, социальные институты, диаспора

Для цитирования: Айрапетян Э. М. Динамика социальных практик миграции в период пандемии на примере Республики Армения // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 63–72. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-63-72>

Original article

Dynamics of social practices of migration during the pandemic of the example of Republic of Armenia

Edgar M. Hayrapetyan

Ministry of Emergency Situations of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic
of Armenia

Abstract. Historically rich history of Armenian migration was supplemented in 2020-2021 by new social practices, including the return of migrants to their homeland during the restrictions in the first half of 2020, and new practices of quick decision-making on emigration in the fall and winter of 2020-2021. In this article, the impact of the pandemic and the development of adaptation strategies of reactive (forced), active (making a choice from the available options) and proactive (planning the prospects for self-realization, career and professional growth and development) types. These practices are considered based on the analysis of statistical data and on the basis of our own empirical research by the method of focused interviews among Armenian families.

Keywords: migration, social practices, adaptation scenarios, strategies, social institutions, diaspora

For citation: Hayrapetyan E. M. Dynamics of social practices of migration during the pandemic of the example of Republic of Armenia. *Sociology and Law. 2021;13(4):63-72.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-63-72>

Социологический анализ миграции направлен на изучение поведения групп граждан в условиях динамично развивающегося общества. Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией COVID-19, социальные движения, включая агрессивное поведение и вспышки насилия (*BLM* в США, еженедельные демонстрации противников социальной изоляции, локдаун и ковид-паспортов в Западной Европе, боевые действия в Нагорном Карабахе, захват талибами Афганистана и др.), резкое снижение уровня жизни при резком росте расходов предприятий и повышении цен (в условиях инфляции, вызванной ростом не платежеспособного спроса, а себестоимости) составляют факторы, которые привели к возникновению или усилению намерений мигрировать даже в группах, не планировавших до 2020–2021 гг. миграцию. Скорее, они рассматривали ее как один из возможных, но не желательных для конкретной семьи сценариев адаптивного поведения.

На примере Республики Армения в период последних полутора лет проследим, каким образом происходило формирование новых социальных практик миграции, в которых миграционное поведение в значительной мере утрачивает характер свободного выбора, а становится вынужденной реакцией на происходящие перемены. Итак, цель статьи состоит в выявлении эволюции социальных практик миграции в условиях кризиса.

Нами исследованы основные вынужденные миграционные социальные практики, отражающие реактивное поведение, и сценарии активного поиска решений, а также проактивные адаптационные стратегии (на примере поведения армянских сообществ и семейных групп). Показано изменение роли диаспоры в критических условиях, когда «мягкая сила» социокультурной общности способствует формированию социальных практик проактивного поведения среди уже успешно интегрированных в принимающем сообществе представителей исходного общества.

Для выявления адаптационных сценариев и социальных практик использована смешанная качественная (фокусированные интервью) и количественная (анализ статистических данных о миграционных потоках) методология исследования.

Теоретико-концептуальные основания в миграционных исследованиях для формирования реактивных и проактивных социальных практик включают в себя ряд подходов к изучению миграции, отраженных на рисунке 1.

Рис. 1. Схема основных научных подходов к изучению миграции

Перечисленные подходы ориентированы на изучение факторов миграции, определяющих индивидуальное и групповое принятие решения об отъезде из одной страны и о выборе другого общества как привлекательного направления. Факторы, описывающие условия в регионах, классифицируют на две основные группы (“pull — push”) [1]: выталкивающие (*push*) факторы вынуждают принять решение об отъезде и характеризуют территорию выбытия; притягивающие (*pull*) условия на территории прибытия определяют выбор направления миграции.

Наряду с территориальными характеристиками определенную роль в миграции играют и психологические факторы (например, молодой возраст как фактор сепарации от родителей), этнокультурные и религиозные условия (язык, религия, обычаи региона прибытия, сокращающие силу культурного шока [2]), социальные связи и сети контактов в регионах направления.

К числу притягивающих факторов (“pull”) относятся позитивные аспекты страны назначения, такие как высокий уровень оплаты труда, экономическое благосостояние, экологическое благополучие, социальная безопасность, свобода вероисповедания, наличие диаспоры и т. д. Для уравнивания этих факторов нередко применяются регуляторные меры (процедуры получения виз, стоимость переезда и проживания), что приводит к переоценке рациональности выбора [3]. Кроме того, часть факторов, притягивающих и привлекательных, могут получать, скорее, негативное оценочное суждение в разных социальных группах. Например, толерантность общества оценивается одними респондентами как притягивающий фактор, а другими — как сомнительный, заставляющий искать иные направления миграции. Исследователи отмечают «переход положительных факторов в отрицательные и наоборот» [4, с. 184].

К числу выталкивающих (“push”) относят негативные обстоятельства в стране отправления. Среди них — безработица, высокий уровень налогообложения, политическая нестабильность, военные конфликты, нарушение прав человека, отсутствие возможностей для профессиональной самореализации и карьерных перспектив и т. д. [5]. Вынужденная миграция приводит к выработке вынужденной адаптационной стратегии, которую У. Томас и Ф. Знанецкий в своей знаменитой работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» описывают как способ развивающейся адаптации человека к среде на основе «нервной системы» [6, р. 741]. Индивид вынужден в существенной мере изменить все аспекты регуляции своего поведения [7; 8; 9], принимая ценности и нормы общества, в котором он стремится интегрироваться, и выстраивая новые сети взаимоотношений.

Решения о миграции принимают не отдельные субъекты, а, как правило, семьи или домохозяйства [10]. При этом значение имеют не только максимизация дохода от миграции и привлекательная заработная плата на рынке труда принимающей страны, но и в целом комплекс «взаимодействий людей, мотивации и контекста» [11, р. 16], включая минимизацию риска для финансового благополучия домохозяйств и максимизацию профессиональных и карьерных перспектив для последующих поколений [12], поддержку оставшихся членов семьи путем «перевода на родину денег в форме регулярных или накопленных сумм» [13, р. 144]. Существенная часть миграции носит характер «обмена», при котором утрата социального статуса в исходном обществе обменивается на более привлекательное экономическое положение семьи путем интеграции одного члена или семьи целиком в принимающее общество. С течением времени семья рассчитывает вернуть социальную позицию в исходном обществе, не всегда возвращаясь в него, но нередко возвращая ресурсы, направляя часть доходов на поддержку культурных проектов на исходной территории, вкладывая свой труд и ресурсы в восстановление наследия, вплоть до благотворительных программ, и обретая тем самым новую форму уважения и признания в исходном обществе.

Историко-генетический анализ показывает влияние процессов миграции на актуальные процессы формирования миграционных потоков. Существенную роль в выборе миграционного поведения играет влияние диаспоры. Ее трактуют как «социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности» [14, с. 61], причем этническая принадлежность отчасти выступает предметом выбора по происхождению одного из родителей [15, с. 30; 16].

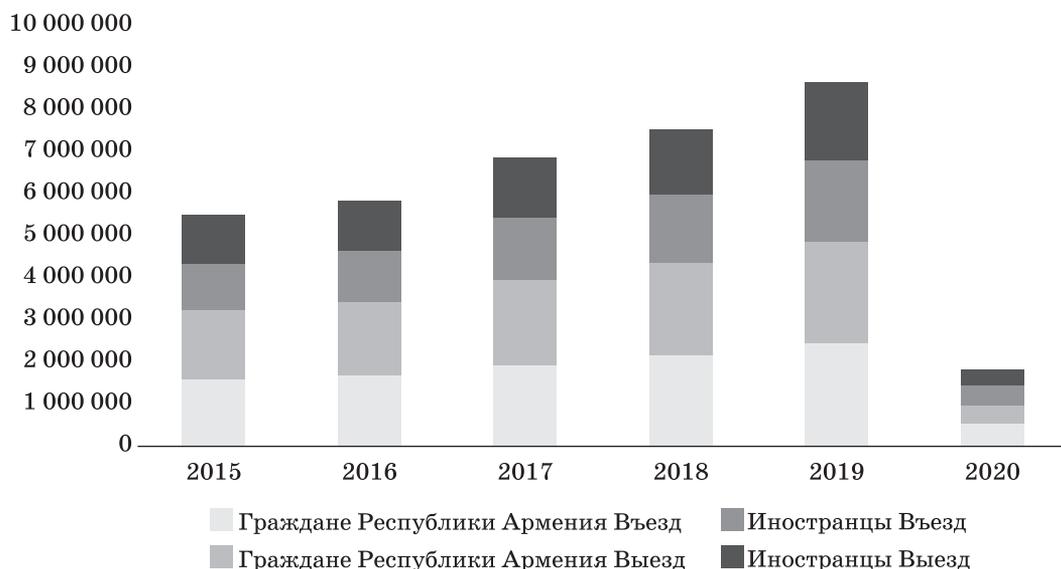
В частности, для армянского населения с учетом многовековой истории миграции армян в мире [17; 18] и социокультурных факторов близости социальной регуляции и ценностных ориентаций [19; 20] сформировались регионы и страны с высоким уровнем привлекательности ввиду ожидаемой от уже интегрированных соотечественников поддержки [20], как видно на рисунке 2.

Рис. 2. Численность армянских диаспор в странах мира и Западной Европы, чел. [20]

В условиях внезапно разразившейся пандемии, когда значительное число государств приняли решение о социальной изоляции внутри стран и переходе на дистанционный режим деятельности [21; 22], о закрытии границ [23; 24; 25] и выдворении временных мигрантов, Армения столкнулась с тем, что 33 % ее населения проживают за границей [26]. В результате сформировались по меньшей мере три основных адаптационных стратегии мигрантов. При этом выбор нередко совершали не мигранты. Последние оказывались в ситуации, когда государственные и общественные структуры принимающего общества не оставляли им выбора: 1) возвращение домой и поиск интеграции, источников дохода на родине; 2) невозможность выехать с потерей дохода (официального и нередко неофициального) в стране пребывания; 3) возрастание значимости связей диаспоры, которая приобретает важную институциональную роль в принятии решений, например, по распределению государственной и локальной помощи в рамках антиковидных мер в принимающих общества. При этом мигранты, ранее рассматривавшие диаспору прежде всего как сеть взаимоотношений для получения информации, начали обращаться к диаспоре как к социальному институту и включаться в более активные взаимодействия.

Так, первую стратегию иллюстрируют статистические данные о пересечении границы Армении в 2015–2020 гг., как показано на рисунках 3 и 4.

Источник: составлено автором на базе данных миграционной службы Министерства территориального управления и инфраструктур Республики Армения. URL: http://migration.am/content/pdf/sahman_2020.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Рис. 3. Динамика годового числа пересечений границы по гражданству в 2015–2020 гг., чел.

Как видно на рис. 3, общее число пересечений границы Республики Армения резко сократилось (в 4,8 раз) с 8,63 млн в 2019 г. до 1,81 млн в 2020 г. Сальдо динамики пересечений границ демонстрирует отчетливую тенденцию выезда иностранцев за пределы Республики Армения и въезда ее граждан на родину, что отражено на рисунке 4.

Источник: составлено автором на базе данных миграционной службы Министерства территориального управления и инфраструктур Республики Армения. URL: http://migration.am/content/pdf/sahman_2020.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Рис. 4. Сальдо динамики годового числа пересечений границы по гражданству в 2015–2020 гг., чел.

Сальдо динамики годового числа въезжающих в Армению граждан, возвращающихся на родину в 2020 г., показало, что пандемия и принимаемые государствами меры социальной изоляции обратили «вспять» миграционные потоки. Устойчивый тренд эмиграции армян сменился возвратом, плавное наращивание приезда и отъезда иностранцев (с легким превышением въезда) сменилось массовым выездом иностранных граждан из Республики Армения.

На основе статистических данных можно задать ряд вопросов. Каковы, в частности, социальные практики миграционного поведения сегодня, в период приспособления к новым условиям пандемии? Ответить на этот вопрос и ряд сопутствующих позволило проведенное эмпирическое исследование, включавшее в себя 17 фокусированных интервью с участием представителей армянского общества разных слоев (средне- и низкообеспеченных семей), с разным уровнем образования (в семьях, где взрослые члены имеют высшее образование и ученые степени, и в семьях с преимущественно средним образованием), проживающих в сельских и городских поселениях.

В итоге выявлены следующие ключевые стратегии, которые можно сгруппировать по их проактивности.

1. Возврат на родину в расширенную семью, поиск работы в сельскохозяйственном секторе или иных видах деятельности реального сектора с большой долей ручного труда, обращение к семейным, родовым связям для обеспечения выживания. Эта группа стратегий наиболее типична для армян, которые в рамках трудовой эмиграции находили временное трудоустройство и направляли значительную часть заработка из-за рубежа в Армению. Однако в эту же группу можно включить и другой пример, не типичный для высококвалифицированных граждан. В частности, преподаватель российского университета ответил, что вернулся в Армению и создал пасеку. Он также выращивает фрукты и одновременно работает на полставки в одном из вузов Еревана, но заработной платы недостаточно для того, чтобы прокормить семью. Данная группа социальных практик отражает недостаточную социальную адаптированность и интеграцию в принимающем сообществе, стремление оптимизировать свой человеческий и социальный капитал на основе исходного общества.

2. Часть мигрантов остается за рубежом, поскольку резкое сокращение дохода в принимающем обществе все-таки не сводится к нулевому уровню и позволяет выжить при условии перехода от полностью официального, легального получения дохода к менее наблюдаемым (оказание бытовых услуг на уровне домохозяйств). Данная тенденция возможна лишь на основе четкого стратегического решения семьи остаться в принимающем обществе при условии высокого уровня встроенности в это общество и нередко при тесных связях с диаспорой. Приведем, например, фрагмент интервью: «Ехать нам сейчас домой в Армению нет смысла, там родственники и так едва перебиваются с нашей постоянной помощью. Конечно, сейчас мы уже не можем переводить им столько денег, сколько раньше. Но и вернуться — еще хуже. Тут нам хотя бы друзья-армяне то один приработок подкинули, то другой, муж ботинки чинит соседям, я няней стала подрабатывать, опять же, в одной армянской семье. А вернемся, там снова надо искать и работу, и жилье». Эта тенденция нередко характерна для семей, даже с низким уровнем дохода, но уже интегрированных и на уровне мигрантов, и их детей, которым удалось получить место в детском саду или школе. Женщины нередко работают в медицинской сфере, даже если не имеют специального образования (в регистратуре поликлиник, уборщицами и т. п.). Мужчины, как правило, занимаются ручным трудом, изредка профессиональным производством.

3. Часть граждан с профессиями, позволяющими уйти на удаленный режим работы, смогла вернуться на родину и сохранить свои рабочие места. Однако такая миграционная практика не характерна для международной миграции и обнаружена лишь внутри страны. Например, в одной из опрошенных семей сын работает дизайнером. В связи с сокращением заказов он переехал из Еревана в небольшой город к семье, где, благодаря инфраструктуре и доступу к интернету, смог установить свое оборудование и продолжает работать, выполняя заказы, поступающие через его компанию в онлайн-режиме. Описываемая стратегия редко встречается (упоминается только в одном из 17 интервью). Тем не менее ее целесообразно указать как вариант внутренней миграции без переезда, когда происходит «утечка мозгов» и труда (человеческого капитала) без физического перемещения человека.

4. Высококвалифицированные сотрудники, хорошо интегрированные в принимающем социально-профессиональном сообществе, остаются на местах работы. Более того, они активнее вовлекаются в вопросы организации связей между приехавшими мигрантами, решившими остаться за пределами Армении. Как правило, такие родственники не только оказывают финансовую помощь оставшимся в Армении членам расширенной семьи, но и существенную организационную, информационную и даже административную поддержку (например, прописывают на своей жилой площади, помогают с регистрацией разнообразных документов) членам диаспоры, которые остаются в принимающем обществе. Так, в одной из семей в интервью с большим уважением представлена история родственника, который благополучно обустроился в Италии и готов был принять молодого племянника из Армении, чтобы помочь ему поступить в магистратуру в итальянский университет. Такая проактивная стратегия не исчезла и в период пандемии: молодые люди, как и в обычное время, стремятся реализовать свои возможности в рамках обучения [27; 28; 29; 30], что особенно характерно для самореализации в секторах высоких технологий и наукоемких производств, нуждающихся в интеллектуальной миграции как инструменте повышения качества человеческого капитала [31; 32; 33; 34; 35]. Именно социальные практики активной поддержки и включения в интеграцию других представителей своей страны в принимающем сообществе определяют институционализацию функционирования диаспоры как социальной системы.

5. Семьи с молодыми людьми, вопреки социальной изоляции и пандемии, отражают наиболее проактивную адаптационную стратегию, нацеленную на то, чтобы собрать все силы и обеспечить максимальные условия на старте для профессионального и карьерного роста молодых членов семьи. Данная стратегия нацелена на использование возможностей принимающего сообщества для самореализации в наиболее инновационных отраслях. Если молодым людям удастся эффективно интегрироваться, они в дальнейшем перейдут в категорию третьей стратегии и будут (как ожидают семьи) оказывать поддержку и остающимся на родине членам семьи, и соотечественникам (включая не родных людей), приезжающим в этот же регион. Приведем фрагмент интервью: «Мы очень надеемся, что сыну повезет после университета найти там работу и стать уважаемым человеком, как Арташес. Он в Ленинграде в больнице главным врачом работает, к нему все наши друзья обращались, и он никому не отказал. Если наш сын сможет тоже хорошую работу найти и стать достойным человеком, то о чем ещё нам мечтать? Мы для этого всё сделаем». Такая социальная практика семей типична для благополучного периода развития общества, но удивительным образом она сохранила актуальность и в период пандемии, социальной изоляции и чрезвычайных мер.

На основе проведенных интервью можно сделать вывод о том, что цифровизация общественных отношений не снизила роли личных контактов, построения доверительных отношений и поддержки социокультурной общности как для граждан, находящихся на фазах планирования, реализации миграции и поиска адаптационных инструментов, так и для мигрантов, уже интегрированных в принимающее сообщество — «уехавших, но не забытых» (*gone, but not forgotten*) [36]. Напротив, развитие телекоммуникаций и социальных сетей облегчает общение, удешевляет сбор информации и способствует расширению доверительных взаимосвязей, построенных на множестве отзывов из разных источников, позволяющих составить более целостное представление о том, что ждет мигранта в месте приезда [23]. Хотя цифровизация и позволяет расширять «внутреннюю» неявную миграцию, при которой человек продолжает жить в том регионе, где ему наиболее комфортно (с социальной, экологической, личностной и экономической точек зрения, то есть в окружении друзей и родных, в чистой и приятной глазу природной среде, при низких расходах на проживание), и одновременно работать на работодателя из другого региона или государства, тем не менее, благодаря расширению коммуникационных каналов, цифровая экономика приводит и к усилению осведомленности о стратегиях успеха.

Таким образом, хотя пандемия в целом привела к возникновению новых проблемных зон в регулировании миграции в мире, вместе с тем наблюдается и появление ряда социальных практик, которые не только дают возможность индивидам и домохозяйствам справляться с последствиями пандемии (безработицей, сокращением дохода и др.), но и продолжать формировать стратегии развития, самореализации и профессионального роста.

Список источников

1. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
2. Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960. Vol. 7. P. 177–182. DOI: 10.1177/009182966000700405
3. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // *Известия РГПУ: Общественные и гуманитарные науки*. 2007. № 12. С. 128–137.
4. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004. 285 с.
5. Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни: Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М.: Наука, 1975. 287 с.
6. Thomas W., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. New York: Dover Publications, 1958. 2250 p.
7. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения // *Психологические проблемы социальной регуляции поведения*. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
8. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. № 3. С. 100–110.
9. Strangio D., Pokrovskaia N. N., D'Ascenzo F. History, creativity and innovation of the 'Italia' network. The case of Russia // *Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018)*. Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
10. Stark O. *The migration of labor*. Cambridge: Basil Blackwell, 1991. 406 p.
11. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. *Worlds in motion. Understanding international migration at the end of the millennium*. Clarendon: Oxford University Press, 1998. 380 p.
12. Фэн В., Покровская Н. Н., Чуньчан Х. Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // *Человек и Труд*. 2007. № 8. С. 80–87.

13. *Massey D.* A Synthetic Theory of International Migration // *World in the Mirror of International Migration* / ed. by V. Iontsev. M.: MAX Press, 2002. P. 143–153.
14. *Дятлов В. И.* Армяне России: диаспоральные стратегии интеграции // 21-й век. 2007. № 2 (6). С. 60–70.
15. *Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б.* Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // *Социология и право.* 2020. № 2 (48). С. 27–37. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37
16. *Reis M.* Theorizing Diaspora: Prospectives on “Classical” and “Contemporary” Diaspora // *International Migration.* 2004. Vol. 42. No. 2. P. 41–60.
17. *Абрамян Л.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // *Диаспоры.* 2000. № 1-2. С. 52–76.
18. *Sheffer G.* Transnationalism and Ethnonational Diasporism // *Diaspora.* 2006. No. 15 (1). P. 121–145.
19. *Слободской А. Л., Покровская Н. Н.* Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры.* 2015. Т. 206. Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Ч. 1. VI Санкт-Петербургские социологические чтения: Междунар. науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2015. С. 158–169.
20. *Айрапетян Э. М.* Транснациональная миграция как условие возвратной (на примере армянской диаспоры в Вологодской области) // *Социальное пространство.* 2021. № 5. DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.7 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29138>
21. *Ababkova M. Y., D’Ascenzo F., Leontyeva V. L., Pokrovskaja N. N.* Regulation of digital behavior models for knowledge transfer: Organizational concerns of remote learning // *Education Sciences.* 2021. Vol. 11. No. 10. P. 592. DOI: 10.3390/educsci11100592
22. *Ababkova M. Y., Cappelli L., D’Ascenzo F., Leontyeva V. L., Pokrovskaja N. N.* Digital Communication Tools and Knowledge Creation Processes for Enriched Intellectual Outcome — Experience of Short-Term E-Learning Courses during Pandemic // *Future Internet.* 2021. Vol. 13. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.3390/fi13020043
23. *Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В.* Специфика цифровых социальных коммуникаций мигрантов и диаспоры (на примере глобального армянского сообщества) // *Социология и право.* 2021. № 1 (51). С. 33–46. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-33-46
24. *Вылкова Е. С., Голохвастов Д. В., Буров В. Ю. и др.* Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности: коллективная монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация вузов, 2020. 274 с.
25. *Буров В. Ю., Гришин С. Е., Демидова Е. И. и др.* Многогранность современной пандемической реальности: коллективная монография / под ред. Е. С. Вылковой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация вузов, 2021. 300 с.
26. COVID-19 crisis response in Eastern Partner countries // OECD. 2020. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/covid-19-crisis-response-in-easternpartner-countries_7759afa3-en (дата обращения: 02.11.2021).
27. *Левицкая А. Н., Покровская Н. Н.* Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2021. Т. 24. № 1. С. 105–137. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.1.5
28. *Margulyan Y., Pokrovskaja N.* Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // *GISAP: Economics, Jurisprudence and Management.* 2014. Vol. 5. P. 6–8.
29. *Gold S. J.* From Nationality to Peoplehood: Adaptation and Identity Formation in the Israeli Diaspora // *Diaspora.* 2004. Vol. 13. No. 2/3. P. 331–358.
30. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // *Регионология.* 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
31. *Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А.* Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // *Инновации.* 2015. № 7 (201). С. 56–59.
32. *Авакова Э. Б., Покровская Н. Н.* Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // *Роль интеллектуального капитала в экономической,*

- социальной и правовой культуре XXI в.: сборник науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. 419–426.
33. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Подходы к изучению российско-итальянской интеллектуальной миграции // Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сборник науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 27–35.
34. Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионоведение. 2020. № 1 (110). С. 133–158. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158
35. Pokrovskaiia N. N. Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry / ed. R. G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5
36. Chen Y.-W., Racine E., Collins N. Gone but not forgotten: the (re-) making of diaspora strategies // Asian Ethnicity. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 371–379. DOI: 10.1080/14631369.2013.878210

Информация об авторе

Э. М. Айрапетян — главный специалист; 0054, Ереван, Давиташен, 4-й квартал, ул. А. Микояна, д. 109/8; e-hayrapetyan91@mail.ru

Information about the author

E. M. Hayrapetyan — Chief Expert; 109/8 A. Mikoyan Str., 4th Block of Davitashen, 0054 Yerevan, Republic of Armenia; e-hayrapetyan91@mail.ru

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 347.626.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-73-78

Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации

Елена Владимировна Воскресенская^{1✉}, Николай Николаевич Жильский²,
Максим Владимирович Колмогоров³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам применения брачного договора лицами, вступающими или уже вступившими в брак. Определена актуальность заключения брачных договоров, отмечается положительная тенденция в их применении в России. Согласно авторской позиции, как правило, вопрос о разделе имущества является наиболее сложным, проблематичным и в теории, и на практике. В научных кругах продолжается дискуссия о правовой природе брачного договора. Специфика его заключения и сфера регулирования отношений однозначного ответа об отраслевой принадлежности данного правового института не дает. Установлен факт наличия множества пробелов в Семейном кодексе РФ ввиду отсутствия законодательного закрепления некоторых аспектов, относящихся к договорному режиму имущества супругов. Остается неурегулированным вопрос об условиях и порядке заключения брачного договора вступающими в брак несовершеннолетними гражданами. В статье авторы приходят к выводу о том, что брачный договор как правовое явление требует большего правового регулирования на законодательном уровне.

Ключевые слова: брачный договор, договорный режим имущества супругов, имущественные отношения супругов, семейное законодательство, гражданское законодательство

Для цитирования: Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Колмогоров М. В. Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 73–78. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-73-78>

Original article

Problems of legal regulation of a marriage agreement in the Russian Federation

Elena V. Voskresenskaya^{1✉}, Nikolay N. Zhil'skiy², Maksim V. Kolmogorov³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

Abstract. This article is devoted to the application of the marriage contract by persons entering or already married. The authors define the relevance of concluding marriage contracts

and emphasize the positive trend of their application in Russia. As a rule, the question of the division of property is the most difficult and problematic both in theory and in practice. In scientific circles, there is a discussion about the legal nature of the marriage contract. The specifics of its conclusion and the scope of regulation of relations do not give an unambiguous answer about the branch affiliation of this legal institution. There are also a large number of gaps in the Family Code of the Russian Federation due to the lack of legislative consolidation of some aspects related to the contractual regime of spouses' property. In addition, there is still an unresolved issue regarding the conditions and procedure for concluding a marriage contract by minor citizens entering into marriage. In the article, the authors come to the conclusion that the marriage contract as a legal phenomenon requires more legal regulation at the legislative level.

Keywords: marriage contract, the contractual regime of the spouses' property, property relations of spouses, family law, civil law

For citation: Voskresenskaya E. V., Zhil'skiy N. N., Kolmogorov M. V. Problems of legal regulation of a marriage agreement in the Russian Federation. *Sociology and Law*. 2021;13(4):73-78. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-73-78>

Имущественные отношения супругов, будучи неотъемлемой частью семейных правоотношений, играют определяющую роль в современном обществе. Как правило, решение суда о разделе общего имущества не может учесть интересы каждого супруга. Именно поэтому более совершенным вариантом представляется заключение брачного договора, поскольку он дает возможность не только разделить имущество, но и определить порядок его пользования и владения при расторжении брака [1, с. 148].

В настоящее время все больше граждан, вступающих в брак, прибегают к применению договорного режима имущества, что свидетельствует об актуальности института брачного договора в России. Стремительный рост случаев его необходимости вызван в первую очередь широким распространением предпринимательской деятельности среди граждан, вступающих или вступивших в брак, тенденцией к приобретению недвижимости и различных ценных бумаг, а также желанием полностью защитить свои права и себя от имущественных потерь после развода.

Несмотря на то, что начало функционирования данного института относится к дате принятия Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ), пользоваться таким широким распространением он стал не сразу. Существует несколько причин сложившейся ситуации. Так, среди наиболее распространенных — отсутствие традиций заключения брачных договоров, наличие стереотипов о целях их применения, правовая неграмотность населения и др. Особенно применение брачного договора распространено в США и странах Западной Европы. Более того, граждане этих стран вправе регулировать как имущественные, так и личные неимущественные отношения посредством применения договорного режима имущества супругов.

Статья 40 СК РФ устанавливает следующее определение: «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» [2]. Таким образом, заключение брачного договора влечет за собой применение договорного режима имущества супругов, который отличается от норм правового режима имущества супругов. Иными словами, законодатель предоставляет право гражданам, вступающим или уже вступившим в брак, выбрать режим имущества супругов и при заключении брачного договора самостоятельно определить свои имущественные права.

Анализируя правоприменительную практику в сфере применения брачного договора, можно отметить, что некоторые аспекты договорного режима имущества супругов, содержащиеся в российском семейном законодательстве, носят неоднозначный характер. Это приводит к различным проблемам и требует внесения изменений в законодательство. К тому же институт договорного имущества супругов, обладая сложной правовой природой, является дискуссионной темой среди различных ученых.

В качестве первой наиболее значимой проблемы выступает правовая природа брачного договора, поскольку многие спорят о том, к какому виду договоров его относить. Правовая природа, как правило, характеризует какое-либо правовое явление, отражая его сущность, содержание, отличительные черты и др.

Ряд авторов относят брачный договор к гражданско-правовым договорам. Пункт 2 ст. 43 СК РФ, содержащий аспекты, которые регулируются в первую очередь Гражданским кодексом (ГК) РФ, подтверждает целесообразность рассмотрения брачного договора в качестве гражданско-правового договора. Вторым аргументом может служить свобода договора, установленная ст. 421 ГК РФ, которая прослеживается и при заключении брачного договора [3].

Иными словами, его заключение является добровольным, и при отсутствии брачного договора применяется законный режим имущества супругов. Более того, ст. 4 СК РФ разрешается применение к семейным отношениям норм гражданского законодательства в связи с отсутствием соответствующих норм в семейном законодательстве. Так, М. В. Антокольская пишет: «Брачный договор должен рассматриваться в качестве отдельного вида гражданских договоров, объединяющего договоры, направленные на установление или изменение правового режима имущества» [4, с. 157].

Семейно-правовая природа брачного договора, в свою очередь, прослеживается в его субъектном составе, в его неразрывной связи с браком, в предмете соглашения и его особом содержании. Т. В. Шершень отмечает, что помимо вышперечисленных аспектов семейно-правовая природа брачного договора выражена в условиях, которые обязательно должны соответствовать всем нормам и принципам семейного законодательства, что содержится в п. 7 ст. 42 СК РФ [5, с. 19].

Более того, сторонниками мнения о принадлежности брачного договора к гражданско-правовым договорам не учитывается специфика цели брачного договора, которая проявляется, как правило, в желании супругов изменить установленный законом режим имущества. Так, цель заключения брачного договора свидетельствует о том, что данное соглашение между сторонами свойственно только семейным правоотношениям. К тому же п. 1 ст. 42 СК РФ указывает на возможность определения в брачном договоре прав и обязанностей супругов по взаимному содержанию, что не может являться предметом гражданского права.

Первая точка зрения, то есть отнесение брачного договора к гражданско-правовым договорам, получила большую поддержку среди ученых-цивилистов и юристов. Таким образом, заключение брачного договора подразумевает появление между участниками соглашения гражданско-правовых отношений. Неоднозначность вопроса, о чем говорилось выше, порождает и ряд других проблем. Например, при перераспределении имущественных прав супругов некоторые условия брачного договора зачастую схожи с условиями иных гражданско-правовых договоров, например, договора дарения.

Данный вопрос не раз возникал среди ученых, которые реагируют на него неоднозначно. Так, Е. А. Чеганова утверждает, что на брачный договор, как

правило, распространяются положения ГК РФ о возмездных и безвозмездных сделках [6, с. 116]. Л. Б. Максимович, в свою очередь, полагает, что к имущественным отношениям супругов в рамках брачного договора могут быть применены нормы о безвозмездных сделках, однако применение положений о возмездных договорах допустимо лишь в случае, если такая ситуация не влечет за собой появление возмездных имущественных отношений супругов [7, с. 12]. Другие авторы склоняются к иной позиции. Например, И. В. Самсонова считает, что о вопросе подмены брачного договора договором дарения речь не идет, поскольку целью брачного договора является самостоятельное определение своих имущественных прав между супругами, а цель договора дарения состоит в передаче некоторой собственности от одного лица другому [8].

Следующая проблема — пробел в законодательстве, выраженный в отсутствии законодательного закрепления цели заключения брачного договора в СК РФ. Стоит отметить, что указанная проблема не влечет как таковых существенных последствий, но такое изменение избавит людей от стереотипных мнений относительно применения брачного договора. Это в дальнейшем приведет к росту фактов заключения брачных договоров и, как следствие, к более цивилизованному решению имущественных споров между супругами.

Еще один камень преткновения среди мнений ученых — вопрос о заключении брачного договора лицами, не достигшими совершеннолетия, но имеющими право вступить в брак в соответствии с п. 2 ст. 13 СК РФ. Ряд ученых утверждают, что в таком случае брачный договор может быть заключен посредством привлечения законных представителей лиц, вступающих в брак. Однако остальные аргументируют невозможность заключения и, как следствие, применения брачного договора несовершеннолетними лицами тем, что, в отличие от остальных видов договоров, брачный договор неразрывно связан с личностью участников. Следовательно, такой договор не может быть заключен их законными представителями.

Согласно п. 1 ст. 41 СК РФ брачный договор может быть заключен до государственной регистрации заключения брака. Но указанным кодексом не определен срок, спустя который брак должен быть зарегистрирован. Так, отсутствие определенного промежутка времени между заключением брачного договора и государственной регистрацией заключения брака влечет нерасторопность супругов при заключении брака. Поэтому в данном случае брачный договор можно назвать «мертвой конструкцией», которая не имеет последствий. В связи с этим необходимо на законодательном уровне установить промежуток времени между заключением брачного договора и брака по аналогии с зарубежным законодательством.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что применение брачного договора до сих пор остается неоднозначной и вызывающей бурные дискуссии темой. Более того, несмотря на сравнительно длительный срок функционирования данного института, в России по-прежнему брачный договор воспринимается людьми неоднозначно. Часть людей считают, что лица, которые намерены заключить брачный договор, ищут в этом лишь собственную выгоду. Другие под брачным договором подразумевают исключительно защиту и гарантию имущественных прав супругов. При этом количество браков, в которые супруги вступают с брачным договором, стремительно растет, что свидетельствует об избавлении от стереотипного мышления людей в отношении этого вопроса.

Однако брачный договор как правовое явление требует большего правового регулирования на законодательном уровне. Правовой анализ исследуемого

института показал, что существует множество пробелов в семейном законодательстве, а также обнаружены различные противоречия в нормах Семейного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ. Семейное законодательство нуждается во внесении дополнительных определений и характеристик элементов, относящихся к договорному режиму имущества супругов. Более того, заимствование ряда норм и положений из зарубежного законодательства будет способствовать более эффективному функционированию института брачного договора и брака. Например, семейное законодательство РФ должно расширить свое регулирование и на сферу личных неимущественных отношений, чтобы интересы супругов и их жизни были также защищены. Это позволит догнать зарубежные страны и в действительности обезопасить все сферы жизни людей, вступающих в брак [9, с. 99].

Возможно, что изменения ряда положений семейного и гражданского законодательства лишь усугубят ситуацию ввиду противоречий в данных нормативно-правовых актах. В связи с этим считаем необходимым и целесообразным принятие дополнительного Федерального закона, который раскрыл бы в полной мере сущность, правовую природу и иные аспекты исследуемого договора.

Все данные изменения приведут к большей эффективности применения брачного договора и, как следствие, будут способствовать возникновению доверия со стороны общества. Институт брачного договора играет очень важную и первостепенную роль в обществе, во взаимоотношениях между людьми, а также в гражданском и семейном законодательстве. Иными словами, брачный договор выступает в роли простого, но очень гибкого инструмента, благодаря которому супружеские пары могут контролировать имущественные отношения супругов и избегать любые споры, связанные с имуществом.

Список источников

1. Колмогоров М. В., Ферхатов К. С. Раздел общего имущества супругов: основные условия и порядок // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сборник науч. тр. IV Национальной науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2020. С. 147–149.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 26 октября 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М.: Юристъ, 2002. 336 с.
5. Шершень Т. В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5. С. 15–20.
6. Чегранова Е. А. Имущественные отношения супругов: науч.-практ. пособие. М.: Эксмо, 2008. 270 с.
7. Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 179 с.
8. Самсонова И. В. Раздел имущества супругов: практическое пособие // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://goo.su/9bYB> (дата обращения: 08.11.2021).
9. Воскресенская Е. В., Рукавицын С. А. Осуществление Конституционным Судом Российской Федерации защиты прав и свобод человека // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 98–102.

Информация об авторах

Е. В. Воскресенская — доктор юридических наук, доцент, директор юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; elenvoskr@mail.ru✉

Н. Н. Жильский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; zhilskiy.n.n@lan.spbasu.ru

М. В. Колмогоров — старший специалист кафедры гражданского права и процесса юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; m.kolmogorov@spbasu.ru

Information about the authors

E. V. Voskresenskaya — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; elenvoskr@mail.ru✉

N. N. Zhil'skiy — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; zhilskiy.n.n@lan.spbasu.ru

M. V. Kolmogorov — Senior Specialist of the Department of Civil Law and Process at the Institute of Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; m.kolmogorov@spbasu.ru

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 343.34

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-79-84

Правоохранительная деятельность по противодействию экстремистской и террористической преступности

Сергей Дмитриевич Гринько

Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы о состоянии преступности экстремистской и террористической направленности и ее тенденциях. Проведен анализ правоприменительной деятельности правоохранительных органов в соответствующей сфере противодействия. Автором выявлены и охарактеризованы ее недостатки, а также предложены меры повышения эффективности борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Ключевые слова: взаимодействие, координация, профилактика, противодействие, меры борьбы

Для цитирования: Гринько С. Д. Правоохранительная деятельность по противодействию экстремистской и террористической преступности // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 79–84. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-79-84>

Original article

Law enforcement activities to counter extremist and terrorist crime

Sergey D. Grinko

Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the state of crime of extremist and terrorist nature and its trends. The law enforcement activities of law enforcement agencies is analyzed and its shortcomings are noted, measures to increase the effectiveness of the combating against extremism and terrorism are proposed.

Keywords: interaction, coordination, prevention, counteraction, control measures

For citation: Grinko S. D. Law enforcement activities to counter extremist and terrorist crime. *Sociology and Law. 2021;13(4):79-84.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-79-84>

Принимаемые в последнее время меры по противодействию терроризму и экстремизму к существенным изменениям в динамике и структуре этой категории преступлений не привели. Кроме того, неэффективным остается и предупреждение распространения экстремистской идеологии среди молодежи [1, с. 24].

Согласно статистическим данным, сохраняется тревожная тенденция увеличения количества регистрируемых преступлений террористической и экстремистской направленности. В 2013 г. число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности составило 716, а в 2018 г. — 1 173 [2, с. 419–420]. Этому способствует распространение запрещенной информации в социальных сетях. Радикальные организации продолжают размещать материалы в интернете,

используя социально-экономические проблемы развития России для пропаганды радикальных течений ислама.

Организации экстремистской и террористической направленности имеют сложившуюся систему управления и объединяют входящих в них участников общими радикальными и националистическими убеждениями, готовых для достижения своих целей совершить тяжкие и особо тяжкие преступления [3, с. 17]. В условиях экономической нестабильности такие преступления представляют собой повышенную опасность, приводят к еще большей дестабилизации общественной жизни. Их расследование привлекает внимание средств массовой информации (СМИ), поэтому должно осуществляться высококвалифицированными сотрудниками правоохранительных органов. Предварительное следствие по уголовным делам указанной категории является многоаспектным, требующим выполнения значительного объема следственных и процессуальных действий. По мнению М. М. Шамсутдинова, сложность и большой объем работы по уголовным делам связаны с необходимостью установления неочевидных обстоятельств совершаемых преступлений, которые в целях всестороннего, полного и объективного расследования могут быть поручены оперативно-следственным группам [4, с. 70].

Преступления экстремистской и террористической направленности совершают организованные преступные группы, а также незаконные вооруженные формирования, прошедшие соответствующую подготовку. При подготовке преступления они изучают объект посягательства и прилегающую к нему территорию; определяют способы совершения террористического акта, изготовления или приобретения взрывного устройства соответствующей мощности, место его изготовления и хранения; осуществляют вербовку исполнителей, приобретение или использование арендованного, угнанного транспортного средства для доставки взрывного устройства, а также похищение или подделку необходимых документов для соучастников преступления, согласование плана совершения преступления и т. д.

Совершение террористического акта может осуществляться как дистанционно, так и с помощью самоподрыва взрывного устройства или использования часового механизма, пояса шахида, автомобилей и т. д. Организаторами теракта могут быть ликвидированы исполнители и соучастники преступления либо осуществлена замена документов террористам, изменена их внешность и т. п. [5, с. 10].

По наиболее сложным многоаспектным общественно опасным деяниям предварительное следствие должно сопровождаться оперативно-розыскными мероприятиями. При этом качество расследования будет зависеть от взаимодействия органов предварительного следствия и оперативно-розыскных подразделений, согласованности их действий при производстве уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных действий, получении, проверке и закреплении доказательственной базы.

Субъекты взаимодействия, осуществляя только им присущие полномочия должны соблюдать режим секретности. Важным в ходе раскрытия преступной деятельности экстремистов и террористов является использование предоставленных полномочий комплексно, а не разрозненно [6, с. 299]. На основании уголовно-процессуального законодательства, в частности п. 4 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) следователь вправе привлекать орган дознания для оказания содействия производству следствия путем осуществления оперативно-розыскных мероприятий, следственных и процессуальных действий (задержания, привода, ареста и др.).

Для повышения эффективности взаимодействия следственных и оперативных подразделений по делам террористической и экстремистской направленности целесообразным представляется создание оперативно-следственных групп, поскольку в составе последних оперативные и следственные сотрудники имеют большие возможности для взаимодействия. Это способствует сокращению сроков расследования и оптимальности решения задач по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений указанной направленности и установлению виновных лиц, их совершивших. В целях эффективности деятельности правоохранительных органов необходимо включение в состав совместных групп оперативных сотрудников, которые проводили оперативно-розыскные мероприятия в отношении подозреваемых в совершении преступлений расследуемой категории уголовных дел, а также назначение кураторов от оперативных подразделений, ответственных за взаимодействие и координацию совместной деятельности, учитывая общественную опасность, тяжесть совершенных посягательств, их организацию и противодействие расследованию преступлений со стороны сообщников, необходимость сохранения тайны следствия.

Сосредоточение информации о ходе расследования должно находиться у следователя, руководителя оперативно-следственной группы, ответственного за расследование уголовного дела экстремистской и террористической направленности. Деятельность оперативных подразделений при этом играет одну из главных ролей. Эффективное осуществление оперативно-розыскной деятельности способствует высокому качеству расследования уголовных дел о терроризме и экстремизме, нейтрализации и преодолению противодействия следствию со стороны соучастников совершенных преступлений, требует совершенствования правовое обеспечение взаимодействия при расследовании.

Материалы производства предварительного следствия по делам об экстремистской и террористической направленности содержат допускаемые следователями нарушения при собирании, проверке и оценке доказательств содействия террористической деятельности, а также неполное установление фактов вербовки и финансирования террористов; необоснованные постановления о приостановлении производства по делу и прекращении уголовных дел при отсутствии исчерпывающих мер для установления виновных и обстоятельств совершенных ими преступлений и т. д.

Нарушения часто связаны с отсутствием в Уголовном кодексе (УК) РФ понятия вербовки. Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» рекомендовано данное понятие, но оно не содержит ограничительных признаков этого деяния от вовлечения и склонения к совершению террористических преступлений. В целях устранения данного пробела уголовного законодательства необходимо дополнить примечание к ст. 205.1 УК РФ понятием вербовки [7, с. 278–279].

Состояние противодействия экстремизму и терроризму в настоящее время остается на неудовлетворительном уровне, поскольку на российской территории продолжают выявлять незаконные вооруженные формирования, имеющие связи с террористическими организациями за рубежом. В 2018 г. выявлено 526 фактов участия в незаконных вооруженных формированиях и совершаемых ими террористических актах, установлено более 60 эпизодов обучения российских граждан в террористических центрах Ближнего Востока [2, с. 406].

В последние годы наблюдается переход от реагирования на совершенные теракты к их предупреждению и предотвращению [8, с. 62]. Это способствовало стабилизации террористической преступности. В 2013 г. по ст. 205 УК РФ

зарегистрировано 31 преступление, в 2018 г. — 31 преступление [2, с. 405]. Однако, несмотря на определенные успехи в борьбе с экстремизмом и терроризмом, состояние противодействия преступлениям данной категории остается тревожным. Так, в 2019 г. зарегистрировано 43 преступления по ст. 205 УК РФ, 370 — по фактам организации незаконных вооруженных формирований и участия в них, а также 489 преступлений экстремистской направленности [9, с. 274–327]. В 2020 г. по ст. 205 УК РФ зарегистрировано 50 преступлений, 656 фактов — по ст. 208 УК РФ, 650 — экстремистской направленности, что свидетельствует о тенденции роста числа таких совершенных общественно опасных деяний [10].

Новым криминальным явлением стало участие граждан России в террористической и экстремистской преступности за пределами РФ, что обусловило необходимость совершенствования антитеррористического законодательства. Это следует из докладов прокуроров субъектов РФ, отмечающих, что выезд российских граждан в Сирию и Ирак, независимо от их национальности и вероисповедания, с целью участия в незаконных вооруженных формированиях, происходит во многих субъектах РФ и соответствует общеевропейским тенденциям многих стран. После получения боевого опыта такие граждане возвращаются в места постоянного проживания и вливаются в состав российских террористических групп для организации и совершения террористических актов.

Прокурорские проверки исполнения уголовно-процессуального и уголовного законодательства по уголовным делам террористического и экстремистского характера свидетельствуют о массовых необоснованных квалификациях этих преступных деяний по статьям 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 282.1, 282.2 УК РФ. Это влечет заниженную квалификацию и, соответственно, привлечение обвиняемых в экстремистской и террористической деятельности к уголовной ответственности за менее тяжкие преступления, по которым сбор, проверка и оценка доказательств являются менее сложными.

В настоящее время отсутствует методическое обобщение следственной практики. Это влечет отсутствие единообразного подхода у следственных подразделений правоохранительных органов при квалификации деяний участников организованных преступных формирований. Положительным моментом было бы разъяснение Верховным судом РФ в постановлении Пленума о правильной квалификации преступлений экстремистского и террористического характера или внесение дополнения в постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Методические рекомендации по уголовно-правовой квалификации и отграничению преступлений экстремистского и террористического характера (205.4, 205.5, 208, 282.1, 282.2 УК РФ) от преступлений, предусмотренных статьями 209 и 210 УК РФ, сыграли бы важную роль, поскольку прокуратура устанавливает многочисленные нарушения оперативно-розыскной деятельности в ходе выявления и предупреждения преступлений террористической направленности. 75 % подобных нарушений допускают оперативные подразделения правоохранительных органов в Северо-Кавказском федеральном округе.

К наиболее распространенным нарушениям законодательства об оперативно-розыскной деятельности относятся отсутствие мероприятий по делам в течение продолжительного периода, непринятие исчерпывающих мер для решения задач оперативно-розыскной деятельности (статьи 2, 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), необоснованное прекращение дел оперативно-розыскной деятельности, неисполнение не в полном объеме или с превышением сроков поручений

следователей в порядке ст. 38 УПК РФ, ненадлежащий ведомственный контроль и прокурорский надзор. Выявление и пресечение пособнической базы террористических организаций в оперативно-розыскной деятельности органов МВД Северо-Кавказского федерального округа также находится на ненадлежащем уровне. На стадиях приготовления и покушения на совершение преступлений пресекается незначительное их число.

Просчеты в деятельности оперативных подразделений послужили благоприятными факторами для совершения преступлений террористического характера лицами, в отношении которых даже была в наличии оперативная информация об их участии в террористических организациях. Например, дела оперативного учета в отношении подозреваемых в террористической деятельности возбуждены в МВД Дагестана лишь после совершения ими 21 декабря 2013 г. террористического акта в г. Волгограде, после прокурорской проверки.

Работа следственных подразделений не направлена на установление, изъятие и наложения ареста на имущество и доходы, полученные преступным путем за совершение террористических актов, что является нарушением положений Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7, с. 283–284]. Управлением по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры России обобщена судебная практика по делам террористической направленности, согласно которой судами при рассмотрении уголовных дел данной категории ни разу не была применена конфискация имущества. Это свидетельствует о неэффективной работе следственных подразделений по установлению полученных вознаграждений террористами за совершенные преступления, а также источников финансирования террористической деятельности.

Таким образом, необходима разработка комплексных мер, направленных на повышение эффективности и координации совместной деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремистской и террористической деятельности. Главная роль в этом должна принадлежать органам прокуратуры, призванным обеспечивать надзор за законностью и координацию правоохранительной деятельности.

Список источников

1. *Сергеева Ю. В.* Роль органов внутренних дел в системе противодействия молодежному экстремизму // *Административное право и процесс.* 2014. № 1. С. 24–28.
2. Статистические данные о зарегистрированной преступности из формы 1-ЕГС за 2008, 2013, 2018 годы // *Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности* / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2019. 437 с.
3. *Хасанова Г. З.* Рассмотрение уголовных дел экстремистской направленности (на примере судов Республики Башкортостан) // *Российский судья.* 2014. № 1. С. 17–22.
4. *Шамсутдинов М. М.* Производство предварительного следствия следственной группой: процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 265 с.
5. *Марутин А. Г.* Расследование террористического акта: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 208 с.
6. *Борисов С. В.* Взаимодействие сотрудников правоохранительных органов при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности // *Преступность, уголовная политика, закон* / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 297–302.

7. Меркурьев В. В. Практика применения законодательства о борьбе с терроризмом и определяющие ее обстоятельства // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 276–285.
8. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Нофиков И. С. Профилактика экстремистских проявлений органами прокуратуры Республики Татарстан // Прокурор. 2014. № 4. С. 62–69.
9. Статистические данные о зарегистрированной преступности из формы 1-ЕГС за 2009, 2014, 2019 годы // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. М.: Университет прокуратуры РФ, 2020. С. 274–327.
10. Статистика преступности // Российская криминологическая ассоциация. URL: http://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 05.10.2021).

Информация об авторе

С. Д. Гринько — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики; 119454, Москва, ул. Лобачевского, д. 90; grinko-skags@yandex.ru

Information about the author

S. D. Grinko — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics; 90 Lobachevskogo Str., Moscow 119454, Russia; grinko-skags@yandex.ru

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Обзорная статья

УДК 346.5

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-85-91

Новые законодательные акценты в процедуре медиации и юридические принципы альтернативного урегулирования споров

Виктор Васильевич Бородин¹✉, Татьяна Геннадьевна Фурман²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

² Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье проанализированы последние редакции федеральных законов, внесших изменения в процедуру медиации. В частности, судей в отставке допустили к выполнению процедуры профессиональной медиации; предоставили возможность нотариально удостоверять медиативное соглашение, придав силу исполнительного документа; появилась процедура «судебного примирения». Обосновано утверждение о том, что медиация по своей сущности — это не «деятельность» профессиональных посредников, медиаторов, а «процедура», то есть структурированный процесс, который является технологией альтернативного урегулирования споров. Раскрыты юридические принципы процесса медиации: добровольность, конфиденциальность, нейтральность, беспристрастность и независимость медиатора, самостоятельное принятие решения сторонами, равенство сторон.

Ключевые слова: медиация, юридические принципы, структурированный процесс, альтернативное урегулирование споров, судебное примирение

Для цитирования: Бородин В. В., Фурман Т. Г. Новые законодательные акценты в процедуре медиации и юридические принципы альтернативного урегулирования споров // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 85–91. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-85-91>

Review article

New legislative accents in the mediation procedure and legal principles of alternative dispute resolution

Viktor V. Borodin¹✉, Tat'yana G. Furman²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes the latest versions of federal laws that made changes to the mediation procedure — allowed judges to resign to perform the procedure of professional mediation; provided an opportunity to notarize a mediation agreement, giving force to an enforcement document; the procedure of «judicial reconciliation» appeared. It is proved that mediation in its essence is not the «activity» of professional intermediaries, mediators, but a «procedure», namely, a structured process that is an alternative dispute resolution technology. The legal principles of the mediation process are disclosed: voluntariness, confidentiality, neutrality, passionlessness and independence of the mediator, independent decision-making by the parties, equality of the parties.

Keywords: mediation, legal principles, structured process, alternative dispute resolution, judicial reconciliation

For citation: Borodin V. V., Furman T. G. New legislative accents in the mediation procedure and legal principles of alternative dispute resolution. *Sociology and Law*. 2021;13(4): 85-91. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-85-91>

В настоящее время в Российской Федерации (РФ) процедура медиации существует и совершенствуется уже практически 20 лет. В 2019 г. приняты федеральные законы, которые внесли изменения в процедуру медиации. В соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменена сфера применения процедуры медиации при гражданских, административных и иных публичных правоотношениях [1]. Данной поправкой законодатель решил расширить область применения альтернативной процедуры по урегулированию споров с участием посредника. Сегодня к процедуре медиации могут обратиться стороны, дело которых находится в административном судопроизводстве.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ введено еще одно изменение: законодатель дал право конфликтующим сторонам, которые обратились к процедуре медиации, нотариально удостоверить медиативное соглашение, придав силу исполнительного документа [1]. Законодатель внес такую поправку, чтобы обеспечить гарантию исполнения медиативного соглашения, поскольку в ранее действующей редакции исполнение медиативного соглашения основывалось на принципах добровольности и добросовестности сторон.

Заключительным изменением в альтернативной процедуре урегулирования споров является то, что судьи, пребывающие в отставке, могут осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе. Данная позиция законодателя логична и аргументирована ввиду того, что в сфере медиации как важной процедуре, которая призвана разгрузить судебную систему, не хватает профессиональных медиаторов. Медиаторы, осуществляющие такую деятельность без лицензии, согласно законодательству, также обладают не меньшей правомочностью, чем лицензированные. Однако опыт участия в судебных делах имеет все-таки огромное значение [1].

Вместе с тем судьям, пребывающим в отставке, дали еще одно право продолжать свою профессиональную деятельность. Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 утвержден Регламент проведения судебного примирения — модернизированной примирительной процедуры, которая появилась в арбитражном и гражданском процессах, а также в административном судопроизводстве [2]. Суть новой примирительной процедуры заключается в том, что истец и ответчик разрешают спор с помощью судебного примирителя — судьи в отставке.

В качестве медиатора, к счастью, может выступать и адвокат, который имеет большой опыт в сфере юриспруденции и в своей деятельности основывается на принципах справедливости. Значительную роль в решении данного вопроса сыграла ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, в которой говорится, что адвокат вправе осуществлять деятельность по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, поскольку это не противоречит Федеральному закону об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ, и Кодексу профессиональной этики адвоката [3].

Независимо от профессии медиатора, к главным юридическим принципам процесса медиации относятся добровольность, конфиденциальность, нейтраль-

ность, беспристрастность и независимость медиатора, самостоятельное принятие решения сторонами (определенность), равенство сторон. Все эти принципы следует учитывать на протяжении всего процесса медиации.

Медиация не является процедурой, которая закрывает доступ к судебной системе. В случае недостижения сделки в процессе медиации стороны всегда могут обратиться в органы судебной власти. В связи с этим наиболее гарантированная особенность такого метода разрешения споров состоит в том, что он является добровольным. Стороны могут в любой момент прекратить процесс медиации. Они имеют полный контроль над процедурой, несмотря на то, что медиатор управляет процессом и помогает сторонам найти пути решения спора. Даже если стороны обязаны участвовать в медиации в соответствии с положениями контракта или по рекомендации суда, они самостоятельно контролируют степень своего участия и вправе в любой момент остановить процесс медиации, если он является неэффективным. Условие полной добровольности характеризуется как абсолютное, и этим процедура медиации отличается от судебного разбирательства [4, с. 276].

Инициирование процесса медиации, как правило, является добровольным и представляется возможным в следующих случаях: инициирование медиации по просьбе сторон; судья поощряет стороны прибегнуть к медиации. Он рассказывает о процедуре медиации, ее преимуществах и применимости к текущему конфликту. Принцип добровольности заключается в том, что обеим сторонам не придется нести бремя при прекращении медиации по требованию одной из сторон, поскольку важнейшим фактором добровольности служит то, что стороны могут прекратить медиацию в любое время. Иными словами, тот факт, что сторонам не удалось достичь договоренности в ходе медиации, не лишает их права и возможности обратиться в суд с иском к одному и тому же ответчику, с тем же предметом и по тем же основаниям.

Еще одна главная черта медиации — конфиденциальность. Публичность означает, что судебные процессы и слушания открыты для всех. В своем узком понимании конфиденциальность предполагает непубличность. По сравнению с решением суда одной из существенных и положительных особенностей медиации заключается в том, что этот процесс не является публичным. Тем самым стороны избегают проблем, которые могут возникнуть вследствие обнародования споров, и могут предотвратить разглашение коммерческой и личной тайны. Достижение сторонами соглашения по результатам медиации зависит от атмосферы доверия, четкого и удобного общения на протяжении процесса. То, что обсуждается, остается в тайне [5, с. 140].

Обсуждения и достигнутые соглашения могут быть переданы третьим лицам только по единодушному решению всех участников медиации. Сепаратные встречи медиатора со сторонами происходят на еще более глубоком уровне конфиденциальности. Информация, полученная медиатором во время сепаратной встречи с одной из сторон, может быть передана другой стороне только с согласия первой. Все это накладывает огромную ответственность на медиатора. Он должен выяснить у стороны, какая информация, полученная во время сепаратной встречи, может быть передана другой стороне, а какая информация не может быть ей передана; медиатор может взять инициативу в свои руки. Определив, какую информацию было бы целесообразно предоставить второй стороне, медиатор должен спросить сторону о том, можно ли передать эту информацию другой стороне. Необходимо помнить, что информация конфиденциальна. Информация, полученная при сепаратных встречах, может быть передана другой стороне лишь с согласия стороны, с которой происходила сепаратная встреча [6].

По окончании отдельных встреч медиатор проводит совместную сессию с обеими сторонами, в ходе которой подводит итог отдельных встреч и раскрывает результаты отдельных встреч, если получил на это согласие сторон. Перед раскрытием любой информации медиатору необходимо еще раз спросить сторону о том, можно ли раскрыть ту или иную информацию. Это обеспечит уверенность медиатора в том, что он не нарушает принципа конфиденциальности, и повысит доверие сторон к медиатору. Участники медиации характеризуют этот процесс как «защищенное помещение», поскольку «все, о чем говорят в комнате медиации, остается в этой комнате» [5, с. 139].

Следует обратить внимание на нейтральность, беспристрастность и независимость медиатора. Практически во всех определениях относительно медиации сделан акцент на том, что медиатор является «нейтральным, беспристрастным и независимым третьим лицом» [6, с. 276]. Это — один из значимых принципов, доминирующих в процессе и методе медиации. Медиатор, который не воспринимается как нейтральный, является посредником без силы и влияния. Более того, это может мешать сторонам находить решения, соответствующие их пониманию справедливости. Вместе с тем медиатор имеет личные мнения и предпочтения. Быть беспристрастным не означает не иметь личных мнений. Нейтралитет подразумевает, что посредник не включает собственные чувства, ценности и приоритеты в свою речь и поведение, не проявляет их внешне при выполнении долга.

Нейтралитет медиатора следует рассматривать в двух аспектах:

- 1) он всегда действует беспристрастно в отношении сторон спора. Посредник должен избегать поведения, которое будет отдавать предпочтение одной стороне перед другой, укреплять одну сторону и ослаблять другую. Медиатор должен относиться ко всем сторонам одинаково. Поскольку все имеют тенденцию к интеграции доминирующих ценностей и предположений в обществе, в котором они живут, медиаторы владеют информацией о том, какие ценности и предположения могут подорвать нейтралитет, если они сталкиваются с другим человеком. Эта информация даст посреднику возможность беспристрастно оценивать себя и ценности, которые он/она принимает. Люди имеют предрассудки в отношении некоторых ценностей, но иногда они могут не считать это предубеждением. С этой позиции, учитывая беспристрастность, следует принимать во внимание культурную среду и ценностные суждения посредника, то, как это может влиять на его поведение и решения;
- 2) медиатор является нейтральным с точки зрения споров, то есть он не имеет личного интереса к соглашению, которое предполагается достичь в результате посредничества. Посредник не должен иметь личных или деловых отношений со сторонами или иметь четкий финансовый или иной интерес относительно спора. Медиатор несет ответственность только за процесс медиации, он не отвечает за результат. Медиатор должен информировать стороны при наличии условий, которые могут вызвать сомнения в его беспристрастности. В случае сомнений относительно беспристрастности медиатора стороны могут прекратить медиацию. Если стороны одобряют продолжение медиации, посредник, имеющий сомнения в своей беспристрастности, должен самостоятельно прекратить медиацию [4, с. 276].

Основным преимуществом медиации является то, что именно стороны влияют на ход процесса и полностью контролируют принятие решения, в отличие от судебного процесса, где решение выносит судья. Стороны настолько заинтересо-

ваны в процессе медиации, насколько они этого хотят. Они не делегируют свои полномочия по разрешению спора посреднику. Медиатор не может судить, кто прав и кто несправедлив, не может принимать решения, а лишь помогает сторонам найти возможные пути решения спора. Он может напомнить сторонам об интересах спора или задать вопросы, которые раскроют интересы сторон.

Остановимся на вопросе о равенстве сторон. Истец и ответчик имеют равные права при проведении медиации. К принципу равенства также относится необходимость выполнения медиатором своих обязанностей с учетом уважения прав и свобод человека. При этом стороне медиации не предоставляют привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, местожительства, языковых и иных признаков.

В процессе решения споров наличие равных прав — это принцип, который выражается как принцип равенства оружия, требующий от сторон равных прав и возможностей. Никакого консенсуса или договоренности нельзя достичь, если одна из сторон исключается из медиации или ей предоставлено слово в меньшей степени. Последствия дисбаланса власти в медиации негативно влияют на результаты последней [7, с. 182].

Существует и значимый дискуссионный вопрос о том, несет ли ответственность посредник за то, чтобы соглашение, достигнутое в результате медиации, было справедливым в случаях, если между сторонами наблюдается дисбаланс власти. Цель медиации — помочь сторонам достичь договоренности, которая удовлетворит их интересы в равной степени и позволит выиграть обоим. Медиаторы должны определить, на каком этапе дисбаланс власти повлияет на процессы принятия решений сторонами, и принять необходимые меры для преодоления данной ситуации. Для этого существуют различные техники.

Опытный и компетентный посредник должен знать, как эффективно использовать эти методы. Медиатор прежде всего применяет нейтральный подход. Таким образом, стороны, особенно сильная сторона, не могут обвинить медиатора в предвзятости. Прежде чем начнется медиация, на этапе открытия/начала работы, медиатор должен установить основные правила: не перебивать друг друга, говорить по очереди, каждая сторона имеет равное количество времени для рассказа, каждая сторона заслуживает уважительного отношения. Баланс сил между сторонами должен распространяться и на использование внешних ресурсов [8, с. 17].

Итак, медиация — это метод досудебного разрешения споров с применением посредника (медиатора), который помогает сторонам конфликта наладить процесс коммуникации и проанализировать конфликтную ситуацию таким образом, чтобы стороны самостоятельно смогли выбрать тот вариант решения, который соответствует их интересам и удовлетворяет их потребности. В отличие от формализованного судебного или арбитражного процесса, во время медиации стороны достигают соглашения самостоятельно, то есть медиатор не принимает решения за них. Важно понимать, что медиация по своей сущности — это не деятельность профессиональных посредников, медиаторов, это — процедура, то есть структурированный процесс, являющийся технологией альтернативного урегулирования споров, в котором две или более стороны спора прибегают к помощи третьей нейтральной стороны.

Процесс медиации служит отражением справедливости в том контексте, что медиатор должен относиться к сторонам одинаково на протяжении процесса и проверять, имеют ли две стороны возможность четко выразить свои интересы и принимать необходимые меры для обеспечения этого. По окончании справедли-

вого и управляемого процесса стороны должны признать, что достигнутая договоренность — наиболее приемлемое решение для их собственных интересов.

Суть правовой модели медиации многоаспектна. В частности, понимание междисциплинарности медиации, ее места в системе права, структурных и системных элементов, которые должны содержаться в механизме правового регулирования, необходимо для четкости осмысления роли данной процедуры, что будет определять в дальнейшем направления ее развития и совершенствования.

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (дата обращения: 03.11.2021).
2. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения: 03.11.2021).
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 03.11.2021).
4. Рагулин А. В., Сенина Е. Н., Торопчина К. А. Соповещание, посвященное обсуждению законопроекта об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации (Москва, Российская академия адвокатуры и нотариата, 10 октября 2020 г.) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4. С. 275–280.
5. Приходько Т. И. Медиация и судебное примирение // Способы, модели и алгоритмы управления модернизационными процессами: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2021. С. 138–140.
6. Цукарев А. Е. Проблемы совершенствования медиации в России // E-Scio. 2021. № 1. С. 276–277.
7. Лазарева О. В. Возможности и пределы использования процедуры медиации // Развитие института медиации как инструмента повышения правовой культуры граждан: сборник материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 180–184.
8. Бородин В. В. Несудебные формы защиты прав и свобод человека и гражданина // Гражданский процесс: учеб.-метод. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт, 1994. С. 17–25.

Информация об авторах

В. В. Бородин — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; borodindis@mail.ru✉

Т. Г. Фурман — кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков; 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7

Information about the authors

V. V. Borodin — Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; borodindis@mail.ru✉

T. G. Furman — PhD in Culturology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages; 5/7 Dvinskaya Str., St. Petersburg 198035, Russia

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 614.84

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-92-100

Проблемы при расследовании пожаров автотранспортных средств

Наталья Юрьевна Борзунова^{1✉}, Олег Леонидович Узун²

¹ Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье большое внимание уделено причинам пожаров, возникающих в автотранспортных средствах. Согласно ежегодным статистическим данным, такие случаи в России уступают по количеству лишь пожарам в жилых домах и занимают второе место в списке пожаров по видам объектов. Расследование пожаров в автотранспортных средствах с учетом специфики объекта имеет сложный характер. В статье проанализированы причины таких возгораний. Исследованы некоторые производственные дефекты современных автомобилей. Рассмотрены особенности и направления расследования соответствующей категории уголовных дел.

Ключевые слова: автотранспортные средства, пожары в автотранспортных средствах, технические причины пожара, версии происхождения пожара в автотранспорте, расследование, производство экспертиз

Для цитирования: Борзунова Н. Ю., Узун О. Л. Проблемы при расследовании пожаров автотранспортных средств // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 92–100. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-92-100>

Original article

Problems in the investigation of fires of motor vehicles

Natalia Yurievna Borzunova^{1✉}, Oleg Leonidovich Uzun²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, St. Petersburg, Russia

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article pays great attention to the causes of fires that occur in motor vehicles. Statistical data indicate that fires that occurred in motor vehicles consistently occupy the second place in terms of quantity and material damage after fires that occurred in residential buildings. The investigation of fires related to the ignition of motor transport itself is quite complex. The article analyzes the causes of fires in motor vehicles. Some manufacturing defects of modern cars have been investigated. The statistics of fires in Russia are analyzed and presented. Certain features and directions of investigations of this category of criminal cases are considered.

Keywords: motor vehicles, fires in motor vehicles, technical causes of fire, versions of the origin of fire in motor vehicles, investigation, production of expertise

For citation: Borzunova N. Yu., Uzun O. L. Problems in the investigation of fires of motor vehicles. *Sociology and Law*. 2021;13(4):92-100. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-92-100>

Пожары во все времена и во всех странах приносили огромные убытки и приводили к человеческим жертвам. С появлением машин и механизмов, использующих двигатели внутреннего сгорания, возник и новый вид пожаров — пожары на транспортных средствах. В настоящее время автомобили занимают важное место в жизни современного общества, существенно влияя на развитие экономики и иных сфер деятельности. Они используются практически везде: в сельском хозяйстве, на производстве, в военном деле, спорте. Конструкторы постоянно работают над безопасностью транспортных средств. Однако автомобили являются и будут еще долгое время оставаться источником повышенной опасности для человека.

Анализируя данные с 2010 по 2020 г. о пожарах в России, их распределение по основным видам объектов, можно отметить, что за десять лет сохраняются практически без изменений значения или существуют несущественные отклонения (0,1–3 %) от среднего значения по годам. Ежегодно регистрируется наибольшее количество пожаров на объектах жилого сектора (в среднем около 70 %) и на транспортных средствах (в среднем около 13 %), как видно на рисунке 1. Из года в год повторяется ситуация, связанная с распределением пожаров в зависимости от причин их возникновения, где отклонение значений от средних показателей незначительное.

Рис. 1. Показатели среднего распределения пожаров на основных объектах в России в 2010–2020 гг., %

В 2020 г. в России на транспортных средствах произошло 17 063 пожара. При этом погибли 120 чел., а в 2019 г. — 108 чел., то есть в 2020 г., по сравнению с 2019 г., наблюдается увеличение на 11,1 %. В ряде субъектов Российской Федерации (РФ) темпы расширения автомобильного парка практически в два раза отстают от темпов роста численности пожаров на транспорте [1]. Дорожно-

транспортные происшествия, ненадлежащее обслуживание и эксплуатация транспортного средства могут послужить причиной возникновения пожара. К сожалению, число погибших в пожарах велико еще и потому, что многие граждане сегодня нарушают правила пожарной безопасности.

Для принятия процессуального решения — возбуждения уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела — перед экспертами судебно-экспертных учреждений Федеральной противопожарной службы (ФПС) МЧС России в рассматриваемых случаях ставят задачу определения места возникновения пожара (очага пожара) и его причин. Однако точное определение причин пожаров не только представляется важным для установления истины по делу, но и позволяет внести необходимые изменения в конструкцию транспортного средства, устранить производственные недостатки для повышения его безопасности и надежности.

Несмотря на современные научные исследования и технические решения в автомобилестроении, некоторые современные автомобили и даже целые партии конкретных моделей, выходя с конвейера, являются источником потенциальной чрезвычайной ситуации ввиду производственных дефектов и неверных конструктивных решений.

Подобные проблемы наблюдаются в случае *Toyota Supra*. Так, Национальное управление безопасностью дорожного движения США (*NHTSA*) объявило о срочном отзыве купе *Toyota Supra* и его близнеца — *BMW Z4*. У данных автомобилей выявили дефект бензобака, который может привести к возгоранию автотранспортного средства и полному выгоранию машины. Поскольку бензобак состоит из двух частей, сваренных между собой, недостатком этой модели стал шов между ними. Из-за его негерметичности в условиях эксплуатации может произойти утечка топлива. При высокой концентрации паров бензина в жидком состоянии вблизи источника искр или огня становится возможным возгорание автомобиля [2].

Еще одну проблему, связанную с топливной системой автомобиля, предлагаем рассмотреть на примере китайских моделей. Так, российский офис “Naval” объявил об отзыве 16 075 экземпляров “Naval F7” и “Naval F7x”, проданных в России с мая 2019 г. по январь 2021 г. Причиной отзыва стала имеющаяся деформация топливных трубок автомобиля, которая потенциально может привести к возгоранию из-за утечки топлива при вибрации и других условиях. Известно как минимум о нескольких случаях самовозгорания “Naval F7” и “Naval F7x”. В рамках отзывной кампании, стартовавшей 20 января 2021 г., “Хавейл Мотор Мануфэкчуринг Рус” произведет замену топливных трубок между насосом низкого давления и топливным фильтром. Первые сообщения о возгорании китайских кроссоверов *Haval* появились еще в декабре 2020 г. Несколько владельцев машин из Западной Сибири, где температура воздуха опускалась ниже 30 градусов по Цельсию, рассказали, что их автомобили сгорели [3]. Таким образом, граждане, которые приобрели новый автомобиль, сегодня не застрахованы от производственного брака. Последний может повлечь угрозу возгорания.

Основными некриминальными техническими причинами возникновения пожара на автотранспорте служат неисправность топливной системы и неисправное электрооборудование. Человеческий фактор является причиной ряда пожаров:

- вследствие ДТП;
- на автостоянках или при проведении ремонтных работ и при техническом обслуживании автомобилей;
- при установленном газобаллонном оборудовании на автомобилях, которые изначально должны были работать на жидком углеводородном топливе.

Расследуя пожар, на начальной стадии проверки по его факту, как правило, нельзя четко выделить его причину, следует последовательно отрабатывать все возможные версии. Так, например, сегодня бытует мнение о том, что в автомобилях импортного производства и новых автомобилях не может произойти пожар по причине, связанной с технической эксплуатацией транспортного средства. Следователи и дознаватели в этих случаях делают необоснованный вывод о поджоге, набирая материал однобоко, что приводит к следственным ошибкам. Тем не менее статистические данные демонстрируют превышение количества пожаров в импортных автомобилях над количеством пожаров в отечественном транспорте. Но это, скорее, связано с преобладанием импортного транспорта из-за его качества и других характеристик над отечественными автомобилями [4].

К основным причинам пожаров, связанных с технической эксплуатацией транспортного средства, можно отнести следующие:

1. Тепловые проявления аварийного электрического режима.
2. Тепловые проявления искр при механическом трении, ударе.
3. Воспламенение твердых горючих материалов от взаимодействия с отработанными газами и нагретыми деталями в двигательном отсеке.
4. Разгерметизация топливной системы автомобиля и воспламенение паров вылившегося топлива.

При разработке **первой версии** следователь, дознаватель рассматривает электросистему как комплекс неразрывно взаимосвязанных между собой электрических приборов и компонентов. В этот комплекс входят аккумуляторная батарея, генератор, стартер, система зажигания, система освещения и сигнализации, электропроводка и предохранители, контрольные приборы, дополнительное и штатное электрооборудование. Электрическая цепь выполнена однопроводной системой. Почти все электрооборудование транспорта имеет защиту от токов короткого замыкания (предохранители). Незащищенными остаются система зажигания, стартер, клеммные провода аккумулятора. Однако наличие на месте пожара проводников с оплавлениями еще не означает, что пожар возник из-за неисправности в электросистеме, поскольку оплавление проводников может возникать при коротком замыкании в условиях развития пожара, от термического воздействия пламени, в результате контакта двух химически активных металлов. Точно и правильно оценить характер оплавления и условия для короткого замыкания возможно только экспертным путем — при металлографическом исследовании, рентгеноструктурном анализе и т. д. [5].

Тем не менее нельзя исключить версию пожара из-за проблем с электрооборудованием при отсутствии следов аварийного электрического режима в зоне очага пожара. Например, при осмотре автомобиля “Opel” в г. Х в зоне очага пожара не обнаружено электрооборудование со следами электрических аварийных режимов. Вместе с тем при осмотре блока предохранителей транспортного средства и при дальнейшем исследовании установлено, что три предохранителя имеют расплавление легкоплавких элементов в результате возникшего аварийного режима в электрической цепи. Изучение условий возникновения горения, обнаружения пожара и следовой характеристики позволило однозначно считать, что пожар в данном автомобиле произошел по технической (эксплуатационной) причине. При дальнейшем исследовании технической документации на транспортное средство, полученной из сервисного центра, и исследовании автомобиля, не поврежденного пожаром, установлено, что в зоне установленного очага пожара находился электромагнит замка крышки люка бензобака, защита данной цепи производилась одним из предохранителей, который имел расплавление легкоплавкого элемента. В данном случае только комплекс всех признаков и исследо-

ваний позволил с точностью установить механизм образования очаговых признаков (причины пожара). Отрабатывая данную версию, следует тщательно и правильно осмотреть электрооборудование автомобиля, изъять необходимое, обратить внимание на события, предшествующие пожару [6]. Отражены такие события при этом могут быть в базе данных бортовых компьютеров, а при их отсутствии — в показаниях (объяснениях) очевидцев (владельца, водителя, пассажира и т. д.).

Разработка версии механического теплообразования (вследствие трения, удара) требует внимательного изучения и фиксации состояния тормозной системы (колодок, дисков) в протоколе осмотра места происшествия. Однозначным подтверждением этой версии может быть следующее: очаг пожара, термически и механически разрушенные тормозные колодки и диски колес, а также показания очевидцев, если они сходятся на одном и том же местоположении. Логично и обратное — нахождение автомобиля на парковке (стоянке) в момент пожара, даже с имеющимися механическими повреждениями колодок тормозной системы, не позволит однозначно указать причиной пожара механическое теплообразование, поскольку для образования искр отсутствует вращательный момент.

Следователь, дознаватель, отрабатывая эту версию, должен получить данные о временном интервале обнаружения признаков пожара при движении автомобиля, показателях скорости в момент обнаружения пожара, о температуре воздуха в момент пожара, об известных неисправностях автомобиля, проведенных ремонтах, осмотрах и конструктивных изменениях. Эти данные получают от собственника автомобиля, очевидцев, водителя, от метеослужб, станций техобслуживания и т. п.

Следователю, дознавателю, проводящему осмотр места происшествия на предмет установления причин воспламенения твердых горючих материалов от возможного соприкосновения их с нагретыми узлами выхлопной системы [7], необходимо проявить внимательность и тщательно изучить ситуацию, поскольку отдельные владельцы, эксплуатируя транспортное средство в холодные сезоны, используют различные укрывные материалы для двигателя. Водители знают, что это может быть опасно, в некоторых случаях даже не признаются, что использовали такие материалы. Однако в 90 % случаев после пожара негоревшие фрагменты укрывных материалов все же обнаруживают в двигательном отсеке и позволяют точно устанавливать причину пожара. Но следует помнить о том, что заводской термозумоизоляционный материал капота и щита передка (панели, разделяющей отсек двигателя и салон) можно принять за дополнительный укрывной материал. При наличии сомнений относительно происхождения обнаруженных остатков материала (ткани) в двигательном отсеке следователь, дознаватель должен осмотреть неповрежденный пожаром аналогичный автомобиль для проведения сравнительного анализа с изъятыми фрагментами материала с пожара.

Термозумоизоляционный материал современных автомобилей не способен воспламеняться от высоконагретых элементов выпускной системы двигателя. Но при обнаружении в двигательном отсеке фрагментов дополнительных укрывных материалов следует выяснить, каким способом и какими средствами производилось тушение пожара в автомобиле до прибытия пожарных (при тушении пожара может использоваться кошма).

При отработке этой версии следует уточнить у очевидцев пожара временные интервалы от момента движения автомобиля до момента обнаружения первых признаков пожара, точное время постановки на парковку относительно времени начала пожара, уточнить условия горения в момент обнаружения пожара. Время

постановки автомобиля на парковку относительно времени начала пожара при обработке данной версии играет важную роль, поскольку текстильные материалы в двигательном отсеке транспортного средства могут значительное время тлеть в условиях ограниченного доступа кислорода, причем признаки такого тления могут не проявляться внешне. Осматривая подкапотное пространство, следует детально зафиксировать место расположения выпускного коллектора, следы перекала кожуха выпускного коллектора (при невозможности фиксации кожух изымается) и другие следы на нем.

Воспламенение паров легковоспламеняющихся и горючих жидкостей вследствие разгерметизации или неисправности систем автомобиля — стандартная причина пожара автотранспортных средств, поскольку в них используются, помимо топлива, и иные легковоспламеняющиеся и горючие жидкости.

При обработке этой версии следует четко установить, какая из систем (топливная система, система охлаждения, тормозная система, система гидроусилителя руля и т. д.) находится в зоне установленного очага пожара. Эту информацию выясняют только путем осмотра аналогичного несгоревшего автомобиля. Узлы последнего при неполном их уничтожении пожаром могут иметь следы, указывающие на разгерметизацию топливной системы транспортного средства до момента воспламенения паров легковоспламеняющихся или горючих жидкостей. Показания очевидцев, водителей, собственников дадут при этом возможность охарактеризовать состояние автомобиля и его систем до пожара, установить динамику развития пожара (для воспламенения в начальной стадии пожара паров топлива и масел характерно пламенное горение с большой скоростью развития пожара, для воспламенения паров этиленгликоля, являющегося составным компонентом (до 90 %) охлаждающей жидкости, характерно значительное паровыделение до момента возникновения пожара). В любом случае данная версия уместна, если двигатель автомобиля работал, поскольку при его остановке детали системы выпуска отработанных газов быстро (в течение нескольких секунд) остывают до температуры, при которой воспламенение паров легковоспламеняющихся и горючих жидкостей уже невозможно.

Не связанными с эксплуатацией автомобиля причинами пожара могут быть:

- тлеющая сигарета;
- открытый пламя (близкий источник или поджог).

Тлеющая сигарета при попадании в условия, благоприятные для аккумуляции тепла (щели, трещины, углы), может вызвать горение материалов. Ее интенсивное самостоятельное горение при отсутствии тепловой изоляции составляет практически несколько секунд. Затем она покрывается слоем пепла, что резко снижает температуру до величины, при которой возгорание большинства материалов становится невозможным. Температура тлеющего табачного изделия составляет около 500°C. При данной температуре возможна инициация тления только способных к этому сухих материалов (хлопковых тканей, бумаги, древесных опилок и т. д.). Синтетические материалы, резинотехнические изделия при попадании на них тлеющего табачного изделия будут лишь оплавляться, а пламенное горение своего развития не получит. С учетом вышеуказанных особенностей следователю, дознавателю необходимо сопоставить место нахождения зоны установленного очага пожара с местом возможного загорания тлеющего табачного изделия (если очаг пожара находится в двигательном отсеке или на конструктивных элементах снаружи автомобиля, то данная причина не может считаться достоверной), способность воспламеняться от тлеющего табачного изделия материалов, находящихся в зоне очага (обивка некоторых сидений может быть выполнена из

материалов, не способных воспламеняться от тлеющего табачного изделия, то есть из искусственной кожи, некомбинированных полимерных материалов), временные интервалы с момента нахождения в автомобиле тех или иных лиц до момента обнаружения пожара, условия и динамику горения в момент обнаружения пожара [8].

Изложенные причины пожаров необходимо устанавливать с помощью грамотных и последовательных процессуальных действий, таких как осмотр места происшествия и производство специализированных экспертиз. Следует учитывать то, что и абсолютно новый автомобиль не застрахован от производственного брака, который может привести к пожару.

Часто применяемым и основным криминальным способом уничтожения, повреждения чужого имущества является поджог, то есть умышленное уничтожение имущества огнем, воздействием термических факторов. Поджоги совершают из чувства мести, зависти, в целях избавления от конкурентов, хулиганства и даже с целью получения выгоды. Одним из важнейших способов установления поджогов в автотранспортных средствах является проведение пожарно-технической экспертизы. Вторая по частоте из криминальных причин пожаров в автотранспорте — это уничтожение и повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенное путем неосторожного обращения с огнем. Причины указанных пожаров разнообразны: оставление опасных предметов в автомобиле, спичек, зажигалки, очков и даже бутылки с водой, которые в солнечную погоду могут сработать как линзы для розжига. Курящим, следует быть особенно внимательными не только на бензозаправках, но и при курении в автомобиле. Например, окурок, выброшенный из машины на ходу, может залететь в открытое заднее окно и вызвать пожар.

Поджог (источник открытого огня) в последнее время стал применяться особенно часто. Количество поджогов автотранспортных средств растет. При рассмотрении этой причины первоочередным действием является фиксация характерной для поджогов следовой картины. При поджоге автомобиля снаружи применяются легковоспламеняющиеся или горючие жидкости, которые при горении оставляют характерные следы подтеков. Горючие или легковоспламеняющиеся жидкости скапливаются в желобах водоотводов и других местах, где их дальнейшее испарение ограничено. Жидкость может стекать по наклонным поверхностям капота или крышки багажника (пятой двери) в район переднего или заднего бампера соответственно. Проникающая в грунт в данных местах жидкость может сохраняться в течение некоторого времени. Обнаруженные на территории, прилегающей к транспортному средству, емкости из-под легковоспламеняющихся или горючих жидкостей также дают повод для более подробного рассмотрения этой причины. Поджоги транспортных средств могут происходить и без применения легковоспламеняющихся и горючих жидкостей. Как правило, их совершают с целью сокрытия другого преступления (проникновения в транспортное средство, угон и т. п.). Очаговые признаки при этом могут находиться в салоне или багажном отсеке автомобиля, будут обнаружены следы проникновения или перемещения транспортного средства, следы частичной или полной разуконплектации транспортного средства.

В ряде случаев следователю, дознавателю нужно быть внимательным при осмотре автомобиля, поскольку злоумышленники могут располагать средства поджога в скрытых местах. Например, в одном случае В. С. Бутник и С. А. Кудряшов при поджогах автомобилей подкладывали под их переднюю часть кузова, преимущественно с левой стороны, заранее приготовленные легковоспламеняющиеся

предметы (памперсы, медицинские пеленки), а после этого заранее приготовленной горючей жидкостью обливали их и поджигали. В результате некачественного осмотра первоначальная версия поджога строилась на двух очагах пожара и впоследствии как ошибочная опровергнута судебной пожарно-технической экспертизой.

Таким образом, анализируя судебную и административную практику в аспекте причин пожаров на автотранспорте, среди типичных можно выделить:

1. дорожно-транспортные происшествия;
2. производственный брак;
3. нарушение правил эксплуатации (ремонта) и несоблюдение требований пожарной безопасности;
4. умышленные действия людей, совершаемые по различным мотивам (поджоги).

Чтобы правильно произвести предварительное расследование по факту пожара автомобиля, необходимо отработать каждую версию полно и объективно. Требуется внимательно провести осмотр и составить протокол, качественно описать прогары и оплавления, тщательно исследовать агрегаты и узлы под капотом и полно их описать. Ошибкой считаем то, что некоторые дознаватели не назначают экспертиз по пожару в автомобиле, а отвечают на вопросы самостоятельно, что представляется нецелесообразным и может повлечь за собой неверное процессуальное решение. Еще одна проблема — недостаточное финансирование сферы проведения экспертиз и, как следствие, отсутствие возможности установления точной причины пожара.

Проблемой при расследовании пожара может стать и выбор направления исследования его обстоятельств. Некачественная работа следователя, дознавателя или эксперта на данном этапе приводит нередко к отказу в возбуждении уголовного дела, незаконному прекращению его. Вследствие этого преступник может оказаться на свободе.

Список источников

1. Итоги деятельности МЧС России. 2020 г. // МЧС России. URL: <http://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/itogi-deyatelnosti-mchs-rossii/2020-god> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Руссов К. Автомобили, созданные Toyota и BMW, отзывают из-за риска возгорания // Российская газета. 2020. 23 ноября. URL: <https://rg.ru/2020/11/23/avtomobili-sozdannye-toyota-i-bmw-otzyvaiut-iz-za-riska-vozgoraniia.html> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Будрина Л. В России отзывают все проданные Haval F7 и F7x // Motor.ru. 2021. 20 января. URL: <https://motor.ru/news/haval-recall-20-01-2021.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
4. Моторин В. 10 автомобилей которые рано или поздно сгорят // Vvm-auto.ru. URL: <https://vvm-auto.ru/publikatsii/793-10-avtomobilej-kotorye-rano-ili-pozdno-sgoryat> (дата обращения: 20.09.2021).
5. Мегорский Б. В. Методика установления причин пожаров. М.: Стройиздат, 1966. 346 с.
6. Материалы предварительной проверки по факту пожара № 3456/2019 в автомобиле Опель от 12 июля 2019 г., произошедшего в г. Саратов // Архив уголовных дел и отказных материалов Управления надзорной деятельности и профилактической работы Главного Управления МЧС России по городу Саратов.
7. Чешко И. Д. Технические основы расследования пожаров: методическое пособие. М.: ВНИИПО, 2002. 330 с.
8. Попов И. А. Расследование преступлений, связанных с пожарами. М.: ИНФРА-М, 2001. 166 с.

Информация об авторах

Н. Ю. Борзунова — старший преподаватель кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз, подполковник внутренней службы; 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; ats75@inbox.ru✉

О. Л. Узун — кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы техносферной безопасности; 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; uzun_ol@spbstu.ru

Information about the authors

N. Yu. Borzunova — Senior Lecturer at the Department of Criminalistics and Engineering Expertise, Lieutenant Colonel of the Internal Service; 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russia; ats75@inbox.ru✉

O. L. Uzun — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Higher School of Technosphere Security; 29 Politechnicheskaya Str., St. Petersburg 195251, Russia; uzun_ol@spbstu.ru

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 13.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 504

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-101-108

Радиационное загрязнение как угроза экологической безопасности России

Эмма Алексеевна Шаряпова^{1✉}, Андрей Валерьевич Шуваев²,
Ирина Олеговна Жаворонкова³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье речь идет об актуальности проблемы обращения с радиоактивными отходами ввиду того, что задача повышения уровня защищенности организаций атомного энергопромышленного комплекса страны является одной из приоритетных в обеспечении государственной и общественной безопасности в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. По мнению авторов, рост радиоактивных отходов представляет собой опасность для здоровья человека и состояния окружающей среды. Государство нуждается в единой регламентации политики обращения с радиоактивными отходами и недопущения радиоактивных катастроф.

Ключевые слова: радиационная безопасность, атомное законодательство, радиоактивные отходы, ионизирующее излучение, радиационная гигиена, классы опасности радиоактивных отходов, международное ядерное право

Для цитирования: Шаряпова Э. А., Шуваев А. В., Жаворонкова И. О. Радиационное загрязнение как угроза экологической безопасности России // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-101-108>

Original article

Radiation pollution as a threat to the environmental security of the Russia

Emma A. Sharyapova^{1✉}, Andrey V. Shuvaev², Irina O. Zhavoronkova³

^{1, 2, 3} St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Abstract. The topic of the article is relevant — the problem of radioactive waste management, since the task of increasing the level of security of organizations of the country's nuclear power-industrial complexes is one of the priorities for ensuring state and public security in the National Security Strategy of the Russian Federation. The growth of radioactive waste is a hazard to human health and the environment. The state needs a unified regulation of the radioactive waste management policy and prevention of radioactive disasters.

Keywords: radiation safety, nuclear legislation, radioactive waste, ionizing radiation, radiation hygiene, radioactive waste hazard classes, international nuclear law

For citation: Sharyapova E. A., Shuvaev A. V., Zhavoronkova I. O. Radiation pollution as a threat to the environmental security of the Russia. *Sociology and Law. 2021;13(4): 101-108.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-101-108>

В 2021 г. исполняется 35 лет со дня аварии на Чернобыльской атомной станции, ликвидация последствий которой потребовала объединения усилий мирового сообщества в целом. Последствия аварии невероятно огромны: демографические потери, мутации, инвалидизация, остановка экономического роста государства. До сих пор Российская Федерация (РФ) и страны, граничащие с ней, на которых сказались неблагоприятные факторы, работают в направлении ликвидации последствий и предотвращения всех случаев атомной разгерметизации.

Чернобыльской аварии ранее предшествовала Кыштымская производственная авария, произошедшая 29 сентября 1957 г. на советском предприятии «Маяк» вблизи города Кыштым. Данная авария стала «первым сигналом» для несовершенств советской атомной энергетики, выявила пробелы в законодательстве соответствующей отрасли. Самовозгорание контейнера с высоким содержанием радиоактивных солей привело к многочисленным миграциям населения региона из деревень, к гибели скота.

XX век в мировом сообществе ознаменован крупной радиационной катастрофой в Гоянии (13 сентября 1987 г., Бразилия). XXI век принес Японии взрыв на атомной станции Фукусима. Вследствие радиоактивного пепла и действия продуктов горения совершено множество вбросов ядовитых веществ в атмосферу.

С вступлением в период постиндустриального общества, где значимость экологического фактора характеризуется как приоритетная и главной социальной ценностью является индивид, вопрос повышения уровня защиты населения от радиационного загрязнения должен занимать одно из ключевых направлений правового регулирования для обеспечения экологической безопасности РФ. Согласно ст. 71 Конституции России [1] ядерная энергетика находится в ведении РФ. Это служит подтверждением того, что данная сфера имеет большую значимость для государства и сосредоточена в ведении федеральных органов государственной власти. Легальное определение радиационной безопасности сводится к следующему. Радиационная безопасность — это состояние защищенности настоящего и будущего поколений от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения. Приоритетность совершенствования радиационной безопасности отражена в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Президентом РФ, в которой данное мероприятие указано в качестве одной из задач, направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности [2].

Однако в России принят специальный закон «Об использовании атомной энергии» [3], согласно которому ядерные материалы могут находиться в федеральной собственности или в собственности юридических лиц. Иными словами, вопросы ядерной и радиационной безопасности относятся к вопросам, строго контролируемым государством.

Главная цель государственной политики в ядерной области — постепенное снижение до социально приемлемого уровня риска техногенного воздействия на население и окружающую среду при использовании атомной энергии, а также разработка мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций и аварий на ядерно- и радиационно опасных объектах. Реализовать указанную цель возможно путем проведения мероприятий социального, организационного, правового, инженерно-технического, санитарно-медицинского характера. Этого можно достичь путем грамотного координирования действий сотрудников различных профессиональных областей, спектр которых, исходя из разнообразного количества характеров мероприятий, велик. Речь идет не только об инженерах атомной отрасли и операторах энергоблоков АЭС, но и о медицинских работниках, в частности врачах-радиологах, фельдшерах и медсестрах/медбратьях, ежедневно сталкивающимися

с источниками ионизирующего излучения. Ответственность возложена и на педагогические кадры в связи с тем, чтобы сформировать у подрастающего поколения осознания важности соблюдения ядерной и радиационной безопасности. Архитекторы и строители при создании и возведении атомных станций должны соблюдать регламенты о безопасности зданий. Отечественные ученые должны разрабатывать концепции безопасности радиационной среды.

Лишь в 1979 г. подписана Конвенция «О физической защите ядерного материала и ядерных установок» [4], ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР № 9236-Х от 4 мая 1983 г., вступившая в силу для СССР 8 февраля 1987 г. и утвердившая основополагающие принципы физической защиты ядерных материалов и ядерных установок. В 1994 г. Россия подписала Конвенцию о ядерной безопасности, созданную Международным агентством по атомной энергии, которая впоследствии утверждена постановлением Правительства РФ от 3 апреля 1996 г. № 377 «О принятии Конвенции о ядерной безопасности» [5]. Конвенцию принимали с целью улучшения ядерной безопасности в мире. Одним из решений комиссии было создание регулирующего органа, отвечающего за реализацию законодательной части в сфере обеспечения ядерной безопасности.

Произошедшая 26 апреля 1986 г. авария на Чернобыльской АЭС обнажила ряд проблем. Среди них — слабость и непроработанность отечественного законодательства, отсутствие строгого контроля за соблюдением правил безопасности на АЭС, низкий уровень знаний общества о поведении в условиях радиационной катастрофы. Чернобыльская авария стала толчком к принятию большого количества правовых актов, а также к появлению новой социальной категории граждан — ликвидаторов последствий радиационных аварий и пострадавших в радиационных авариях и катастрофах, называемых в обществе «чернобыльцами» и имеющих право на меры государственной поддержки, что нашло отражение в новом законодательстве. Нормы радиационной безопасности пересмотрены с внесением поправок в 1976, 1996 и 1999 гг.

В мире существует немало международных организаций (членом которых является Россия), разрабатывающих меры по борьбе с радиацией. К ним относятся следующие:

- 1) Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Среди основных направлений деятельности МАГАТЭ — научное содействие, выработка норм для охраны здоровья и труда;
- 2) Международная комиссия по радиологической защите (*ICRP*) разрабатывает и предлагает свои стандарты по защите от радиационного воздействия;
- 3) Международная комиссия по радиационным единицам и измерениям (*ICRU*) вырабатывает рекомендации по величинам и единицам, методам измерения и применения их в радиологии и радиобиологии, характеризует источники излучения;
- 4) Международная комиссия по радиологическому образованию разрабатывает стандарты образования в области радиологических дисциплин с целью координации радиологов мира;
- 5) Европейское сообщество по атомной энергии (Евроатом). К задачам, помимо фундаментальной, относится поддержка безопасности ядерных систем, создание общих расщепляющихся материалов, научные исследования и обмен кадрами в области атомной энергетики;
- 6) Всемирная ассоциация операторов атомных станций (ВАО АЭС) регулирует вопросы обмена опытом по эксплуатации атомных станций с целью повышения ее надежности.

Принятие Россией целого пласта правовых документов, регулирующих радиационную безопасность и участие в различных международных конференциях, соглашениях, организациях всемирного и регионального характера, говорит о том, что наше государство придает немалое значение этому вопросу. Однако сегодня, согласно данным Росгидромета по состоянию на апрель 2020 г., радиационная обстановка характеризуется попаданием в воду, почву и воздух радиоактивных веществ (среди них, например, — кобальт-60, стронций-90, америций-241, цезий-137, йод-131). Данные вещества способны вызвать заболевания у населения при попадании в организм ингредиентов из выращенной на зараженной радиоактивными остатками почвы, при мытье водой и вдыхании кислорода.

Далее нами приведена таблица 1, в которой отражено, что показатели уровня радиационного загрязнения в регионах подняты выше допустимой границы. Согласно нормам количество радиационных отходов не должно превышать 3 кв. км.

Таблица 1

Показатели уровня радиационного загрязнения в регионах РФ

Регион	Уровень радиационного загрязнения, тыс. кв. км
Уральский регион (Челябинская, Свердловская, Курганская области)	23, 5
Алтайский край	4, 5
Брянская область	11, 7
Калужская область	4, 8
Орловская область	8, 4
Тульская область	11, 5
Рязанская область	5, 4

В частности, на территории Уральского региона 23, 5 тыс. кв. км подверглись радиационному загрязнению (Челябинская, Свердловская, Курганская области). В Алтайском крае это произошло вследствие испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне в 1949–1962 гг. Брянская, Калужская, Орловская, Тульская, Рязанская, Пензенская области пострадали от катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В связи с неблагоприятной радиационной обстановкой принят ряд программ, которые представлены в таблице 2. Данные федеральные и региональные программы направлены на улучшение по следующим критериям: улучшение темпов производства продукции, повышение финансовых результатов деятельности, увеличение объема инвестиций, снижение уровня безработицы, высокий уровень реализации платных услуг для населения. Результативность программ реабилитации земель невысока. Наивысшие показания среди всех регионов сохранил только г. Кыштым.

Хранение радиоактивных отходов в России — также острая проблема. В 2011 г. в нашем государстве появилось специализированное предприятие, которое занимается захоронением радиоактивных отходов — «Национальный оператор по обращению с РАО» («НО РАО»). В масштабах страны эта организация является единственной. С учетом пиковых нагрузок одна программа справиться с захоронением большого количества радиоактивного материала не может, поскольку радиоактивные отходы — это не только результат работы АЭС, но и производ-

Федеральные и региональные программы в России

Регион	Программа
Уральский регион (Свердловская, Челябинская, Курганская области)	Федеральная целевая программа «Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2015 года» (утв. постановлением Правительства РФ от 29 июня 2011 г. № 523); Областная целевая программа «Преодоление последствий радиационных аварий на ПО «Маяк» на 2003–2005 годы»; Областная целевая программа «Преодоление последствий радиационных аварий на ПО «Маяк» на 2006–2010 годы»; Государственная программа «Обеспечение рационального и безопасного природопользования на территории Свердловской области до 2024 года»; Целевая программа Курганской области «Преодоление последствий радиационных аварий на производственном объединении «Маяк» на период до 2015 года в Курганской области»; Областная целевая программа «Преодоление последствий радиационных аварий на производственном объединении «Маяк» и обеспечение радиационной безопасности Челябинской области на 2011–2015 годы»
Брянская область	Долгосрочная целевая программа «Реабилитация населения и территории Брянской области, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, в 2007–2010 годах»
Калужская область	Программа «Практическое решение проблем, связанных с прошлой деятельностью» – проводилась в Физико-энергетическом институте имени А. И. Лейпунского и филиале ФГУП «Научно-исследовательский физико-химический институт имени Л. Я. Карпова»

ственные отходы фармацевтики, строительства. К сожалению, при захоронении не учитывается классификация радиоактивных отходов, и все отходы «хоронят» по одному способу, который восходит к советскому опыту укрытия в почвенном слое. Практически отсутствуют специализированные бункеры для низкоактивных отходов.

Систематизация радиоактивных отходов на современном этапе состоит из хранилищ, к которым относятся траншеи, бункеры, котлованы (заглубленные изолированные), водоемы-накопители, хвостохранилища (заглубленные открытые), а также отдельно стоящие здания и сооружения. В России функционируют десять АЭС, и каждая из них находится в различных климатических условиях, но хранилища построены без учета географического положения. В связи с этим такие хранилища представляют опасность для окружающих. Их модернизация является не самой рациональной идеей, поскольку может повлечь облучение персонала и оборудования, а также большие финансовые вложения.

В нашей стране отсутствуют единые технические требования, которые закрепляли бы физические характеристики к каждому виду хранилищ РАО. Необходима и разработка требований для повышения безопасности хранилищ, и внесение видов защитных барьеров в правовую регламентацию. В связи с отсутствием единых требований к хранилищам РАО возникают судебные споры. Так, 9 октября 2020 г. в Арбитражном суде Северо-Кавказского округа рассмотрена кассационная жалоба администрации г. Лермонтово к ОАО «Гидрометаллургический завод».

Завод просит отменить апелляционное постановление и оставить в силе решение суда. Заявитель указывает на правильность вывода суда первой инстанции о том, что эксплуатируемое заводом хвостохранилище не может считаться специализированным объектом для размещения отходов. Администрация города была обеспокоена негативным влиянием на окружающую среду последствий разработки урановых захоронений прошлых лет. Арбитражный суд удовлетворил жалобу, обязав завод выплатить в бюджет в соответствии с действующим законодательством определенные суммы вследствие негативного воздействия на окружающую среду [6].

Информационное сообщение между регионами по вопросам хранения радиоактивных отходов с учетом геологической формации региона в России отсутствует. Это создает затруднения при межрегиональном сотрудничестве в области ядерной и радиационной безопасности. Необходима разработка базы данных, в которой содержится информация о количестве РАО в субъектах РФ, о количестве единиц для хранения (контейнеров, бункеров, траншей). Для создания базы потребуется систематизация и обобщение данных, содержащее полное описание РАО, накопленных в регионах. Цифровизация данных о РАО будет наиболее эффективным способом их обобщения в период информатизации общества, будет способствовать быстрой выработке решений по определению дальнейшей судьбы РАО.

Вследствие обращения с радиоактивными отходами виновные лица несут гражданско-правовую, уголовную, административную, дисциплинарную ответственность. В Уголовном кодексе (УК) РФ [7] отсутствует статья, устанавливающая ответственность за радиационное загрязнение окружающей среды, где объектом преступного посягательства напрямую служила бы именно ядерная и радиационная безопасность. Ядерные материалы и радиационные вещества упоминаются, если речь идет о контрабанде радиоактивных веществ, радиационных источников и ядерных материалов (ст. 226.1 УК РФ); совершении акта терроризма с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). Необходимо ужесточить и ответственность операторов АЭС по ст. 293 «Халатность» УК РФ, ввести санкцию до десяти лет лишения свободы (в то время как максимальный срок лишения свободы по статье составляет до семи лет).

Вопрос заинтересованности в вопросе о совершенствовании мер ядерной и радиационной безопасности напрямую зависит от активности общества. Граждане и общественные объединения, согласно ст. 23 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» [8], имеют право на получение информации о деятельности с использованием ионизирующего излучения. Их сегодня в России немного. Наиболее известна Мурманская областная общественная организация «За радиационную безопасность, за безопасность питьевой воды и пищи». В контексте государственной политики целесообразно реализовать направление, которое стимулировало бы объединение граждан по данному вопросу. В качестве стимулирования следует ввести положение в Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности РФ, чтобы органы государственной власти каждого субъекта поддерживали членов общественных объединений по вопросам радиационной безопасности (формами поддержки могут быть объявление благодарностей, выдача денежных премий, введение бесплатного проезда и т. п.).

В образовательные стандарты основного и среднего образования считаем необходимым ввести раздел «Радиационная гигиена». Данные знания особенно необходимы школьникам, причем не только проживающим вблизи атомных электростанций, но и в остальных регионах. В рамках среднего профессиональ-

ного и высшего образования рациональным представляется введение дополнительных часов для преподавания таких дисциплин, как «Безопасность жизнедеятельности», «Охрана труда», а также часов, посвященных радиационной гигиене. Студентам юридических факультетов важно говорить о том, каким образом правовые нормы регулируют ядерную и радиационную безопасность, знать о международных организациях. Студентам строительных факультетов требуются знания об особенностях конструкций атомных электростанций как уникальных зданий и сооружений. Разработка учебных приложений на цифровых носителях будет удобным вариантом для получения знаний вне стен учебных заведений.

С учетом вышеизложенного уместно, полагаем, рекомендовать следующие разработки:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы, содержащей технические требования к хранилищам радиоактивных отходов всех классов опасности.
2. Создание единой базы данных о радиоактивных отходах в регионах РФ, содержащей сведения о количестве отходов и единицах для их хранения.
3. Внесение в УК РФ отдельной статьи, содержащей санкции ответственности за загрязнение ядерными материалами и радиоактивными отходами; ужесточение меры наказания по ст. 293 «Халатность» УК РФ.
4. Введение мер стимулирования членов общественных объединений в сфере ядерной и радиационной безопасности, отличающихся продуктивной деятельностью, при условии достижения ими результатов.

Итак, в эпоху глобальных угроз человеческой цивилизации очевидным становится и такой пробел в жизни общества, как неграмотность в области радиационной безопасности. Убеждены, что необходимо принять все возможные меры по устранению выявленного пробела.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: указ Президента РФ от 13 октября 2018 г. № 585 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71975716/> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Об использовании атомной энергии (с изм. и доп.): федер. закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8450/ (дата обращения: 12.11.2021).
4. Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок: ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР № 9236-X от 4 мая 1983 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1903048> (дата обращения: 12.11.2021).
5. О принятии Конвенции о ядерной безопасности: постановление Правительства РФ от 3 апреля 1996 г. № 377 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1622.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 октября 2020 г. по делу № А63-7933/2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=160258#skr4srS65WvzMTPq> (дата обращения: 12.11.2021).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. О радиационной безопасности населения: федер. закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

Информация об авторах

Э. А. Шаряпова — кандидат философских наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; sharyapova.emma@yandex.ru✉

А. В. Шуваев — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; av_shuvaev@inbox.ru

И. О. Жаворонкова — студент бакалавриата; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; irina.zhavoronkova30.04@gmail.com

Information about the authors

E. A. Sharyapova — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia; sharyapova.emma@yandex.ru✉

A. V. Shuvaev — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia; av_shuvaev@inbox.ru

I. O. Zhavoronkova — Undergraduate Student; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg 190005, Russia; irina.zhavoronkova30.04@gmail.com

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Обзорная статья

УДК 342.565.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-109-114

Правовые особенности реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации

Аркадий Владимирович Кузнецов

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Автором исследованы правовые нормы реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации (РФ). Представлен перечень основных положений Федерального конституционного закона (ФКЗ) о полномочиях судей в связи с внесением поправок в Конституцию РФ. Рассмотрены положения новой редакции ФКЗ о Конституционном Суде РФ. Проведен правовой анализ внесенных поправок в ФКЗ для юридической оценки с теоретической и практической сторон.

Ключевые слова: Конституция РФ, судебная система РФ, Конституционный Суд РФ, Федеральный конституционный закон, полномочия судей Конституционного Суда РФ

Для цитирования: Кузнецов А. В. Правовые особенности реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 109–114. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-109-114>

Review article

Legal features of the exercise of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation

Arkadiy V. Kuznetsov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

Abstract. The author studies the legal norms of the exercise of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation. The list of the main provisions of the Federal Law on the powers of judges and the court in connection with amendments to the Constitution of the Russian Federation is presented. The provisions of the new edition of the Federal Law on the Constitutional Court of the Russian Federation are considered. The legal analysis of the amendments made to the FKZ for legal evaluation from the theoretical and practical side is carried out.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, judicial system of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, Federal Constitutional Law, powers of judges of the Constitutional Court of the Russian Federation

For citation: Kuznetsov A. V. Legal features of the exercise of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Sociology and Law. 2021;13(4):109-114.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-109-114>

Деятельность Конституционного Суда (далее — КС) регламентируется Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ о КС), который

принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации в 1994 г. Стоит отметить, за время действия данного ФКЗ было в общей сложности 17 изменений закона, и последние изменения в законе вступили в силу 9 ноября 2020 г. Из 117 статей, содержащихся в прежней редакции ФКЗ о КС, изменились 83. Можно отметить примерно 70 % изменений от объема всего правового документа.

Согласно пояснительной записке, законопроект был подготовлен в связи с изменениями в ст. 125 Конституции РФ, декларирующей компетенции и реализации полномочий КС. Проблема данного исследования сводится к тому, чтобы проанализировать последние изменения ФЗ о КС и полномочия судей в современных реалиях и дать правовую оценку вступившим в силу изменениям в настоящий ФКЗ в связи с тем, что некоторые положения оказались дискуссионными в юридическом сообществе. Предлагается рассмотреть ряд изменений в Конституции РФ и дать юридическую оценку с теоретической и практической стороны.

Поправки в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» внесены для совершенствования судопроизводства и законодательства, направленные на укрепление роли КС РФ, в том числе как высшего судебного органа, осуществляющего конституционный контроль в государстве [1]. Как верно отметил председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству А. А. Клишас, последние поправки и сам законопроект расширяет полномочия судебного органа в контроле за обеспечением правопорядка, и для этого были закреплены определенные дополнительные гарантии независимости и беспристрастности. Одна из инициатив ФКЗ о КС заключается в том, что председатель и заместитель суда могут назначаться необязательно из действующих судей, а, например, по представлению президента [2].

В свою очередь, важность данных поправок к законопроекту конкретизировал председатель комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников. Они были приняты с целью способствовать обеспечению законных прав и интересов граждан, а также для прозрачности деятельности судебной системы и повышения качества реализации судопроизводства в целом во всей судебной системе. Один из важных моментов — судьи КС должны иметь только российское гражданство. Если у какого-либо судьи гипотетически обнаружится зарубежное гражданство, это послужит поводом для прекращения полномочий по общим основаниям [3].

Данные поправки 2020 г. были связаны с внутренними и внешними потребностями государства и общества в регулировании полномочий судей Конституционного Суда. Требовались точечные изменения в настоящий ФКЗ о КС, что и было реализовано на практике.

Основные изменения в новой редакции закона следующие:

- общее число судей сократилось с 19 до 11 человек;
- изменение в порядке прекращения полномочий судей (по запросу президента Совет Федерации решает данный вопрос);
- сформирована новая структура руководства (один заместитель председателя вместо двух);
- реорганизована компетенция Конституционного Суда (затруднение в подаче жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан, в то же время суд наделили новыми полномочиями, например по запросу главы государства проверять законопроекты).

Важно отметить, что для принятия решения конституционного судебного органа потребуется не менее шести судей, присутствующих в зале суда (более

50 % от всех судей). Иными словами, для принятия решения потребуются шесть судей в зале суда, включая председателя и заместителя.

Еще одна особенность: судьи Конституционного Суда, занимающие должность и осуществляющие полномочия на день вступления в силу поправок продолжают занимать вакантные места до прекращения по общим основаниям. Когда численность судей составит 11 человек, данная норма о численности судей начнет применяться в судопроизводстве Конституционного Суда [1].

Так, роль председателя Конституционного Суда в конституционном производстве усиливается. В настоящих поправках, согласно ст. 24 ч. 4 ФКЗ о КС, он осуществляет общее руководство аппаратом Конституционного Суда РФ, представляет на утверждение КС РФ кандидатуры руководителя аппарата и руководителя Секретариата Конституционного Суда РФ, Положение о Секретариате КС РФ. По нашему мнению, данное дополнение к полномочиям председателя является весьма важным и правильным с точки зрения организации судейского корпуса.

Отметим, что секретариат получил новую компетенцию по уведомлению гражданина о недопустимости его обращения в связи с тем, что не все внутригосударственные средства судебной защиты исчерпаны в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 40. В случае, если заявитель не будет возражать на уведомление, судьи будут освобождены от огромного объема судебных обращений и такие дела рассматриваться не будут.

После вступления в силу поправок у КС теперь нет официального издания — «Вестника Конституционного Суда Российской Федерации». В соответствии с ч. 1 ст. 83 определения суда могут не подлежать разъяснению, и данное обстоятельство будет снижать нагрузку на судей.

Одно из самых резонансных изменений в ФКЗ о КС — утрата судьями права на публичное особое мнение (ч. 4 ст. 76). Среди запретов для судей КС можно выделить запрет на критику в любой форме решения суда и публичная публикация своего несогласия с решением суда [4].

По нашему мнению, данное изменение является резонансным в юридическом сообществе и делится на две стороны. Одни юристы считают, что данные поправки «об особом мнении» смогут укрепить авторитет суда и его единство в принятии решений. Другие юристы убеждены, что изменения предполагают отступление от открытости суда и лишают судей свободы слова.

Если резюмировать обе стороны, то однозначный ответ толковать сложно. С этической стороны, скорее всего, данная поправка уместна, потому что «сор из избы» вряд ли будет выходить наружу и данный факт усилит такой институт власти, как Конституционный Суд.

С точки зрения практикующих юристов можно предположить, что деятельность суда станет менее доступной для профессионального юридического сообщества. Без особого мнения не получится оценить работу каждого судьи КС в частности. Данный факт может послужить недоверием определенного числа граждан при обращении в Конституционный Суд [5].

В общем, деятельность суда станет единым, централизованным механизмом для решения самых сложных правовых задач. Любое решение суда не станет подвергаться скепсису ввиду того, что особого мнения в публичной сфере больше не будет.

Для судей КС предусмотрена ответственность за нарушение запрета на особое мнение, и в том числе одно такое нарушение может привести к принудительному отстранению от судейских полномочий самим судом или Советом Федерации по

решению президента (п. 7 ч. 1, 3, 5 и 6 ст. 18 ФКЗ о КС). Появилась еще одна интересная статья, допускающая отстранение судьи от участия в рассмотрении дела по новому основанию при сомнении в объективности и беспристрастности судьи (п. 3 ч. 1 ст. 56). Так, если имеются какие-либо обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в объективности и беспристрастности судьи, согласно ФКЗ о КС, существуют основания для отстранения участия судьи в рассмотрении дела.

Изменения коснулись процедуры конституционного производства. По мнению юристов, с принятием данного изменения повышается риск непрозрачности процедуры и увеличения длительности разбирательства.

Предлагается привести три положения.

Во-первых, отмена процессуальных сроков для КС, в том числе трех месяцев на решение вопроса о принятии обращения к рассмотрению после регистрации (ч. 1 ст. 42) и месяца для назначения к слушанию.

Во-вторых, право суда назначить разбирательство по делу в письменном виде и решение без слушания может быть принято, если отсутствует необходимость в устном представлении позиции заявителя или ответчика (ч. 1 ст. 47.1). Так, в соответствии с ч. 4 ст. 59 стороны не смогут ознакомиться с протоколом и стенограммой заседания дела без слушания.

В-третьих, право на оглашение решения суда не в полном объеме и без мотивировки (ч. 1 ст. 77). Таким образом, суд имеет право на свое усмотрение преподнести свою позицию в виде решения, заключения или постановления частично и без мотивировки.

Так, поправки в ФКЗ о КС конкретизировали компетенцию суда новыми полномочиями:

- предварительным контролем законопроектов, федеральных конституционных и федеральных законов, законов субъектов федерации;
- вопросами решений международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных третейских судов (арбитражей) при противоречии с основами публичного правопорядка в РФ;
- участие в процедурах по снятию неприкосновенности с бывшего президента.

С принятыми поправками также обновились и полномочия Конституционного Суда: ст. 3, гл. 13 и 17 конкретизируют сами процедуры. В том числе раскрывается критерий проверки о рассмотрении исполнений решений межгосударственных и иностранных судов и арбитражей в соответствии с основами конституционного строя (ст. 104.7).

Можно констатировать тот факт, что с принятием поправок изменялись и полномочия суда. С одной стороны, увеличение полномочий суда характеризуется в единстве мнения всего суда — отмена особого мнения, отмена процессуальных сроков в судебных разбирательствах и частичная или полная отмена решений международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных арбитражей в случае коллизий с Конституцией РФ или конституционным строем РФ. Данные изменения могут положительно повлиять на укрепление позиции Конституционного Суда как главного правового института власти в РФ.

С другой стороны, закрытость суда — отмена процессуальных сроков, право разрешения дела без слушания и право суда оглашать решение не в полном объеме и без мотивировки. Существует риск, что с настоящими поправками доступ в КС для обычных граждан Российской Федерации будет затруднен и это может негативно сказаться на всей судебной системе.

Таким образом, только судебная практика КС РФ покажет, как будут исполняться решения суда. В основном в КС РФ обращаются граждане и юридические лица, и для них до конца не раскрыто положение о том, как трактовать положение «исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты» и в каких случаях Конституционный Суд будет принимать жалобу к рассмотрению.

Так, обращение в максимально высокую кассационную инстанцию (п. 3 ст. 97 ФКЗ о КС) называется по общему правилу исчерпанием, а в течение шести месяцев со дня вступления поправок — в любую кассацию. По нашему мнению, реального переходного периода для адаптации граждан к поправкам, внесенным в ФКЗ о КС, не предусмотрено, и требования к жалобам с принятием данных изменений ужесточаются.

В заключение можно отметить, что принятые поправки в ФКЗ о КС кардинальным образом изменят всю судебную систему РФ. Конституционный Суд РФ можно охарактеризовать следующим образом: сокращение числа судей до 11 человек; председателю суда подконтрольны все судьи; единое мнение судей по всем вопросам для общественности; суд закрыт от внешнего наблюдателя, и он стал более труднодоступным для граждан. Окажутся ли верными данные характеристики — покажет только время и судебная практика Конституционного Суда РФ.

Список источников

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: фед. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 01.11.2021).
2. *Клишас А. А.* Комментарии к поправке закона о Конституционном Суде // Газета.Ру. 2020. 20 октября. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/10/20/n_15107323.shtml (дата обращения: 07.11.2021).
3. *Крашенинников П. В.* Комментарий законопроекта о судостроительстве // Российская газета. 2020. 18 октября. URL: <https://rg.ru/2020/10/18/pavel-krasheninikov-kommentiruet-zakonoproektu-o-sudoustrojstve.html> (дата обращения: 07.11.2021).
4. *Мрдеян А. М.* Конституционный суд Российской Федерации: особое мнение судей и проблемы независимости суда // Эволюция российского права: материалы XIX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 29–30 апреля 2021 г.). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 1639–1645.
5. Итоги-2020: главные позиции Конституционного суда // Право.RU. 2020. 4 марта. URL: <https://pravo.ru/story/228327/> (дата обращения: 13.11.2021).

Информация об авторе

А. В. Кузнецов — аспирант; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; kuznetsov-ark@yandex.ru

Information about the author

A. V. Kuznetsov — Postgraduate Student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; kuznetsov-ark@yandex.ru

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Научная статья

УДК 342.56

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-115-121

Судебная система Советского государства как важнейший элемент его государственно-правовой системы на этапе становления: деятельность революционных трибуналов

Иван Дмитриевич Чангли

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные исторические, идеологические, социальные и иные факторы, детерминировавшие появление судебной системы советского государства (РСФСР) в период его становления (1917–1922). Автором выявлены некоторые закономерности ее дальнейшего развития, особенности правового регулирования деятельности судов и чрезвычайных судебных органов. Охарактеризованы взгляды советских правоведов на суть и значение судов при построении социализма на ранних этапах его развития.

Ключевые слова: суд, декрет, советское государство, революционное правосознание, трибунал, правосудие

Для цитирования: Чангли И. Д. Судебная система Советского государства как важнейший элемент его государственно-правовой системы на этапе становления: деятельность революционных трибуналов // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 115–121. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-115-121>

Original article

The judicial system at the stage of the formation of the Soviet state as the most important element of the state legal system: the activities of the revolutionary tribunals

Ivan D. Changli

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia

Abstract. This article examines the main historical, ideological, social and other factors that determined the emergence of the judicial system of the Soviet state (RSFSR) during its formation in 1917-1922, as well as the main patterns of its further development, features of legal regulation of the activities of courts and extraordinary judicial bodies, as well as the views of Soviet jurists on the essence and importance of courts in building socialism in the early stages of its development.

Keywords: law court, decree, Soviet state, revolutionary sense of justice, tribunal, justice

For citation: Changli I. D. The judicial system at the stage of the formation of the Soviet state as the most important element of the state legal system: the activities of the revolutionary tribunals. *Sociology and Law. 2021;13(4):115-121.* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-115-121>

Советская система государства и права — это феномен, не имевший аналогов в истории. На месте разрушенного, складывавшегося веками государственного аппарата и системы правовых норм монархической России возникла новая государственно-правовая система, а также новая система государственно-территориального устройства и новый политический режим.

В своих работах В. И. Ленин описывал видение и значение государственного строительства в начальный период существования возникшего впервые на планете советского государства следующим образом: «...теперь, во времена начала социалистической революции во всем мире, и как раз во время победы революции в некоторых странах, когда особенно обострилась борьба с всемирным капиталом, — вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности» [1, с. 80]. На обломках низложенной государственной машины требовалось создать и новую судебную систему.

Изначально большевики после прихода к власти ставили во главу угла «революционное правосознание трудящихся масс» и считали, что именно оно позволит возвести новую судебную систему или, образно говоря, судебное здание — «бесконечно более прочное по своему содержанию», чем старое, с его правовыми нормами и судебными учреждениями [2, с. 90]. Вскоре в новой программе РКРП (б), принятой в 1919 г., требование предыдущей программы о выборности судей народом было откорректировано: «Взяв всю власть в свои руки и упразднив без остатка органы буржуазного господства — суды прежнего устройства, — пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии «выборность судей народом» выдвинула классовый лозунг «выборность судей из трудящихся только трудящимися» [3]. Таким образом, существовавшая к этому времени правовая система России должна была быть отвергнута и упразднена.

Следует отметить, что проведенная ранее Александром II судебная реформа 1864 г. была смелым и решительным шагом в демократизации судебной системы России. С введением суда присяжных рухнула теория формальных доказательств, вывод о виновности или невиновности присяжные делали, отдавая отчет лишь своей совести, не приводя письменных оснований принятого решения. Разработанные специальной комиссией судебные уставы, как отмечали правоведы, представляли собой и по содержанию, и по форме прогрессивные законодательные акты — «язык их изящен, легок, вполне понятен не только юристам».

Главнейшие принципы нового судебного строя сводились к следующему:

- суд отделен от администрации, он независим и самостоятелен;
- судьи получили право несменяемости;
- судопроизводство — устное, гласное.

Наиболее кардинальные изменения введены Уставом уголовного судопроизводства: порядок процесса принят смешанный, следственно-состязательный, причем принцип состязательности преобладал на главной стадии процесса, то есть на стадии судебного следствия. Предварительное следствие осуществлял судебный следователь, имеющий звание и права судьи. Полиция служила лишь органом дознания. Присутствие подсудимого при судопроизводстве становилось обязательным, его защиту поручали юридически образованному присяжному поверенному, обвинение поддерживается официальным обвинителем — чином прокурорского надзора. Разрешение дел судом производилось коллегиально, единоличное вынесение решений было установлено для дел меньшей степени сложности, и они были подведомственны мировой юстиции. Разрешение дел особой важности относилось к компетенции института присяжных заседателей, являвшихся для отечественного судопроизводства прогрессивной вехой [4, с. 255].

Перечисленные изменения, воплотившиеся в жизнь в результате проведенной судебной реформы, подняли на значительную высоту науку права. Появившееся на свет Советское государство отвергло существовавшую до этого систему права. Краеугольным камнем новой системы права стал принцип, положенный в основу идеологии марксизма — диктатура пролетариата. Новые социальные условия и общественные отношения потребовали создания и новых правовых актов, то есть их принципиально нового юридического оформления. Потребовался новый свод уголовного права, в котором идеологическая сторона в итоге заслонила правовую. Все правовые идеи, озвученные учеными-правоведами дореволюционной России, были отвергнуты вместе с принципиальными положениями теории права.

Еще до появления первого декрета о суде Ленин озвучил требование «арестовывать и предавать революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу» [5, с. 66–67]. Ввиду этого еще до издания нормативно-правовых актов, закрепляющих новую судебную систему, стали появляться «революционные народные суды», которые в своей деятельности руководствовались «единственно голосом судейской совести» [6, с. 15].

22 ноября 1917 г. председателем Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР Лениным подписан Декрет СНК № 1 о суде, в котором предписывалось упразднить старую судебную систему со всеми ее институтами. При этом учреждали следственные комиссии при Советах, а также рабочие и крестьянские революционные трибуналы, ставшие главным новшеством. Статья 8 Декрета следующим образом описывала значение революционных трибуналов: «...для борьбы против контрреволюционных сил в виду принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний» [7, с. 124].

В марте 1918 г. издан Декрет СНК о суде № 2, позднее — «Положение о едином народном суде», одобренное ВЦИК 30 ноября 1918 г., в котором судьям строго запрещалось в своих решениях ссылаться «на законы свергнутых правительств». Указанный декрет уже обобщенно устанавливал новую судебную систему в виде местных и окружных народных судов с правом кассации решений в областном народном суде; устанавливали общий порядок предварительного следствия, обвинения и защиты, о народных заседателях и судебном следствии, об исполнительном производстве и т. д. [7, с. 466–473].

Принятый 20 июля 1918 г. Декрет СНК о суде № 3 перераспределял подсудность между местными народными судами, окружными народными судами и революционными трибуналами. Глава Народного комиссариата народного просвещения А. В. Луначарский в статье «Революция и суд», напечатанной в газете «Правда» 1 декабря 1917 г., выдвигал следующие лозунги: «Долой суды-мумии, алтари умершего права, долой судей-банкиров. Да здравствует народ, создающий в своих кипящих, бродящих, как молодое вино, судах, право новое — справедливость для всех» [8].

В 1917–1920 гг. в России последовательно образована сеть революционных трибуналов (в столицах, губернских городах, уездах и волостях) на основе Декрета СНК от 22 ноября 1917 г. Постановлением ВЦИК от 29 мая 1918 г. был учрежден Чрезвычайный, позднее переименованный в Верховный, ревтрибунал при ВЦИК. Приказом Реввоенсовета от 14 октября 1918 г. учреждена сеть армейских ревтрибуналов, в иерархии которых главенствующее положение занимал реввентрибунал при Реввоенсовете республики. Декретом ВЦИК от 18 марта 1920 г. образованы революционные военно-железнодорожные трибуналы при Народном комиссариате путей сообщения, а также иные, более мелкие ревтрибуналы.

Революционные трибуналы, действуя сообща со Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем, обладали широкими вне-

судебными карательными полномочиями. Декрет СНК от 21 октября 1919 г. учреждал при ВЧК Особый ревтрибунал, «не связанный какими-либо формами судопроизводства», с «правом вынесения окончательных приговоров, не подлежащих обжалованию в кассационном порядке» [9].

Правоприменительными функциями, включая право на ведение следствия, арест, заключение в тюрьму или лагерь принудительного труда, наделялись следующие органы: Народный комиссариат юстиции РСФСР, отделы, управления и юридические отделы губернского и уездных исполкомов, органы милиции, народные, партийные и товарищеские суды, комиссии по делам дезертиров, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с беспризорностью и даже комиссии по делам несовершеннолетних. Приговоры, выносимые реввоен трибуналами, были суровы: только в 1920 г. к смертной казни приговорены свыше 6,5 тысяч человек [10, с. 15]. В августе 1920 г., по сведениям председателя центрального революционного военного трибунала Данишевского, приговорены к расстрелу 1 100 человек (это отражено в сводной таблице Данишевского «Применение высшей меры наказания Реввоен трибуналами РСФСР за 1920 г.»).

О действиях ревтрибуналов К. Х. Данишевский писал: «Революционные военные трибуналы — это, в первую очередь, органы уничтожения, изоляции, обезвреживания и терроризирования врагов рабоче-крестьянского отечества, и только во вторую очередь — это суды, устанавливающие степень виновности данного субъекта ... никакого Уложения о наказаниях составить невозможно и было бы неразумно». И далее: «Революционный военный трибунал — это необходимый и верный орган Диктатуры пролетариата, долженствующий через неслыханное разорение, через океаны крови и слез провести рабочий класс ... в мир свободного труда, счастья трудящихся и красоты» [11, с. 43]. Данишевскому вторил и И. Н. Крыленко: «Трибунал — это не тот суд, в котором должны возродиться юридические тонкости и хитросплетения... Мы творим новое право и новые этические нормы... Трибунал выясняет личность преступника поскольку... возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого...» [12, с. 505].

Первый Уголовный кодекс РСФСР появился в июне 1922 г. 1 августа этого же года увидел свет Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР. В обоих кодексах принцип «революционной целесообразности» занимал центральное место. Только в первый год советской власти правительство произвело на свет около 200 декретов, которые определяли меру наказания за те или иные преступления, в основном — за посягательство на интересы государства. К моменту принятия первого советского Уголовного кодекса в 1922 г. количество таких декретов перевалило за 400. Разобраться в них было чрезвычайно сложно. Данное обстоятельство превращало официальное судебное законодательство в фикцию.

Судебное следствие ревтрибуналов проходило в «жесткой и наивной уверенности, что собственное сознание подсудимого, добытое какою бы то ни было ценой, есть лучшее и вернейшее доказательство» [13, с. 232–234]. Причем до конца июля 1918 г., то есть в течение около трех месяцев с момента учреждения революционных трибуналов, не существовало нормативно-правовых актов, которые регулировали бы деятельность революционных трибуналов в области судопроизводства. Только 23 июля 1918 г. издана Инструкция Наркомюста РСФСР, которая регламентировала для ревтрибуналов стадии судопроизводства. Однако окончательная регламентация деятельности ревтрибуналов оформлена лишь с принятием УПК РСФСР 1922 г. [14, с. 49–50]. Из этого следует, что принцип революционной целесообразности продолжал сохранять свое прямое действие.

Очевидно, что принцип революционной целесообразности и «революционное правотворчество масс» как источник раннего советского права имели очень размытые границы, что в условиях Гражданской войны, всеобщего озлобления и отсутствия должного контроля могло вылиться в произвол. Порой такое «правосудие» вершилось вне всяких процессуальных рамок и подведомственности. Примером может служить свидетельство А. В. Розенберга об условиях содержания арестованных и применении к ним наказаний в Крыму в 1920 г.: «Арестован и попал в подвал. Пробыл 6 дней. Нельзя было лечь. Не кормили совсем. Воду один раз в день. Мужчины и женщины вместе. Передач не допускали. Стреляли холостыми в толпу родственников. Однажды привели столько офицеров, что нельзя было даже стоять, открыли дверь в коридор. Потом пачками стали расстреливать» [15, с. 210].

Нельзя не принимать во внимание, что с 5 сентября 1918 г. имело юридическую силу постановление СНК РСФСР «О красном терроре», что напрямую определяло специфику судопроизводства в Советской России. Неслучайно В. И. Ленин утверждал: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» [16, с. 190]. Впоследствии, на IX съезде РКП (б), Ленин озвучивал следующую точку зрения относительно значения судов в период после Гражданской войны: «Когда мы переходим от ВЧК к государственно-политическим судам, то надо сказать на съезде, что мы не признаем судов внеклассовых. У нас должны быть суды выборные, пролетарские, и суды должны знать, что мы допускаем. Члены суда должны твердо знать, что такое государственный капитализм». Таким образом, классово-волевой принцип деятельности судов на первоначальном этапе становления и развития советского государства ставили во главу угла.

Суть политики советского государства в области борьбы с врагами, сущность принципа революционной целесообразности озвучил и член коллегии ВЧК М. Я. Лацис: «Гражданская война не знает писанных законов ... надо не только разгромить действующие вражеские силы, но и показать, что кто бы ни поднял меч против существующего классового строя, от меча и погибнет. По таким правилам действовала буржуазия в гражданских войнах, которые она вела против пролетариата... Мы ещё недостаточно усвоили эти правила. Они убивают нас сотнями и тысячами. Мы казним их по одному, после долгих обсуждений перед комиссиями и судами. В Гражданской войне нет места для суда над врагами. Это — смертельная схватка. Если не убьешь ты, убьют тебя. И если ты не хочешь быть убитым, убей сам!» [8].

Итак, можно выделить основные особенности правосудия в Советской России в рассматриваемый период:

- 1) отсутствие четко установленных в законе критериев того, является ли деяние, за совершение которого лицо предано суду, преступлением или нет;
- 2) преступность деяния или намерение его совершить определялись по признаку его потенциальной опасности новому политическому строю;
- 3) необязательность всестороннего установления виновности представшего перед судом: достаточно было выяснить наличие одного деяния или даже соответствующего настроения обвиняемого (или группы обвиняемых), чтобы оценить их опасность для «данной системы общественных отношений» и, руководствуясь «задачами текущего момента», назначить наказание.

Еще одна черта пролетарского суда — отсутствие строгой формализованности процесса, что рассматривалось как завоевание нового строя. Судебная система зачастую была не способна обеспечить исполнение ведущих принципов уголовного судопроизводства цивилизованного правосудия. Среди них — следующие:

- осуществление правосудия только судом;
- охрана прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве;
- состязательность сторон;
- обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту;
- соблюдение порядка уголовного судопроизводства;
- всестороннее и объективное исследование обстоятельств по делу;
- свободная и объективная оценка судом доказательств и т. д.

Список источников

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 624 с.
2. Стучка П. И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие. М.: Советское законодательство, 1934. 216 с.
3. Открылся VII экстренный съезд РКП(б) (Ленин). 1918. 6 марта // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/history/619078> (дата обращения: 01.09.2021).
4. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 527 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 600 с.
6. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 гг. М.: Госюриздат, 1957. 383 с.
7. Декреты советской власти. В 18 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
8. Багаев А. 1917 год. Создание ВЧК: предтеча красного террора // ТВ2. 2017. 9 декабря. URL: <https://tv2.today/Istorii/1917-god-sozdanie-vchk-predtecha-krasnogo-terrora> (дата обращения: 03.09.2021).
9. Декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. Статья № 132 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/35837> (дата обращения: 03.09.2021).
10. Ульрих В. Военные трибуналы. Пять лет Верховного суда 1918–1923. М.: Юридиздат НКЮ, 1923. 24 с.
11. Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. М.: Реввоен трибунал Респ., 1920. 61 с.
12. Крыленко И. Н. За пять лет (1918–1923): обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционных трибуналах. М.: Госиздат; Петроград: Госиздат, 1923. 527 с.
13. Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию. М.: АЦ, 1997. 450 с.
14. Макутчев А. В. «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2019. 256 с.
15. Красный террор глазами очевидцев: сборник / сост., предисл. и коммент. С. В. Волков. М.: Айрис-пресс, 2009. 446 с.
16. Ленин В. И. Собрание сочинений. В 55 т. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 450 с.

Информация об авторе

И. Д. Чангли — аспирант; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; i_changli@mail.ru

Information about the author

I. D. Changli — Postgraduate Student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; i_changli@mail.ru

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 22.09.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 27.12.2021.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *О. В. Ярцева*
Выпускающий редактор *В. В. Салина*
Редактор-корректор *Е. С. Чулкова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Шмелёв*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит 4 раза в год.

Сдано в набор 10.12.2021.
Дата выхода в свет 28.12.2021.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,52. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 100 экз. Заказ № 679.

Свободная цена

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге АО «Почта России» — ПП620**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 449-08-33, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)